

НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ФИЛИАЛА
РАНХиГС

Серия: политология и социология

УЧРЕДИТЕЛЬ:

федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего образования
«Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»

№1 2016

Журнал основан в 2009 г.

Периодичность серии 4 номера в год

Редакционный совет:

И. О. Тюменцев, д-р ист. наук, профессор
(председатель Редакционного совета);
Е. М. Бабосов, академик Национальной Академии Наук
Республики Беларусь;
В. А. Лоскутов, д-р филос. наук, профессор;
А. В. Понделков, д-р полит. наук, профессор;
С. П. Поцелуев, д-р полит. наук, доцент;
Ф. М. Эфендиев, д-р филос. наук, профессор;
М. Я. Яхьяев, д-р филос. наук, профессор

Главный редактор:

А. И. Бардаков, д-р полит. наук, доцент

Заместитель главного редактора:

Ю. А. Дроздова, канд. социол. наук, доцент

Ответственный научный секретарь:

Е. В. Перерва, канд. истор. наук

Редакторы перевода:

Е. В. Гуляева, канд. филол. наук, доцент;

Ю. В. Семикина, канд. филол. наук, доцент

Редакционная коллегия:

С. С. Восканян, д-р полит. наук, доцент;
Р. А. Данакари, д-р филос. наук, доцент;
О. А. Долгополова, канд. психол. наук, доцент;
Д. М. Зиновьева, канд. психол. наук;
И. А. Злочевский, канд. эконом. наук, доцент;
В. А. Колесников, д-р полит. наук, доцент;
А. Л. Клейтман, канд. ист. наук;
А. Л. Кузеванова, д-р социол. наук, доцент;
А. М. Медведев, канд. психол. наук, доцент;
Е. Р. Мкртчян, канд. социол. наук, доцент;
И. Л. Морозов, д-р полит. наук, доцент;
А. А. Огарков, канд. эконом. наук, доцент;
Е. Г. Олейникова, д-р ист. наук, профессор;
О. В. Рвачева, канд. ист. наук, доцент;
Н. С. Субочев, д-р социол. наук, доцент;
Д. Р. Яворский, д-р филос. наук, доцент;
А. В. Одинцов, канд. социол. наук (секретарь)
С. С. Ермакова, секретарь

Адрес редакции: Волгоградский филиал ФГБОУ ВО РАНХиГС

400131, Волгоград, ул. Гагарина, 8.
vestnik_1@vags.ru

Издательство Волгоградского филиала
ФГБОУ ВО РАНХиГС, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENT

ПОЛИТОЛОГИЯ

POLITICAL SCIENCE

Морозов И. Л.
Национальная безопасность России
в меняющемся мире..... 4

Morozov I. L.
National security of the Russian federation
in a changing world..... 4

Поломошнов А. Ф.
Судьба марксизма..... 16

Polomoshnov A. F.
Fate of Marxism..... 16

**Иванова Т. Б., Ковшикова Е. В.,
Огарков А. А.**
Концепция регионального пространственного
развития..... 32

**Ivanova T. B., Kovshikova E. V.,
Ogarkov A. A.**
Concept of regional spatial
development..... 32

СОЦИОЛОГИЯ

SOCIAL SCIENCE

Галактионова Н. А.
Современные досуговые практики: регио-
нальные особенности и глобализированная
мода..... 36

Galaktionova N. A.
Modern leisure practices:
regional features and the globalized
fashion..... 36

Беликова Е. О.
Стратегия развития межнациональных
и межрелигиозных взаимоотношений
в Волгоградской области..... 41

Belikova E. O.
International development strategy
and inter-religious relations
in the Volgograd region..... 41

Ковшикова Е. В., Александрова А. А. Моти-
вация труда женщины в современной России:
региональный аспект..... 44

Kovshikova E. V., Aleksandrova A. A.
Women's labor motivation in modern Russia:
the regional dimension..... 44

Семикин Д. В., Семикина Ю. Г.
Проблема оптимизации системы взаимодей-
ствия СМИ и региональных органов государ-
ственного управления..... 47

Semikin D. V., Semikina Y. G.
The problem of optimization of interaction
between media and regional bodies of state
administration..... 47

Усачева О. А.
Рецензия на сборник «Руководство по изуче-
нию городской среды. Экологически
и социально-психологические аспекты». –
М., 2015..... 50

Usacheva O. A.
Review of the "Handbook of the urban envi-
ronment study. Environmental and
socio-psychological aspects". –
M., 2015..... 50

ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ

HUMANITARIAN SCIENCE

Стешенко Н. И., Литвинов М. С.
Изобразительная (образная) теория языка
в «логико-философском трактате»
Л. Витгенштейна..... 53

Steshenko N. I., Litvinov M. S.
Pictorial theory of language
in Wittgenstein's tractatus
logico-philosophicus..... 53

Поломошнов П. А.
Трансформации идентичности личности
в эпоху модернизации..... 60

Polomoshnov P. A.
Transformations of a human identity
in the era of modernization..... 60

Перерва Е. В. Патологические отклонения на костных останках детей из подкурганых захоронений эпохи средней бронзы с территории Нижнего Поволжья и Республики Калмыкия.....	67	Pererva E. V. Remains from burials beneath barrows of the middle bronze age period in the lower Volga region and the Republic of Kalmykia.....	67
Лаврухина И. М. Проблема устойчивости общественных организмов в свете типологии культур.....	79	Lavrukhina I. M. Problem of stability of public organisms in the light of a typology of cultures.....	79
СЛОВО – МОЛОДОМУ УЧЕНОМУ		THE WORD FROM YOUNG SCIENTISTS	
Романов Е. С. Социокультурные проблемы деидеологизации российского общества.....	83	Romanov E. S. Socio-cultural issues of de-ideologization of Russian society.....	83
Молодоженов А. Г. Государственная и муниципальная власть: отечественный и зарубежный опыт взаимодействия.....	89	Molodozhenov A. G. State and municipal authority: domestic and foreign experience of interaction.....	89
Ишкхnelидзе А. Г. Основные подходы исследования избирательного процесса.....	92	Ishkhnelidze A. G. The main study approaches of electoral process.....	92
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	97	THE INFORMATION ABOUT AUTHORS....	97

ПОЛИТОЛОГИЯ

POLITICAL SCIENCE

УДК 327.88
ББК 66.68

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

И. Л. Морозов

Аннотация. В статье выявляются и анализируются новые факторы межгосударственного противоборства, угрожающие системе национальной безопасности России. Автор рассматривает и систематизирует новые технологии дестабилизации авторитарных политических режимов, раскрывает степень уязвимости политической элиты современной России перед технологиями информационной войны. В качестве рекомендаций указаны необходимость расширения сотрудничества органов государственной власти России с институтами гражданского общества, развитие национальной идеологии, реформа системы подготовки кадров государственных служащих.

Ключевые слова: национальная безопасность, угроза, Россия, США, информационная война, идеология, государственное управление.

NATIONAL SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION IN A CHANGING WORLD

I. L. Morozov

Abstract. The article identifies and analyses the new factors of intergovernmental opposition, threatening the national security of Russia. The author reveals the new technologies of destabilization of authoritarian political regimes, the vulnerability of the political elite of modern Russia before the technologies of the information war. As recommendations the need for greater cooperation of government bodies with civil society institutions, development of national ideology, reform of the training system of public servants are indicated.

Keywords: national security, threat, the Russian Federation, the United States, information warfare, ideology, public administration.

Постиндустриал как современный этап эволюции человеческой цивилизации актуализировал новые факторы социально-политического и военно-политического характера, меняющие критерии международной и национальной безопасности, определил осо-

бенности межгосударственного противоборства и обеспечения внутренней устойчивости политических режимов.

Шесть наиболее значимых из общего числа данных факторов систематизированы в таблице 1 и заслуживают подробного рассмотрения.

Таблица 1

Новые факторы межгосударственного противоборства в начале XXI века

Социально-политические факторы	Военно-политические факторы
Массовая демократизация / псевдодемократизация политических режимов	Равновесие возможностей стратегических вооружений мировых держав
Вестернизация политических элит поставторитарных государств	Высокая стоимость и низкая эффективность ведения военных действий традиционными методами
Взаимопроницаемость национальных государственных границ	Терроризм как основная тактика действий антисистемных акторов в борьбе с политическими режимами

Значение первого фактора заключается в том, что не только тоталитарные, но и маскирующиеся под демократии авторитарные модели политического управления народами к началу XXI в. перемещаются в категорию «вне морали», а затем по факту и «вне закона», после чего начинается жесткое, включая военное, давление на диктаторов-рудиментов ушедшего века и биполярной системы мира. На первом этапе данные военные операции хотя бы формально носили характер возмездия за агрессивную внешнюю политику (президенту Сербии С. Милошевичу в конце 90-х гг. XX в. инкриминировали разжигание войны в Боснии и Герцеговине, главе Афганистана Мухаммаду Омару, у которого министром обороны состоял Усама бен Ладен, инкриминировали поддержку террористического нападения на США в 2001 г.). На втором этапе для решения о военном подавлении авторитарного режима было достаточно формальных (даже сфальсифицированных или неоднозначно трактуемых) доказательных фактов, например, обвинений в обладании оружием массового уничтожения и потенциальной готовности пустить его в ход. Последнее оказалось достаточным поводом для свержения президента Ирака Саддама Хусейна в 2003 году. На третьем этапе (Ливия 2011 г. и Сирия 2014–2016 гг.) для обоснования военных операций по поддержке оппозиции оказалось достаточно медийно представленных обвинений в адрес лидеров этих стран во внутренних репрессиях, а принцип суверенитета при принятии юридически значимых решений был низведен до пренебрежимо малой величины.

Стремясь адаптироваться к тенденциям меняющегося мира, современные авторитарные режимы практически повсеместно (за исключением Северной Кореи) предприняли усилия по внешней трансформации в демократию. Особенно показательны в этом отношении постсоветское пространство, где итоги политических выборов в целом известны до проведения самих выборов, так как в противном случае находится предлог введения моратория на электоральный процесс, а главы государств сменяются в основ-

ном под воздействием трех причин: преклонный возраст, физическая смерть, массовые беспорядки различной интенсивности («цветные революции»).

В итоге современная мировая политическая система имеет дело с новым феноменом – появились неклассические авторитарные политические режимы. Они не обладают преимуществами авторитаризма (устойчивость управленческих контуров и эффективность безнаказанного проведения внутренних репрессий). Это режимы-гибриды, маскирующиеся под демократию, но не способные извлечь преимущества таких демократических отношений, как взаимоподдержка государственного аппарата и гражданского общества.

Компенсируя недостаточную социальную базу опорой на выведенные в привилегированное положение силовые структуры, квазиавторитарное государство эффективно до того момента, когда его экономика теряет способность обеспечивать рост благосостояния правящей элиты (включая ее «силовую» часть). Нехватка ресурсов приводит к аппаратному расколу в верхах на фоне падения уровня жизни рядовых граждан и протестной активизации социума. Складывается чрезвычайно опасная для действующей власти ситуация, когда интересы политических заговорщиков «верхнего уровня» в формирующемся антигосударственном движении ситуативно совпадают с интересами низовых, уличных форм протеста, представленных активностью радикально настроенных молодежных группировок. Украинский политолог Е. О. Васильчук отмечает следующие особенности психологии современного молодежного радикализма: «...повышенная эмоциональность и чувственность в восприятии социальной реальности, чрезмерная агрессивность, склонность к противоправному поведению и совершению насильственных действий в отношении отдельных лиц и социальных групп, которые составляют иллюзорную или реальную угрозу для интересов и потребностей депривированных слоев молодежи» [6, с. 94].

Второй фактор – вестернизация политиче-

ских элит гибридных режимов – парадоксальным образом не противоречит первому рассмотренному факту. Отрицая демократические принципы управления в отношении собственных подданных, социальная верхушка квазиавторитарных стран стремится обустроить свое личное «пространство благополучия» именно на территории стран исторической демократии: оформляя двойное гражданство, приобретая недвижимость, размещая финансовые ресурсы, направляя на обучение своих детей. Идеологическое поле и политическая практика такой страны становятся противоречивыми и дуалистическими: патриотизм и антизападная риторика политической элиты сочетается с настойчивыми попытками «достичь договоренностей» с «западными партнерами», «нормализовать отношения», т. е. индивидуально или корпоративно (всецел привилегированной стратой государства) встроиться в мировую элиту.

В силу данного обстоятельства квазиавторитарное государство не имеет устойчивой, обладающей мобилизационным потенциалом, политической идеологии. Проблема возникает даже при попытке публично сформулировать идеологему, выражающую формулу единства народа и его устремленности в будущее, которую принято называть национальной идеей. Эта неспособность официально может объясняться различными факторами – многонациональный состав населения, поликонфессиональность, разные культурно-исторические традиции народа. То есть упоминается все, кроме описанной выше двойственности в мировоззрении самой элиты, чья агрессивная антизападная риторика сочетается с личностной устремленностью в жизненное пространство западной цивилизации. Именно по этой причине квазиавторитарное государство крайне уязвимо для информационно-идеологических атак.

Третий фактор – повышающаяся транспарентность национальных границ в условиях девальвации государственного суверенитета как основополагающей политической категории, приводит к тому, что традиционные, основанные на силовом подходе, механизмы обеспечения

национальной безопасности теряют эффективность. В XXI в. террористы и диверсанты при пересечении государственных границ уже не вступают в перестрелки с пограничными дозорами, не штурмуют пограничные заставы. Проникнуть на территорию государства-жертвы стало реально под видом беженца, студента, трудового мигранта, переселенца-соотечественника и противостоять этому невозможно. Даже прямое нарушение государственной границы в современном мире стало делом гораздо более легким, чем в XX в. – обустройство и содержание системы пограничных укреплений, полностью перекрывающих лимитроф государства, становится делом слишком затратным и потому «невыгодным». Проблему личной безопасности политическая элита теперь предпочитает решать локально, обеспечивая охраной себя и свою семью. Поэтому в современных условиях физическая уязвимость территории государства повышается.

Четвертый фактор, основанный на паритете ядерных вооружений, обесмыслил традиционную форму войны как открытое военное нападение на конкурирующее государство с целью уничтожения его армии и последующего взятия под прямой контроль оставшейся без защиты территории. Великие державы лишились возможности решать вопрос глобального передела рынков и ресурсов методом широкомасштабных военных действий высокой интенсивности – мировых войн. Попытки выхода из «ядерного тупика» в настоящий момент предпринимает Западная цивилизация – роботизация войск первого эшелона (удаление человека с непосредственного поля боя), развертывание глобальной системы противоракетной обороны, развитие высокоточного ракетно-бомбового орудия, которое во взаимодействии с космической разведкой теоретически позволяет рассчитывать на обнаружение и уничтожение ядерных сил государства-противника до того, как оно успеет их применить для ответного удара. США с начала XXI в. навязали человечеству новую гонку вооружений, и пока имеют шансы ее выиграть, судя по сравнению показателей военных затрат соперничающих стран.

Таблица 2

Мировые расходы на вооружения в 2015 году*

Место по расходам	Государство	В процентах от общемировых расходов	Объем финансирования в долларах США
1	США	36 %	\$ 596 млрд.
2	КНР	13 %	\$ 215 млрд.
3	Саудовская Аравия	5,2 %	\$ 87,2 млрд.
4	Россия	4 %	\$ 66,4 млрд.
–	Совокупность остальных государств	42,8 %	\$ 735,4 млрд.
Всего:		100 %	\$ 1,7 трлн.

* Составлено по материалам Стокгольмского международного института исследования проблем мира (SIPRI) [20].

Из данных таблицы 2 вскрывается крайне негативный для России тренд – нарастающее отставание в финансировании военной сферы в сопоставлении с другими государствами. В 2015 г. Российская Федерация увеличила военные расходы в сравнении с предыдущим годом на 7,5 %, однако впервые в XXI в. спустилась на четвертое место в мире, уступив Саудовской Аравии. Опора на унаследованный от СССР военно-промышленный комплекс и тот факт, что военно-технические разработки советских инженеров на десятилетия опередили время мировой эволюции систем вооружений, еще позволяют России противостоять давлению НАТО одновременно на нескольких геополитических направлениях (глобальное ядерное сдерживание, украинский конфликт, сирийский конфликт). Однако данный ресурс не бесконечен.

Пятый фактор, также взаимосвязанный с мировой военной политикой: высокая стоимость и низкая эффективность ведения военных действий традиционными методами, имеет двоякое значение.

Во-первых, негосударственные акторы военного противоборства (террористические организации, повстанческие движения, сепаратисты-инсургенты и т. д.) приобрели реальную возможность если и не выигрывать войну с регулярными вооруженными силами мировых держав, то хотя бы не давать своему противнику одержать полную победу. Разгром военных отрядов афганского движения Талибан в 2001 г. и бегство правительства талибов из столицы не привели к окончанию боевых действий в стране, как позднее не привело к окончанию военных действий в Ираке уничтожение армии иракского диктатора Саддама Хусейна в 2003 году. Более того, втянувшись в многолетнюю войну на данных территориях, США в значительной мере утратили возможность оперативного военного реагирования на вызовы в других точках планеты, чем воспользовалась, например, Россия, проводя спецоперации в Крыму в феврале 2014 года.

Во-вторых, полномасштабное развертывание и снабжение войск великих держав на враждебной территории утрачивает «рентабельность» в связи с несопоставимостью достигаемого результата и тех затрат (как финансовых, так и потерь в живой силе), которые приходится нести. Кроме того, длительная вовлеченность в боевые действия ведет к политическим имиджевым потерям – «партия войны» после короткого патриотического подъема становится уже менее популярной в восприятии граждан, чем «партия мира», что сказывается на электоральном процессе.

Шестой фактор, касающийся терроризма как универсальной тактики борьбы с политическим режимом, актуализировался на пересечении сразу нескольких социально-политических и экономических процессов. Одним из ключевых в их числе стало ментальное разоружение Запада (и пытавшейся следовать его курсом России) – элиты данных стран приняли сознательное решение отказаться от использования идеологием консолидирующего и мобилизующего типа как политической практики, что со временем привело к утрате способности пресекать этнокультурную экспансию со стороны других народов на свою территорию. На место национализма, социализма, консерватизма и в какой-то степени даже крайнего либерализма, понимаемого как неприкосновенность личностных прав и свобод западного индивида, пришло мировоззрение потребителя – консьюмеризм. Смысл человеческой жизни стал пониматься как удачливое уклонение от тягот и опасностей (особенно связанных не с личным интересом, а с деятельностью на благо своего народа, государства-родины, этноса, родного края и т. д.) на фоне наращивания покупательской способности, позволяющей поглощать все большее количество материальных товаров и услуг.

У человека-потребителя постепенно размывается чувство национальной и территориальной идентичности, утрачивается способность к объединению с себе подобными в целях коллективного отстаивания своих прав, нарастает психологическая инфантильность, социальный паразитизм. Не случайно именно в странах Запада рубеж совершеннолетия человека отодвинут на как можно более поздний срок. Об опасностях консьюмеризма и путях его преодоления подробнее пишет российский экономист профессор И. Е. Бельских [5, с. 99–113].

Данная метаморфоза западного сознания создала благоприятную среду для проникновения в Европу сперва потенциальных носителей религиозно-экстремистских идеологий (мигранты из бедных мусульманских стран), а затем и самих адептов непримиримого исламизма, быстро пополняющих ряды своих сторонников в осваиваемом ими геокультурном регионе планеты. Как отмечает полковник полиции Е. А. Матвиенко: «...существуют ли некие границы, за которыми говорить о толерантности неуместно, а то и просто опасно? Является ли уважение к иной культуре и ее носителям чем-то абсолютным или оно все же относительно, и не следует приносить в жертву абстрактным теориям конкретные жизненные интересы общества?» [10, с. 180].

Черeda кровавых преступлений религиозно-экстремистской направленности, поразившая столицы европейских государств в 2015–2016 гг. (7 января 2015 г. – нападение исламских фанатиков на редакцию французского издания Шарли Эбдо, в ходе которого погибло двенадцать человек; 13 января 2015 г. – серия террористических актов в Париже, от рук исламистов погибло более ста человек; 22 марта 2016 г. – серия террористических актов в Брюсселе, от рук исламистов погибло более тридцати человек) показала, что лидеры европейских государств как минимум замешкались с ответами на обозначенные выше вопросы.

Террорист – не вражеский солдат, прорывающийся на чужую территорию с оружием в руках. Террорист способен существовать и действовать лишь на той территории, на которую его добровольно пропускают, позволяют перемещаться, закрепляться в социуме. Террористу нужна хотя бы минимальная поддержка со стороны сочувствующих. Террорист должен быть уверен, что погибая, он подтолкнет своим примером к вооруженной борьбе все новых adeptов. Террорист способен проводить атаки против тех граждан, политические лидеры которых не способны на быстрый и широкомасштабный ответ, выбивающий из-под террористического движения социальную опору, а ограничиваются точечными мерами. Между тем есть антитеррористический опыт Советского Союза, подавившего в 20–30-х гг. XX в. басмаческое движение в Средней Азии, вооруженные националистические подполья в Западной Украине и на Северном Кавказе в середине 40-х – начале 50-х гг. XX в.

Однако по политическим причинам современные лидеры европейских государств (включая Россию) подобные советским антитеррористические практики считают неприемлемыми, предпочитая точно реагировать на деятельность очередной активизировавшейся террористической группировки, а затем выплачивать «материальные компенсации» жертвам террористических атак. Удивительное совпадение – современные террористы почти не устраивают покушений на высокопоставленных государственных функционеров, но обвязавшись взрывчаткой, упорно устремляются в аэропорты, вокзалы, метро и наземный общественный транспорт, уничтожая рядовых граждан. Обращает на себя внимание разительное изменение тактики действий современных террористов в сравнении хотя бы с «народовольцами» и их последователями XIX – начала XX веков, которые готовы были погубить весь состав своей боевой группы в бес-

плодной охоте на очередного хорошо охраняемого чиновника Российской Империи, но стремились избегать жертв среди простого населения.

2 февраля 1905 г. боевик-эсэр Иван Каляев по моральным причинам оказался не способным совершить теракт в отношении Великого князя Сергея Александровича, обнаружив в его карете двоих детей. Лидер террористов Борис Савинков одобрил решение Каляева. Характерно, что в написанных Б. Савинковым (под псевдонимом В. Ропшин) полубиографических художественных произведениях о «быте» террористического подполья литературные персонажи терзаются сомнениями, находятся в поиске оправданий своих поступков и т.д. [13, с. 14–15].

Террористка Наида Асиялова, совершившая 21 октября 2013 г. самоподрыв в переполненном людьми волгоградском автобусе, явно не беспокоилась о том, что в ходе теракта могут погибнуть дети, как не беспокоились об этом и ее последователи, устроившие 29 и 30 декабря 2013 г. в Волгограде взрывы в здании железнодорожного вокзала и в общественном транспорте. 29 февраля 2016 г. Гульчехра Бабакулова ходила по улицам Москвы, потрясая головой убитого ею четырехлетнего российского ребенка, выкрикивала исламистские лозунги – преступление столь чудовищной тяжести, что российское правосудие не решилось классифицировать событие как террористический акт, сочтя женщину невменяемой, а ведущие российские СМИ сочли целесообразным свести в медийном пространстве обсуждение данной трагедии к минимуму [9].

Таким образом, мы имеем дело с двумя принципиально разными явлениями – политическим терроризмом в первом случае («Народная воля») и религиозно-политическом во втором («Имарат Кавказ» и схожие зарубежные группировки). Основатель международной террористической организации «Аль-Каида» Усама бен Ладен прямо указывал в своей «фетве»: «Убивать американцев, как военных, так и гражданских, а так же их союзников – индивидуальная обязанность для каждого мусульманина, который может делать это в любой стране, в которой это возможно делать» [2, с. 387]. Дальнейшие события известны – множась идея последователи бен Ладена принялись нарастающими темпами убивать не только американцев и духовный лидер «Аль-Каиды» дал очередное «напутствие»: «Я говорю им, что эти события разделили мир на два лагеря, лагерь истинно верующих, и лагерь неверных. Да защитит от них Аллах нас и вас.

Каждый мусульманин должен встать и защищать свою религию. Ветер веры дует, и дует ветер перемен, который сдует зло с полуострова Мухаммеда, да пребудет с ним мир» [3, с. 396].

Столкнувшись с единой угрозой, Запад и Россия могли объединиться в борьбе против религиозного экстремизма [15, с. 86] и шанс реализации этого варианта возник в 2001 году. В ответ на ширококомасштабные террористические акты «Аль-Каиды» в США, Россия не только одобрила американскую военную экспансию в контролируемый талибами Афганистан, но и внесла мощный вклад в формирование противостоящего Талибану «Северного альянса». По инициативе президента России В. В. Путина было послано еще несколько недвусмысленных сигналов Западу: ликвидация российских военных баз и разведывательных центров на Кубе и во Вьетнаме, отказ России от национальной космической программы в пользу международной, реализация соглашений по ликвидации некоторых элементов ядерного оружия. Например, завершение ликвидации не имеющего мировых аналогов Боевого железнодорожного ракетного комплекса «Молодец» и передача США наработанного советскими реакторами оружейного урана и плутония в рамках международной программы «Мегатонны в мегаватты».

Однако реакция лидеров Запада, увлекшихся «историческим шансом» геополитического освоения постсоветского пространства, была однозначной – самое крупное в истории НАТО расширение альянса на восточные территории, выход США из Договора ограничения систем противоракетной обороны от 1972 года. Вскоре разрушились надежды Москвы и на реализацию проекта создания совместной с США глобальной системы ПРО [1, с. 49], что в известной степени могло бы нейтрализовать негативные для России последствия выхода США из договора 1972 года.

У президента России сложились все основания рассматривать подобные шаги со стороны США не просто как ход в геополитической игре, но предательство на чисто человеческом уровне взаимоотношений лидеров мировых сверхдержав. Россия начала наращивать антизападную риторику, постепенно переходя к действиям, ведущим к эскалации международной обстановки. Высшей точкой данного процесса стали украинские события 2014 г. и воссоединение России с Крымом. Единого фронта России и Запада против исламского религиозного экстремизма не получилось.

Автор данной статьи придерживается позиции, согласно которой ислам, как и любая иная

мировая религия, преследует целью объединение под своей эгидой как можно большего числа людей, невзирая на их национальные особенности. Поэтому живой человек, пусть даже пока неверный (которого в принципе можно обратить в свою веру в будущем), представляет гораздо более значительную ценность, чем уничтоженный, а мирный путь распространения веры всегда предпочтительнее военного. Другое дело, что сохранившая до настоящего времени политический мобилизационный потенциал восточная религия при кардинальном ухудшении социально-экономических условий может быть использована экстремистами для расширения своей кадровой базы, чему Западная цивилизация и Россия пока не могут противопоставить ничего равноценного в духовно-мировоззренческом смысле.

К сожалению, как отмечалось выше, практическая целесообразность по объединению усилий и ресурсов всего мирового сообщества для борьбы с религиозным экстремизмом была принесена в жертву политической конъюнктуре, мировая система международных отношений вошла в новую фазу «холодной войны» между Западом и Россией. В условиях сохраняющегося ядерного равновесия [14, с. 30–33] мировые державы активизировали поиск новых методов противоборства. Данные методы были найдены в виде обобщенной суммы политических, военных, информационных, экономических технологий и практик, получивших название «Управляемый хаос».

В работах американских политологов Дж. Найа и Ст. Манна появляется ряд новых положений на уровне теории, а затем и практики новых возможностей управления политическим пространством. Развивая свою концепцию «Мягкой силы» (привлекательность образа государства в восприятии жителей соседних государств), Дж. Най считает ошибочным взгляд на принижение значения «жесткой (военной) силы» в сложившихся тенденциях международных отношений. Военно-силовое давление не может считаться главным и единственным инструментом модерирования глобального политического пространства, однако и «мягкая сила» сама по себе уже не может решать требуемые политические задачи. Синтез «мягкой» и «жесткой» стратегии в одной внешнеполитической операции и концентрация соответствующих ресурсов – такова формула победы в межгосударственном противоборстве современности (см. таблицу 3). Как определяет Дж. Най: «Умная сила – это сочетание твердой силы для понуждения и возмездия и с мягкой силой в виде убеждения и притяжения»

[11, с. 18].

Синтез теорий «Умной силы» и «Управляемого хаоса» дал результат, смысл которого на уровне политических технологий можно попробовать обобщить в следующих тезисах:

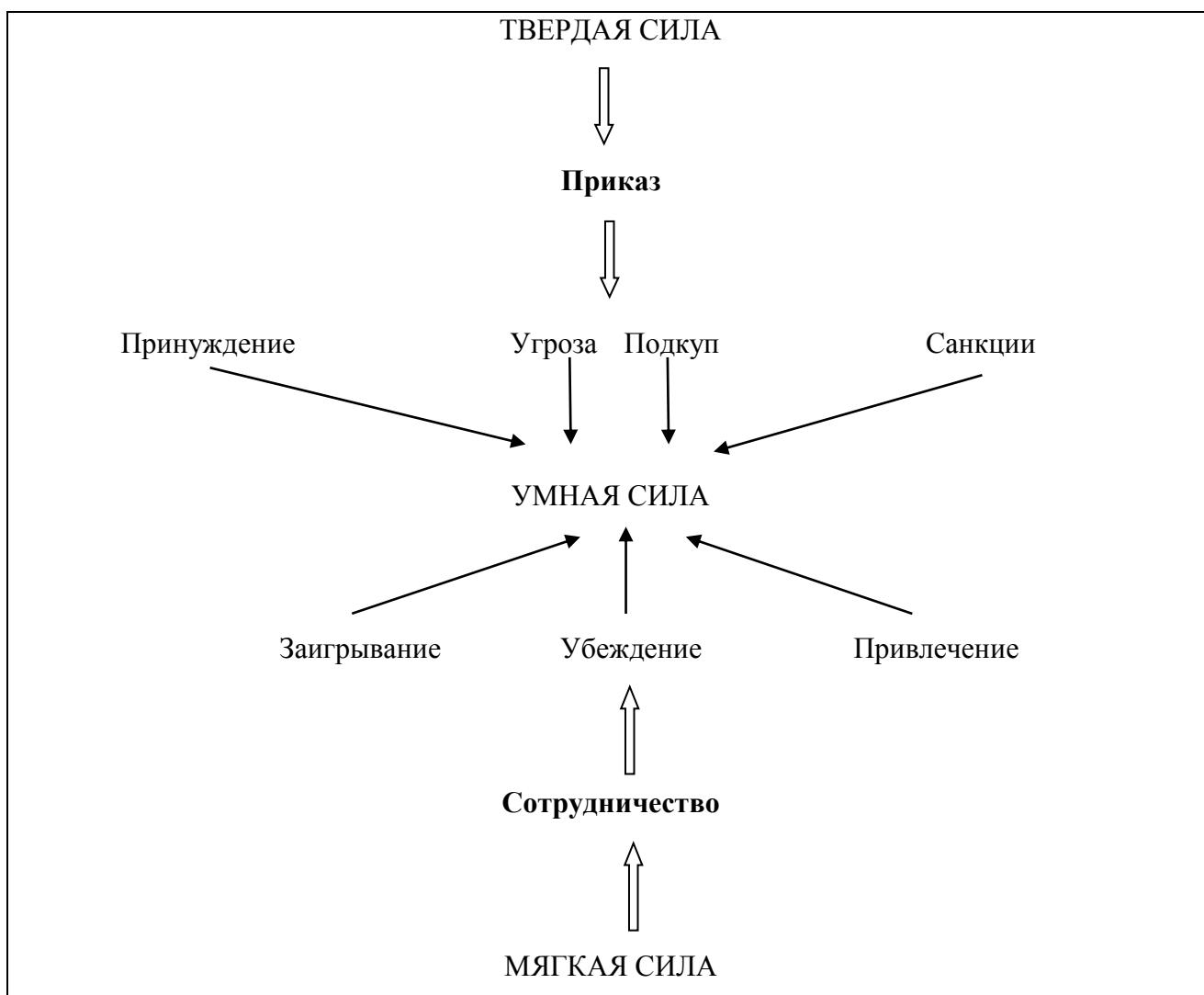
- традиционная война в форме разгрома противника на поле боя массой своих войск утратила эффективность (высокая ресурсозатратность, негативное общественное мнение, разгромленный противник рассеивается и переходит к террори-

стическим формам сопротивления);

- политическую систему враждебного государства необходимо разрушать преимущественно не внешним военно-политическим действием, но изнутри, используя и развивая внутренние противоречия системы, военная интервенция допустима на конечной стадии как короткая операция «миротворческого характера» против ослабленного и потерявшего опору в собственной стране политического режима;

Таблица 3

Сфера проявления «Умной силы» по Дж. Наю*

* Составлено по: Най, Дж. Будущее власти [Текст] / Дж. Най. – М.: АСТ, 2014. – С. 56.

- в любой политической системе авторитарного государства имеются скрытые или явные элементы-антагонисты;

- данные протестные элементы зачастую разрознены (либо не взаимодействуют между собой, либо даже находятся в состоянии конфронтации, например: «либералы» vs «коммуни-

сты» vs «националисты») и политически пассивны, поскольку не верят в возможность разрушить политическую систему собственными силами и потому избегают прямого конфликта с ней;

- необходимо выявить данные элементы в политической системе противника экспертно-аналитическим или эмпирическим путем, акти-

визировать их и побудить к действию;

- политический режим авторитарного государства обычно способен справиться с поочередно бунтующими отдельными социально-политическими группами, но одновременную атаку «с нескольких сторон» отразить не способен. Например, российская власть за десятилетия существования независимой Российской Федерации последовательно имеет дело с выступлениями следующих протестных сил: русские националисты, радикальные коммунисты, ультралибералы-западники, исламисты-сепаратисты, «бюджетники» (под ними в данной статье подразумевается категория работающих в государственном и муниципальном секторах граждан, стоимость труда которых занижена, а стабильность рабочего места не гарантирована);

- координация и финансирование деятельности оппозиции должны осуществляться из-за рубежа, чтобы обеспечить недосыгаемость для ответных мер со стороны охранительных структур атакуемого оппозицией авторитарного режима.

На практический уровень оперативного планирования данные принципы переводятся в форме мероприятий по реализации трех обозначенных ниже задач, причем их выполнение может быть как последовательным, так и параллельным в рамках развития политического процесса:

- выявление и активизация внутригосударственной оппозиции и постепенная радикализация ее деятельности по дестабилизации политического режима;

- информационное подавление коммуникативных ресурсов правящей политической группы как внутри государства, так и за его рубежами (перехват управления информационными потоками или диффамация государственной пропаганды);

- ограниченная по масштабам внешняя интервенция (иногда в виде введения диверсионных отрядов) во взаимодействии с внутригосударственной «пятой колонной».

Выполнение данных задач, как показывает новейшая политическая история, гарантированно ведет к свержению правящего режима [17, с. 70–75; 19, р. 120–122].

Экстраполируя положения теории и технологий «Управляемого хаоса» применительно к современной российской государственности, можно выявить основные «узлы уязвимости» (ноды) действующего политического режима, на которые с высокой долей вероятности будет осуществляться атака.

1. Политический режим России определяется как квазиавторитарный (в данном случае речь не идет о выставлении аксиологических маркеров, лишь констатируется модель реализации власти). Доминирующая политическая группа, трансформировавшаяся в политико-экономическую, взявшую под контроль ключевые ресурсы страны, избегает декларировать принципы собственной несменяемости, мессианства и сакральности, что свойственно классическим авторитариям типа Саддама Хусейна, Муаммара Каддафи и т. д. Наоборот, российский политический класс неустанно декларирует необходимость развития гражданского общества, народной инициативы на местах, различные проекты «оздоровления кадров», «подготовки молодой смены», готовность хотя бы в тактических вопросах идти на уступки оппозиции.

Примером может служить решение Центральной избирательной комиссии России по отмене выборов совета сельского поселения Барвихинское в апреле 2016 г. после того, как оппозиция заявила о выявленных ею многочисленных нарушениях и подлогах при процедуре досрочного голосования [18]. Подобная гибридность российского политического режима несет в себе как положительные компоненты – сохраняется возможность демократической трансформации, так и отрицательные – сохраняется уязвимость перед технологиями разрушения авторитарных режимов («цветные революции»).

2. Вторая уязвимость российского политического режима заключается в том, что сложившийся механизм власти не позволяет реагировать на политический кризис методом упреждающей замены государственного руководства, подпавшего под критику и компрометацию. Образ президента В. В. Путина является ключевым и пока незаменимым элементом поддержания социально-политического равновесия в обществе. Среднестатистический россиянин, по мнению политолога М. Урнова, основанному на данных ВЦИОМ, характеризуется недоверием к себе подобным (раскол социума по горизонтали), но демонстрацией лояльности к национальному лидеру (объединение социума по вертикали): «Друг другу мы не верим, но доверяем Путину!» [12].

3. Вестернизированная политическая элита – одна из характерных особенностей многих постсоветских политических режимов и одна из опаснейших «точек уязвимости» России. Сформировавшийся на обломках СССР новый правящий класс нацелен на поиск в первую очередь экономического и социального благополучия,

что в целом не удивительно для эпохи консьюмеризма. Но проблема в другом – в тех государствах (а таковых на постсоветском пространстве большинство), где нехватка ресурсов не позволила сформировать «общество благоденствия для всех», элиты стали решать обозначенные задачи в частном порядке – ограничивая круг лиц, имеющих реальные шансы на сверхдоходы и сверхкарьеры (неоправданно быстрое, без приобретенного должного опыта восхождение к рычагам политического и экономического управления в стране молодых кадров, как правило, находящихся в родственной связи с членами высшего эшелона госаппарата - непотизм).

В целях обеспечения сохранности сконцентрированных в своих руках материальных ресурсов, элиты квазиавторитарных государств переносят свое «жизненное пространство» за рубеж, в страны Западного мира. Если возникнет ситуация, когда российская элита будет вынуждена выбирать между безопасностью своего зарубежного личностного «жизненного пространства» и национальными интересами своего народа, будет ли сделан однозначно и без промедления выбор в пользу последнего – вопрос далеко не с однозначным ответом. Однако даже сама постановка подобного вопроса методологически позволяет понять многие странности внешнеполитических и внутривнутриполитических решений постсоветских элит, ведущих в итоге к победе «цветных революций», произошедших в разных государствах, но по одной общей схеме.

4. Коррупцированный государственный аппарат. Это четвертая «точка уязвимости» всех постсоветских квазиавторитарных режимов, сущность ее в том, что средние и низовые слои государственного аппарата, видя сверхбогатства высших чиновников и их семей, стремятся обеспечить себе соответствующий образ жизни. Однако, не входящие в высший круг, они лишены доступа к относительно легальным каналам обогащения, потому вынуждены использовать теневые схемы изъятия национального дохода и, по возможности, увода его за рубеж.

Попытки высшего руководства страны подавить коррупцию низовых эшелонов путем точечных репрессий или убеждения (увещевать потенциальных коррупционеров следовать «долгу перед Родиной», руководствоваться разнообразными антикоррупционными кодексами поведения, запрещать приобретать собственность и размещать финансовые активы за рубежом) не приносят успеха. На место одного осужденного коррупционера приходит другой, зарубежные счета чиновника переводятся на бывшую супру-

гу, с которой спешно оформляется развод или на подставных лиц, применяются и другие схемы.

В итоге формируется эффект «коррупционной вертикали», когда в той или иной степени пораженными данным пороком становятся все звенья управления, вплоть до самых низовых, что приводит к тому, что любая антикоррупционная кампания превращается в банальный «перedel рынка» между административными кланами. Коррупцированный государственный аппарат отличается низкой эффективностью в основной сфере деятельности, боязнью реальных форм демократического управления с широким социальным участием, а так же неустойчивостью в верности национальным интересам своего народа.

История «цветных революций» неизменно показывает, сколь легко и быстро коррупцированный управленческий аппарат при умелом внешнем давлении и нарастающих внутренних беспорядках в стране разваливается на три части:

- первые сразу переходят на сторону обозначившихся «новых хозяев» и впоследствии становятся костяком новой «колониальной администрации»;

- вторые выжидают развития событий и саботируют решения государственного руководства, особенно направленные на силовое подавление прозападной радикальной оппозиции;

- третьи сохраняют верность правящему клану, но в силу некомпетентности (т. к. подбраны и приближены к центрам принятия решений по принципу личной верности и родственных связей) не способны удержать кризисную ситуацию под контролем.

Поэтому не случайно примеры поражения «цветных революций» довольно малочисленны, классической иллюстрацией может служить разве что Республика Беларусь, госаппарат которой в силу исторической специфики политического процесса оказался в меньшей степени подвергнут рассматриваемым изъятиям.

5. Форсированная теологизация общественного сознания. В поисках действенных ресурсов управления населением политические элиты постсоветских республик обратились к религиозной тематике, пытаясь использовать отработанную веками технологию взаимоподдержки светской и духовной аристократии, позволяющую и той и другой гарантированно сохранять свои господствующие позиции в социуме. На практике этот подход реализовался форсированным расширением церковных структур, увеличением числа профессиональных служителей культа и проникновением религиозных дог-

матов в медийно-политическое поле государств. В студиях центральных телеканалов уверенно обосновались духовные лица, представляющие различные конфессии, атеизм как мировоззренческая система низведен работниками СМИ до статуса «недоразумения», которое не следует лишний раз упоминать, поскольку «несмотря на отсутствие формальных юридических запретов, судебная практика в России сегодня такова, что любое критическое высказывание о религиозных догматах одной из шести популярных конфессий приравнено к экстремизму» [8].

Но что таит в себе теологизация социума как технология политического управления, только ли очевидные выгоды? Действительно, перекодируя сознание человека с рационально-критической парадигмы мышления на религиозную, можно повысить управляемость подданными, формируя в их сознании соответствующую картину мира, исходящую из незыблемости властно-подданнических отношений, свободолюбия как греха, протеста против действий управленческого аппарата как неприемлемой и всемерно порицаемой формы социальной активности.

Однако на практике массовая теологизация общественного сознания (особенно исламизация) породила непредсказуемый эффект – сам существующий политический режим в какой-то момент объявляется негодным богу и подлежащим ликвидации. Обоснование этого тезиса религиозные экстремисты без труда приводят за счет подбора цитат из священных текстов и их толкования в нужном формате. Затем религиозная ситуация начинает развиваться по уже неконтролируемому политической властью сценарию и рождается феномен массового религиозного экстремизма, генезис которого не понят (или сознательно не принят в рационалистической трактовке) представителями власти до сих пор.

Например, председатель Следственного комитета России А. И. Бастрыкин в своей получившей широкую известность публицистической статье совершенно правильно перечисляет современные угрозы экстремистского характера, дает объективную и фундированную статистическими данными оценку деятельности религиозных экстремистско-террористических движений. Однако в итоге данный автор предлагает традиционный набор методов противодействия (информационный заслон, идеологическая контрпропаганда, выявление и изоляция интеллектуальных лидеров экстремистских движений и т. д.), рассчитанный на политический экстремизм светской разновидности [4, с. 20–23]. Образно гово-

ря, те методы, которые когда-то сработали против «Народной Воли» в России и спустя столетие против «Фракции Красной Армии» в Германии, оказались неэффективными против современного салафизма.

* * *

Выводы и рекомендации. В разворачивающуюся борьбу за третий в новейшей истории глобальный передел мирового влияния Россия вступает крайне уязвимой в плане информационных угроз, оказавшись под атакой сразу в двух сферах – на условном внешнем «фронте» и внутреннем.

На внешнем «фронте» геополитические конкуренты России реализуют задачу лишить Российскую Федерацию внешних союзников, подготовить общественное мнение зарубежных стран к одобрению антироссийских экономических и политических акций, создать непривлекательный образ России как технологически и культурно отсталого коррумпированного государства, ведущего агрессивную внешнюю политику, опасную для всего мирового сообщества.

На внутреннем «фронте» геополитические конкуренты России сконцентрировались на ключевой точке российского политического режима, обеспечивающей устойчивость всей системы социально-политических отношений – разрушении привлекательного имиджа президента России В. В. Путина в политическом сознании граждан с последующей провокацией общероссийского социального конфликта.

Главная проблема информационной безопасности современной России – отсутствие целостной государственно-объединительной национальной идеологии, присутствует лишь набор идеологем (примеры: «Есть Путин – есть Россия, нет Путина – нет России»; «США – фашистское государство») и политических технологий манипулирующего типа, дающих российской власти тактический выигрыш времени, но не стратегическую победу. Формированию общероссийской национальной идеологии препятствуют:

- глубокое социальное неравенство («На долю самых богатых россиян (1 % населения) приходится 71 % всех активов домохозяйств в России... В среднем в мире этот показатель составляет 46 %, в Африке – 44, в США – 37, в Китае и Европе – 32, в Японии – 17 %» [7, с. 75]);

- излишне форсированная теологизация общества при одновременном провозглашении принципа поликонфессионального равенства как одного из важнейших направлений государственной политики, т. к. равенство по факту дало преимущество более пассионарным религиям, в

идеологическом «теле» которых стали стремительно развиваться экстремистские течения;

- асимметричность национальной политики, подчеркивание исторического своеобразия и религиозно-культурной уникальности малых народов России при неготовности ввести статус титульного государствообразующего народа, вносящего решающий вклад в обеспечение экономической, военно-политической безопасности России;

- неразвитость гражданско-правовой культуры, господство патерналистских ожиданий в социуме;

- закрепившийся принцип несменяемости политической элиты (так называемый «путинский консенсус»), что существенно сокращает для России арсенал методов противодействия «цветным революциям» и другим современным технологиям дестабилизации политических режимов.

В сложившихся условиях России в ближайшие годы предстоит решать целый ряд задач политической значимости, среди которых следует особо выделить две: развитие объединяющей национальной идеи и создание национально ориентированного кадрового резерва, не затронутого идеологией консьюмеризма и видящего главный смысл своей деятельности в укреплении государства и служении народу.

Формирование общенациональной идеологии (стратегический уровень информационной безопасности) затруднительно по рассмотренным выше причинам, поэтому в ближайшей перспективе вынужденно придется сосредоточиться на повышении качества идеологом (тактический уровень информационной безопасности), позволяющих обеспечивать стабильность политического процесса [16, с. 40–41].

Основами идеологом подлобного рода могут стать такие смысловые конструкции, как: духовно-историческая миссия России (хранитель светской и религиозной морали, межконфессионального диалога, поликультурного взаимодействия, русский язык как один из основных языков мировой классики, просвещение и воспитание); военно-историческая миссия России (защита малых народов Востока от межнациональной резни, притеснений со стороны агрессивных региональных держав, оказание помощи западной цивилизации в подавлении тоталитарных режимов и диктатур); геополитическая миссия России (стабилизирующая функция в Евразии между западной и восточной военно-политической силой, объединение, охранительный консерватизм); Россия как особенная часть западной ци-

вилизации (преодоление стереотипа об исторической обреченности России противостоять Западу, о неизбежной цивилизационной отсталости России).

Вторая политическая проблема – отсутствие молодого кадрового резерва, устойчивого к коррупционным рискам, готового к материальному самоограничению, мотивированного на служение народу. Кадрового резерва, чья численность будет достаточной, чтобы поэтапно осуществить замену частично коррумпированного, частично утратившего эффективность и привыкшего к привилегиям класса современных управленцев.

Один из вариантов решения данной проблемы – воссоздание специализированной системы подготовки кадров в государственных высших учебных заведениях с жесткой системой отбора абитуриентов по морально-волевым качествам. Сейчас специальность государственного служащего (и соответствующий Диплом, потенциально открывающий возможность трудоустройства в данной сфере) может получить любой желающий, в том числе и на договорной (с оплатой обучения) основе. Подобную практику автор статьи считает непродуктивной, поскольку все открытые системы набора и подготовки управленческих кадров будут в той или иной степени невольно воспроизводить пороки того социума, в котором сами существуют и запросы которого удовлетворяют, а российский социум сейчас крайне сложно назвать духовно благополучным.

Ситуация усугубляется тем, что среднестатистическое бюджетное образовательное учреждение в России просто физически не может выжить, не оказывая платные услуги, не превращаясь в торговца, не уподобляясь супермаркету, чья эффективность измеряется скоростью оборота капитала и объемом продаж. При таком подходе нормой считается то, что критерий научной и педагогической эффективности российского ученого-преподавателя, а затем и вуза в целом, измеряется не отзывами его учеников и признанием со стороны коллег-ученых, а тем, сколько денег он сумел привлечь «со стороны».

Не удивительно, что итогом работы гражданских образовательных учреждений России является выходящий на рынок труда «торговец-консьюмерист» с дипломом бакалавра или магистра, приученный рассматривать окружающий его мир как средство обеспечения собственного материального и статусного успеха, обученного методам их достижения. С такой мировоззренческой установкой получается кто угодно, но не

государственник, ставящий социальные интересы выше своих личных.

Возможно, следует критически изучить достоинства и недостатки практиковавшейся в СССР системы партийных школ, на основе которой отчасти и создавалась Российская академия государственной службы, а затем Российская академия народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС).

Отдавая должное высокому качеству обучения и диверсификации направлений подготовки, приходится констатировать, что в существующем своем виде РАНХиГС, тем более лишенная монополии на подготовку кадров для государственной службы, немногим отличается от других ведущих российских передовых вузов гуманитарно-экономической направленности, ориентируя обучаемый контингент на предстоящую конкуренцию на рынке труда. Автор статьи убежден, что крайне назрела необходимость в создании более жесткой, упорядоченной и контролируемой государством системы подготовки кадров для гражданской службы, аналогичной существующей в МВД. Первыми шагами на этом пути могут быть следующие меры:

- перевод РАНХиГС с региональными филиалами и институтами из категории бюджетного учреждения в категорию казенного, что позволит в значительной степени высвободить педагогические и научные кадры от необходимости поиска дополнительных внешних источников финансирования, изгонит из стен заведения «дух торговли»;

- передача в РАНХиГС исключительной функции подготовки кадров по направлениям, связанным с государственной и муниципальной службой с гарантированным последующим трудоустройством выпускников, которые, по аналогии с практикой военной и правоохранительной службы, уже на первом курсе обучения будут приносить присягу гражданского государственного служащего, дающую соответствующие права и накладывающую жесткие обязательства;

- введение дополнительных, более жестких морально-психологических критериев при приеме контингента на обучение, право стать управленцем в России должны получать молодые люди, уже чем-то обозначившие свою преданность государству и народу, а не случайный контингент, еще не осознавший свое назначение в жизни, но уже интуитивно видящий в дипломе РАНХиГС плацдарм для карьерного роста;

- формирование обновленной корпоративной этики современного российского государственного служащего как важнейшая функция

образовательного учреждения.

В современном обществе не ставится под сомнение аксиома, согласно которой эффективного и мотивированного офицера полиции лучше готовить в специализированном полицейском вузе, а хорошего хирурга на специализированном профильном отделении соответствующего медицинского вуза, но почему же подготовке кадров для государственной службы не придается аналогичное значение? Необходимо признать, что подготовка государственного служащего – не менее ответственный и затратный процесс, чем подготовка эффективного офицера полиции или врача, но положительный результат профессиональной работы в итоге окупит все. Мировая система входит в полосу турбулентности, появления новых рисков и угроз, нарастания неопределенности, поэтому судьба России, сама ее выживаемость как цивилизации, будет зависеть от качества работы государственного аппарата.

Библиографический список

1. *Арбатов, А. Г.* Не вышло и не выйдет? О причинах неудачи противоракетного сотрудничества России и США [Текст] / А. Г. Арбатов // Полис. Политические исследования. – 2016. – № 2.
2. Аллах приказывает убивать американцев. Фетва Усамы бен Ладена, 23 февраля 1998 года [Текст] / В сб. Аллах не любит Америку. Под ред. Адама Парфрея. – М.: Ультра. Культура, 2003. – 432 с.
3. Бен Ладен благодарит Аллаха за 11.IX.2001. Пресс-Релиз Аль-Каеды 8.X.2001 [Текст] / В сб. Аллах не любит Америку. Под ред. Адама Парфрея. – М.: Ультра. Культура, 2003. – 432 с.
4. *Бастрыкин, А. И.* Пора поставить действенный заслон информационной войне [Текст] А. И. Бастрыкин // Коммерсантъ-Власть. – 2016. – № 15.
5. *Бельских, И. Е.* Проблемы развития потребительского патриотизма в России и деловая этика [Текст] / И. Е. Бельских // Теоретическая и прикладная экономика. – 2014. – № 4.
6. *Васильчук, Е. О.* Социокультурное содержание молодежного политического радикализма и экстремизма на Украине [Текст] / Е. О. Васильчук // PolitBook. – 2014. – № 3.
7. *Гонтмахер, Е. Ш.* Государственные финансы и бизнес в России: в поисках баланса [Текст] / Е. Ш. Гонтмахер // Мировая экономика и международные отношения. – 2014. – № 11.
8. *Зубарев, Е.* Атеизм – это экстремизм? [Электронный ресурс] / Е. Зубарев. Информационное агентство «Росбалт». – Режим доступа: <http://www.rosbalt.ru/blogs/2013/04/01/1112128.ht>

ml (дата обращения: 30.03.2016 год).

9. Кремль поддержал отказ телеканалов освещать убийство няней ребенка [Электронный ресурс] / РБК. – Режим доступа: <http://www.rbc.ru/rbcfreeneews/56d4d2919a79473a0ff99f28> (дата обращения 19.04.2016).

10. Матвиенко, Е. А. Исламский радикализм как глобальная проблема современности [Текст] / Е. А. Матвиенко // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2015. – № 4.

11. Най, Дж. Будущее власти [Текст] / Дж. Най. – М.: АСТ, 2014. – 444 с.

12. Поворознюк, С. «Друг другу мы не верим, но доверяем Путину!» Политолог Марк Урнов о вере россиян [Электронный ресурс] / С. Поворознюк. – Режим доступа: <https://lenta.ru/articles/2015/10/30/urnov/> (дата обращения 21.03.2016 год).

13. Савинков, Б. В. (Ропшин, В.). То, чего не было: Роман, повести, рассказы, очерки, стихотворения [Текст] / Б. В. Савинков (В. Ропшин). – М.: Современник, 1992. – 720 с.

14. Савельев, А. Ядерное сдерживание в период конфронтации [Текст] / А. Савельев // Мировая экономика и международные отношения. – 2015. – № 10.

15. Сулонов, П. Е. Антропология деструктивности: коллективная монография

[Текст] / П. Е. Сулонов, А. А. Исаев, А. Г. Кирилов и др. – Екатеринбург: Уральский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2012. – 214 с.

16. Треушников, И. А. Философское обоснование российской государственности [Текст] / И. А. Треушников // Вестник Нижегородской правовой академии. – 2014. – № 2 (2).

17. Харьбин, А. Н. Мягкая сила и гибридная война как элементы стратегии России в геополитических конфликтах [Текст] / А. Н. Харьбин // Наука Красноярья. – 2015. – № 6 (23).

18. ЦИК отменил выборы в Барвихе / Ведомости. 20.04.16. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.vedomosti.ru/politics/articles/2016/04/20/638419-tsik-otmenil-barvihe> (дата обращения 21.04.2016 г.).

19. Morozov, I. L. Information and political security of the democratic state – world experience and Russia [Text] / I. L. Morozov // Life Science Journal 2014; 11(11s).

20. World military spending resumes upward course, says SIPRI / Stockholm International Peace Research Institute (SIPRI). The independent resource on global security [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.sipri.org/media/pressreleases/2016/milex-apr-2016> (дата обращения 17.03.2016 г.).

УДК 141.82(470)

ББК 88.3(2)-8

СУДЬБА МАРКСИЗМА

А. Ф. Поломошнов

Аннотация. Статья посвящена анализу положения марксизма в современной социально-философской мысли и оценке его исторической роли. Автор рассматривает основные элементы парадигмы марксизма и прослеживает историческую судьбу марксизма в западной и российской культурах. Особое внимание уделяется современной критике марксизма. Автор дает обзор основных направлений этой критики и выясняет степень ее корректности. В статье устанавливается конструктивный теоретический и идеологический потенциал марксизма для развития современной социально-гуманитарной мысли.

Ключевые слова: марксизм, критика марксизма, материалистическое понимание истории, политическая экономия, научный социализм.

FATE OF MARXISM

A. F. Polomoshnov

Abstract. This article analyzes the position of Marxism in the contemporary social and philosophical thought and evaluation of its historical role. The author considers the main elements of the Marxist paradigm and traces the historical destiny of Marxism in Western and Russian culture. Special attention is paid to contemporary criticism of Marxism. The author gives an overview of the main areas of criticism and ascertain the extent of its correctness. The article establishes a constructive theoretical and ideological potential of

Marxism for the development of modern social-humanitarian thought.

Keywords: Marxism, criticism of Marxism, the materialist conception of history, political economy, scientific socialism.

Социальная философия марксизма – необычная теоретическая конструкция и ее историческая судьба необычна. Однако не только необычность сама по себе заставляет нас обращаться к анализу ее судьбы, но и ее огромная роль в духовной и материальной истории человечества, а также потребность продуктивного ее преодоления, т. е. действительного научного развития. Анализ исторической судьбы марксизма необходим не только потому, что позволяет понять его структуру и сущность, но и потому, что историческая судьба марксизма есть его важнейшая часть. Другими словами в марксизме можно выделить его оригинальную теорию (теоретический потенциал) и его историю как реализацию теоретико-практического потенциала, развитие его в духовной и материальной истории человечества. Причем история и теория марксизма являются единством противоположностей и основанием для критики друг друга в своей односторонности.

Когда речь заходит о научном изучении исторической судьбы какого-либо социального учения (особенно такого целостного и глобального, каким является марксизм), следует, во-первых, определить основные факторы, определяющие эту судьбу, во-вторых, на основе анализа этих факторов установить критерии анализа и оценки исторической судьбы этого учения, в-третьих, реализовать эти критерии в содержательном анализе основных направлений развития учения, определяемых этими критериями. Три основных фактора определяют судьбу социального учения: 1) его собственное качество, т.е. его познавательная ценность и творческий потенциал, а также его идеологическое содержание; 2) духовная ситуация в обществе, в котором распространилось и существует данное учение, взятая в ее историческом развитии; 3) реальное историческое развитие общества, на почве которого возникло данное социальное учение.

Рассмотрим вначале первый фактор. В любом социальном учении можно выделить методологически-познавательный и мировоззренческо-идеологический аспекты, которые определяют содержательное осмысление социальной конкретной реальности в данном учении. В зависимости от преобладания того или другого можно выделить три типа социальных учений: 1) социальная теория (преобладание методологически-познавательного момента); 2) социальная

идеология (преобладание мировоззренческо-идеологического момента); 3) практическая теория (синтез теории и идеологии). Судьба социальной теории оценивается критерием теоретической плодотворности, тем, вошла ли она в духовную культуру человечества и тем, стала ли она моментом развития социального познания человечества, тем, насколько адекватно и глубоко она позволяет познать социальную реальность. Здесь уместен также критерий адекватности отражения в этой теории современной ей социальной реальности.

Судьба идеологии оценивается критерием идеологической эффективности, т. е. тем, насколько продуктивно она защищает интересы определенной социальной группы, насколько адекватно она выражает ее интересы и идеалы. Также уместен критерий гуманизма.

Судьба практической теории оценивается, кроме критериев, относящихся в частности к теории и идеологии, также дополнительными синтетическими критериями: 1) органичность синтеза теории и идеологии, 2) практическая эффективность – насколько полно и адекватно реализована в действительность идеологическая программа (насколько идеологическая практика оказалась адекватна самой себе и объективной исторической закономерности).

Партийность социального знания, а также статус социального учения марксизма как практической теории определил сложность и неоднозначность его восприятия в духовной среде своего времени и в последующей духовной ситуации XX века. Здесь правомерно поставить, прежде всего, следующие вопросы: 1. Какие социальные группы и каким образом восприняли марксизм позитивно? Соответственно, развивая эту тему, мы должны выяснить, какое действительное развитие получил марксизм и каким догматическим толкованиям и ревизионистским искажениям он подвергся? 2. Какой критике был подвергнут марксизм со стороны социальных групп, принципиально не принявших социальное учение марксизма? Насколько эффективной и конструктивной была эта критика?

Историческое изменение социальной реальности как третий фактор, определяющий судьбу социального учения, применительно к марксизму требует поставить вопросы: 1. Подтвердили ли действительное развитие общества объективные закономерности, описанные в со-

циальной теории марксизма и в какой степени, т. е. шла ли действительная история в соответствии с описанными Марксом закономерностями? 2. Как марксизм повлиял на действительную историю, в какой мере и каким образом он изменил социальную реальность?

Анализ исторической судьбы марксизма должен ответить на все эти вопросы. В результате мы сможем вынести суждение о том, устарел ли сегодня марксизм и в каких частях? Говоря точнее, должны ли мы сегодня относиться к марксизму только как к феномену истории социальной мысли, или же его методологический познавательный потенциал не исчерпан, а следовательно, он и сегодня сохраняет свое познавательное и идеологическое значение и может быть орудием познания и преобразования современной действительности на основе действительно научного продуктивного развития марксизма, т. е. преодоления его в его исторической ограниченности?

Наконец, судьбу социального учения нужно рассматривать в исторической конкретности. Ведь судьба семени зависит от почвы, на которую оно попадает. Соответственно, мы рассмотрим судьбу марксизма в истории и духовной культуре современного человечества.

Анализ исторической судьбы марксизма в западной культуре следует начать с уяснения статуса этого духовного образования и его места в духовной культуре западного общества. Марксизм сам неоднократно характеризовал свой статус как научная, революционная идеология пролетариата. Как идеология он есть целостная система взглядов на общество, учение о принципах «правильной» (справедливой) организации общества и правилах, нормах, образцах социального поведения и оценки социальных явлений (это нормативная часть идеологии). Как революционная идеология он включает в себя критическую часть – критику современного буржуазного общества и модель нового общества, устанавливаемого на смену буржуазному. Поскольку марксизм претендует на научность – это означает, что мировоззренческая часть его идеологии основана на объективной научной социальной теории, что нормативная часть идеологии непосредственно опирается на теоретическую часть, что критика буржуазного общества ведется на основе выявления объективных закономерностей развития капитализма, и что программа революционного преобразования общества должна исходить из этих объективных закономерностей и конкретных условий революционной борьбы.

Оставив пока в стороне вопрос о совме-

стимости науки и идеологии, рассмотрим вопрос о происхождении и судьбе идеологии вообще. Идеология является духовным продуктом общества, выражая представления и интересы определенных социальных групп и сил, т. е. взглядом этих групп и сил на социальную реальность и самих себя и на свое место в данной социальной реальности. Массы (социальные классы) нуждаются в идеологии, но сами способны выработать лишь эмпирическое сознание. Воспроизводством идеологии на уровне систематического, теоретического мышления занимаются теоретики-идеологи (философы). Когда идеология выражена теоретиками-идеологами, перед ней встает задача овладения массами, чтобы реализовать себя в жизнь, т. е. устроить общество в соответствии со своими нормативными представлениями и интересами. Внесением идеологии в массы занимаются практики-идеологи, пропагандисты. На их же долю ложится и теоретическая, идеологическая борьба с другими, враждебными идеологами. Борьба эта ведется за влияние на сознание масс. В обществе, разделенном на антагонистические классы, идет борьба классовых идеологий. Ставкой в этой борьбе является стабильность или революционное преобразование существующего общества. Поскольку идеология является регулятором массового экономического и политического сознания и поведения, именно на господстве определенной идеологии держится стабильность того или иного строя. В обществе, разделенном на антагонистические классы, идет борьба классовых идеологий.

Исходя, из всего этого мы должны рассматривать марксизм как необходимый духовный продукт буржуазного общества и важный элемент его духовной культуры. Анализ его судьбы как «научной идеологии» в западной культуре состоит из двух аспектов: 1. Выяснение того, кто, каким образом и насколько успешно вносил марксистскую идеологию в массы, и каким образом развивал эту идеологию в связи с изменением социальной реальности? 2. Выяснение того, кто и каким образом критиковал марксизм?

Рассмотрим первый аспект. Какую судьбу имел марксизм в лице своих западных адептов? Марксизм был воспринят, прежде всего, как революционная идеология передовой интеллигенции и выходцами из рабочего класса. В качестве идеологической основы, программы политической борьбы социал-демократических партий он утвердился после борьбы с другими, родственными лишь в критическом отношении к капитализму идейными течениями или разновидностями

ми коммунизма: мелкобуржуазными, анархическими и другими.

Причем немалую роль в этом сыграла пропагандистская и организаторская деятельность самих К. Маркса и Ф. Энгельса. Перед социал-демократическим движением, взявшим марксизм в качестве идейного оружия в своей политической борьбе, встали задачи: 1) внесения марксистской (коммунистической) идеологии в массы трудящихся, 2) защиты марксизма от искажений недалекими «марксистами» и от критики принципиальных идейных противников – буржуазных идеологов. Третья задача была наиболее трудной: развитие марксизма с целью его согласования с изменяющейся социальной действительностью. Ведь основоположники марксизма не дали и не могли дать ответов на вопросы, которые поставила изменившаяся социальная реальность. Кроме того, многие конкретные прогнозы, а особенно тактические и стратегические установки марксизма не оправдались. Наконец, саморазвитие западного общества пошло по пути, во многом не совпадающему с марксовыми прогнозами. Стали накапливаться факты, противоречащие оригинальному марксизму.

Рассмотрим, как и насколько успешно решались эти задачи. Предпосылкой внесения марксизма в массы трудящихся является усвоение его самими пропагандистами. Уже на этом этапе марксизм подвергся определенным упрощениям. При пропаганде марксизма он должен был быть приспособлен к возможностям восприятия простыми, малограмотными рабочими и, следовательно, здесь он подвергся дальнейшему упрощению, вулгаризации. В основном только в своей идеологической части марксизм был воспринят частью рабочего класса. Причем при этом нередко происходило смешение марксистской идеологии с элементами буржуазного эмпирического сознания и буржуазной идеологии в сознании даже передовых рабочих. Однако даже, или лучше сказать, именно такой упрощенный смешанный и идеологизированный марксизм позволил социал-демократам завоевать значительную часть рабочего класса и соответствующее политическое влияние. Защита марксизма в его чистоте и теоретической стройности и глубине плохо совмещалась с задачами практической пропаганды. Особенно трудно было отстаивать марксизм в его оригинальном виде в связи с изменением социальной реальности, на котором играли буржуазные противники марксизма.

Особенно уязвимой частью марксизма оказалась конкретная стратегия и тактика революционной борьбы. Не случайно именно с нее и

началось то, что можно назвать развитием марксизма в новых исторических условиях. Перед западными марксистами встал выбор способа развития марксизма в связи с необходимостью теоретического осмысления новых исторических фактов и выработки новой стратегии и тактики политической революционной борьбы. Линия ортодоксального догматизма была неприменима и бесперспективна. Оставалось либо творчески развивать марксизм, либо ревизовать его.

Творческое развитие означает теоретическое осмысление новой социальной реальности с методологических и мировоззренческих позиций марксизма с сохранением его идеологического ядра, т. е. осмысление с позиции парадигмы марксизма новой социальной реальности и практики революционной борьбы. Ревизия же означает пересмотр бывшими марксистами важнейших основ марксизма и подмену их чуждыми теоретическими и идеологическими элементами. Общей почвой и для развития, и для ревизии марксизма является сложность его концепции и структуры, которая допускает различные толкования. Почвой ревизионизма было, во-первых, политическое перерождение вождей социал-демократии, а во-вторых, модернизация капитализма, вынуждаемая не только логикой экономического развития, но и классовой борьбой.

Почвой развития революционного, ортодоксального марксизма были социальные конфликты и классовые битвы первой половины XX в., мировые войны, первый глобальный кризис мирового капитализма начала 30-х гг., русские революции начала века и т. п. Опыт русской революции и социалистического строительства стал одним из главных объектов борьбы ревизионизма и революционного марксизма.

Адекватен ли русский социализм марксистскому или он есть его извращение? Соответственно, необходимо ли западной социал-демократии его брать за образец, или он должен быть отвергнут? Доказывает ли он или опровергает жизненность и силу марксизма? Все эти вопросы поставила жизнь как перед правоверными марксистами, так и перед ревизионистами. Первая волна ревизионизма в марксизме связана с началом XX века. Одним из ее основоположников был Бернштейн. Затем с началом Первой мировой войны ревизионизм захватил большую часть вождей европейской социал-демократии. В 20–30-е гг. усилиями западных марксистов, таких как А. Лабриолла, А. Грамши, Г. Лукач, были предприняты попытки защитить марксизм от ревизионизма и проанализировать новые исторические явления с позиции марксизма, т. е.

творчески его развить. С периодом стабилизации западного капитализма в 60–70-е гг., XX века, а также под влиянием критики сталинизма, западный марксизм был окончательно поглощен второй волной ревизионизма, и слился с буржуазной идеологией в облике «еврокоммунизма».

Итак, на Западе марксизм как революционная идеология смог реализовать себя лишь частично, не достигнув главной цели – уничтожения основ капитализма, однако став мощнейшим идеологическим фактором, приведшим к ряду серьезных реформ классического капитализма и уступок рабочему классу, привитию капиталистическому обществу отдельных черт социализма. По мере смягчения капитализма, его реформирования в социалистическом плане, революционный марксизм на западе все более утрачивал свою революционность и превращался в разновидность буржуазной идеологии, т. е. перерождался. Сегодня на Западе марксизм как революционная идеология политических партий практически не существует и воспринимается как факт истории.

Теперь мы рассмотрим, каким образом боролись буржуазные идеологические противники с марксизмом как идеологией и социальной философией. Когда речь шла о борьбе с марксистской идеологией в массовом сознании, буржуазные практические идеологи всегда эффективно использовали две тактики. Первая тактика – клевета, очернительство именно на уровне массовой психологии, а вторая тактика – умолчание. Но буржуазные идеологи-теоретики должны были действовать иначе – их призвание было в том, чтобы развенчать теоретические основы марксистской идеологии, разрушить ее научные основы. И в этом «благородном» деле упражнялись очень многие крупнейшие западные социальные ученые.

Сложилась традиционная схема отношения этих ученых к марксизму, состоящая из трех элементов: 1) абстрактные реверансы марксизму, персонально К. Марксу, высокая оценка его теоретического достоинства; 2) разоблачение «ограниченности» и несостоятельности марксизма как социальной теории (полной или частичной); 3) доказательство «устарелости» марксизма, его несоответствия реальной исторической действительности XX века. Занимаясь разоблачением несостоятельности социальной философии марксизма, западные мыслители выбирают один из двух типовых или логически возможных для них путей. Первый путь – тотальная критика с позиции буржуазного мировоззрения или идеологии (идеологическая или мировоззренческая крити-

ка). Относительно этого пути можно сказать, что, во-первых, действительная продуктивная критика теории марксизма возможна только изнутри и при условии, что критик разделяет мировоззренческие позиции марксизма. Во-вторых, тотальная критика сводится к противопоставлению марксистской социальной философии различных теоретических концепций идеалистического, кантовского, или прагматически эмпирического толка, которые не выдерживают теоретического сравнения с социальной философией марксизма. Это означает, что предлагаемые теоретические альтернативы марксизму не выдерживают марксистской критики, а их критика марксизма оказывается неубедительной. В-третьих, фактически вместо действительной внутренней, содержательной критики марксизма в данном случае мы видим простую перестановку ценностных знаков с марксистской идеологии действительного гуманизма на буржуазную идеологию ограниченного абстрактного гуманизма. Марксизму бездоказательно или с помощью софистических трюков наклеиваются ярлыки: ненаучности, логической и методологической порочности, непродуктивности, утопичности, антигуманности. Противопоставляемым марксизму теоретическим альтернативам приписываются противоположные ярлыки: научности, гуманности, реалистичности.

Второй путь разоблачения несостоятельности марксизма – попытка его ассимиляции, поглощения в рамках альтернативной, более широкой и глубокой интерпретации, включение марксизма в иную концептуальную систему, с уточнением, развитием отдельных идей. Поскольку это делается обычно на основе возрождаемых в новом виде, преодоленных марксизмом теоретико-методологических систем объективного или субъективного идеализма, в лучшем случае неокантианства, постольку эта ассимиляция не может рассматриваться ни как преодоление, ни как действительное развитие марксизма.

Приведем примеры высоких оценок марксизма западными философами. Ж.-П. Сартр, например, пишет: «Лишь марксизм имеет действительную теоретическую основу: он объемлет всю человеческую деятельность... Марксизм есть аутентичная философия современной эпохи... Каким бы ни были наши мысли, они могут развиваться лишь на этой основе; они должны развиваться в рамках, очерченных марксизмом, или же деградировать, исчезнуть в пустоте... Совершенно ясно, что эпохи философского созидания редки. На мой взгляд, между XVII и XX вв. есть только три эпохи: эпоха Декарта и Локка, эпоха Канта и Гегеля и, наконец, эпоха

Маркса. Эти три философские эпохи представляют собой по очереди почву всякой необыкновенной мысли и горизонт всякой культуры. И они будут непреодолимы до тех пор, пока исторический момент, выражением которого они являются, не будет преодолен. Я часто подчеркивал, что «антимарксистский» аргумент есть не что иное, как явное возрождение домарксистской мысли. Так называемое «преодоление» марксизма есть в худшем случае возврат к домарксистской мысли, а в лучшем случае – возрождение мысли, содержащейся в философии, которую хотели «преодолеть» [10].

К. Поппер, один из самых яростных и фундаментальных критиков марксизма заявляет: «Маркс предпринял честную попытку применить рациональные методы к наиболее насущным проблемам общественной жизни. Ценность этой попытки не снижается тем фактом, что, как я постараюсь показать в дальнейшем, она в основном была безуспешной. Наука прогрессирует путем проб и ошибок. И Маркс действительно все время стремился осуществить те или иные пробы и, – хотя он заблуждался в основных своих теориях – его труды не пропали даром. Он на многое открыл нам глаза и обострил наше зрение. Возвращение к домарксистской общественной науке уже немислимо. Все современные исследователи проблем социальной философии обязаны Марксу, даже если они этого не осознают.

Чтобы справедливо судить о марксизме, следует признать его искренность. Широта кругозора, чувство фактов, недоверие к пустой и особенно морализующей болтовне, сделали Маркса одним из наиболее влиятельных в мире борцов против лицемерия и фарисейства. У него было пылкое желание помочь угнетенным, и он полностью осознавал необходимость показать себя в деле, а не только на словах. Его главные таланты проявились в области теории. Он затратил гигантские усилия, для того, чтобы выковать, так сказать, научное оружие для борьбы за улучшение доли громадного большинства людей» [6, с. 98–99].

М. Вебер, один из лучших буржуазных ассимиляторов марксизма, в беседе с О. Шпенглером на его замечание о том, что марксовы прогнозы не оправдались, эмоционально возразил, что собственные прогнозы Шпенглера ничего не стоят, «а вот у Маркса, которого вы так ругали совсем иначе. Встань он из гроба сегодня и взгляни вокруг себя, он, несмотря на некоторые важные отклонения от его пророчеств, – имел бы все основания сказать – “Воистину это плоть от плоти моей, кость от кости моей”» [9].

Что касается доказательств устарелости марксизма и несоответствия его социальной реальности, развитию истории в XX в., то она сводится к двум главным тезисам. Первый тезис состоит в том, что исторические прогнозы Маркса не сбылись, а второй тезис в том, что Маркс не объяснил новых фактов в истории XX века. Что касается первого, нельзя не заметить слабости этого тезиса. Во-первых, Маркс, как ученый не делал прогнозов, а изучал объективную закономерность развития капитализма, подчеркивая, что способ и конкретная форма ее реализации исторически случайны и зависят от сочетания множества конкретных исторических обстоятельств.

Как человек, Маркс, естественно, имел свои прогнозы по поводу сроков и формы реализации закономерного преобразования буржуазного общества в новый тип общества. Но эти человеческие прогнозы нельзя отождествлять с его научными взглядами, хотя связь между ними и есть. Поэтому то, что эти прогнозы частично не сбылись или сбылись не в том виде, как предполагал Маркс, никак не доказывает научной несостоятельности его социальной философии. Правильно нужно ставить вопрос по-другому: реализовывались ли в истории закономерности, выявленные Марксом и в какой форме, и почему именно в такой форме? А не подменять его пустым вопросом о том, насколько точно Маркс сумел предвидеть конкретный ход событий.

Когда доказывают устарелость марксизма, его несоответствие фактам, современной социальной реальности, то обычно делается соответствующая произвольная, предвзятая подборка фактов, «подтверждающих» данный тезис, при игнорировании фактов, противоречащих этому тезису. Кроме того, говорить о том, что марксизм не объяснил современных фактов, современное общество совершенно не корректно, просто глупо. Как бы он мог объяснить то, чего еще не было в его время. Вопрос нужно ставить по-другому: позволяет ли марксова методология социального познания теоретически верно и глубоко постичь суть изменившейся социальной реальности, сохраняет ли она познавательную продуктивность? Таким образом, мы видим, что доказательства устарелости марксизма основаны на произвольном толковании фактов и подмене правильной постановки проблемы отношения марксизма к современной реальности, ложной, искаженной, с заранее известным и желательным для критиков марксизма ответом.

Яркими представителями тотальной критики марксизма являются К. Поппер и А. Камю.

Крупнейшим представителем ассимиляции марксизма является М. Вебер. Посередине между буржуазными критиками марксизма, западными марксистами и самим Марксом стоит западный неомарксизм, в лице франкфуртской школы, а также теорий постиндустриального общества, которые предприняли действительные, хотя и ограниченные попытки применить марксистскую методологию к познанию современного общества. Ограниченность этих попыток носит принципиальный мировоззренческий характер и связана с попыткой отделить марксову концепцию истории от ее идеологической базы и вершины – коммунистической теории.

Проблему судьбы марксизма в России и влияния марксизма на судьбу России в XX в. в нашей стране трудно не только решить, но и поставить в научно-нейтральной, объективной, правильной форме. Этому препятствует целый ряд обстоятельств. Во-первых, то, что именно в России марксизм был реализован как революционная теория коммунистического преобразования общества. Во-вторых, то, что в России марксизм долгое время был господствующей, официальной, государственной идеологией. В-третьих, то, что опыт российского коммунистического строительства оказал огромное воздействие на всемирную историю XX века. Но именно эти же обстоятельства настоятельно требуют научного, объективного решения данной проблемы, ибо тот или иной ответ определяет не только оценку прошлого, но и влияющую на будущее оценку настоящего нашей страны и определение стратегии развития России в XXI в. и перспектив всей мировой цивилизации в XXI веке.

Объективность здесь может выражаться в сознательном определении партийности как мировоззренческой позиции, определяющей постановку и решение проблемы, а также в сознательном выборе гуманистической партийности как основы выбора, постановки и последующего анализа этой проблемы.

Примитивная, вульгарная, но популярная сегодня постановка проблемы сводится к вопросу вины марксизма, ответственности его за то, что произошло с Россией в XX веке. Виноват ли марксизм в трагической судьбе России и насколько? Так ставят вопрос те, кто рассматривает советскую систему и советскую историю как страшное время уродливого отклонения от нормального буржуазного пути развития общества в России. Утвердительный ответ – виноват на 100 % – заложен в самой постановке вопроса.

Другой подход к проблеме «вины» марксизма таков: насколько именно марксизм обес-

печил национальное спасение и процветание России в XX веке? Так ставят вопрос апологеты советской системы. И утверждение позитивной роли марксизма само собой разумеется при этом. Между этими крайностями есть средняя позиция: она исходит из противоречивости советского коммунизма, в котором признаются и отрицательные, и положительные стороны.

И тогда вопрос ставится так: за какие стороны несет ответственность марксизм, а за какие стороны несут ответственность его толкователи и политические деятели?

При первых двух подходах фактически отождествляются три понятия: оригинальный марксизм, русская его трактовка и советский строй, а ответственность за ход истории возлагается непосредственно на философскую теорию, а не на людей, которые толковали и воплощали ее по-своему разумению. Также при этих двух подходах русский советский строй рассматривается как адекватное воплощение в жизнь марксизма.

При третьем подходе вопрос усложняется: ответственность с самой теории переносится на людей, толкующих и реализующих теорию, различается оригинальный марксизм, его русское толкование, а также реальный советский строй. И «вина», или ответственность, здесь должна распределяться между этими тремя сторонами русского марксизма.

Традиционный и заложенный в самой постановке проблемы ход мыслей состоит здесь в том, чтобы оправдать гуманистический смысл оригинального марксизма (причем ленинизм здесь одни исследователи относят к истинному марксизму, другие нет), а вину за его извращения в процессе реализации возложить на объективные и особенно субъективные условия его практической реализации. Недобросовестные толкователи и действующие политики извратили не только его теоретическую суть, но и замаскировали марксистской идеологией совершенно чуждый духу и сути коммунизма строй или если не совсем чуждый, то с серьезными извращениями.

При всех различиях роднит все три позиции то, что у них есть общая идеалистическая предпосылка: они явно или неявно исходят из того, что ход истории определяется волей гениальных ученых, создающих свои проекты общества, и гениальных практиков-вождей, реализующих эти проекты в реальности. Одни эту волю считают злой, другие доброй, но сходятся в том, что именно воля Сталина, Ленина и ум Маркса создали советское общество.

Примером примитивной идеологической постановки проблемы роли марксизма в судьбе

России является нашумевшая в свое время и ставшая программой для современных антикоммунистов книга З. Бжезинского «Большой провал. Агония коммунизма». Автор, принципиально не отличая русский марксизм от оригинального марксизма и не различая теорию и практику марксизма, рассматривает его как неудачный, провалившийся, но стоивший многих жертв России (50 млн.) эксперимент. Он утверждает, что «в сущности своей это была западная доктрина, разработанная в читальном зале Британского музея одним интеллектуалом, немецким евреем. Зачем это чужеземное растение было пересажено в далекую евразийскую империю с традициями полувосточного деспотизма – пересажено одним автором брошюрок, русским революционером, выступавшим в роли хирурга истории» [2, с. 256]. Как констатирует Бжезинский, созданный в России в результате революции 1917 г. командно-административный, тоталитарный режим власти Коммунистической партии и ее идеологической диктатуры оказался во всех смыслах (экономическом, политическом и идейном) несостоятельным, проиграл соревнование западной демократии и к концу XX в. потерпит неминуемый крах. Бжезинский дает несколько вариантов, как будет происходить конец коммунистического режима в СССР. Он же и участвовал в подготовке этого краха и разработке его сценариев, как член президентских администраций в США.

Односторонне подтасовывая факты, давая им нужную одностороннюю интерпретацию, Бжезинский подкрепляет ими свои тезисы о крахе коммунизма во всех областях. И делает заключение: «Обернувшаяся катастрофой встреча человечества в XX веке с коммунизмом дала болезненный, но крайне важный урок: утопическая социальная инженерия находится в фундаментальном противоречии со сложностью человеческого бытия, а социальное творчество лучше всего расцветает, когда политическая власть ограничена. Этот фундаментальный урок делает тем более вероятной возможность, что XXI в. будет веком демократии, а не коммунизма» [2, с. 277].

Спустя тридцать лет после написания книги Бжезинского мы можем, имея горький опыт «капитализации страны», приобщения России к «демократии», констатировать, что не социализм, при всех его издержках и извращениях, а именно слом советского строя привел СССР и Россию на грань национальной катастрофы – физического вымирания народа и поглощения страны западными странами-хищниками.

Мы можем, кроме того сослаться на заключения современных западных исследовате-

лей глобальных проблем о том, что капитализм ведет все человечество к скорому и глобальному краху, гибели. Бжезинский неправомерно отождествил крах советского социализма, спровоцированный извне и изнутри искусственно, с крахом коммунистической идеи и марксизма вообще. И так, мы отвергаем как поверхностные и не состоятельные подходы, трактующие вопрос о роли марксизма в судьбе России с позиций «вины», в любом ее смысле.

Научное решение проблемы марксизма можно получить при адекватной постановке вопроса о роли марксизма в судьбе России в контексте его включенности в глобальные политические процессы. Закономерен ли был русский коммунизм (как общественный строй) и какую роль сыграла теория и идеология марксизма в его становлении? Здесь уже мы исходим из того, что марксизм, как и любая идеология – не произвольная выдумка отдельных мыслителей, а необходимый духовный продукт определенного типа общества в определенный период его развития, и не только продукт, но и действующая сила, определяющая в той или иной степени ход общественного развития. Здесь мы исходим из того, что в истории существует закономерность, которая проявляется в исторически случайной форме, во взаимодействии объективных и субъективных, материальных и духовных сторон общественной системы.

Однако признавая объективную закономерность русского коммунизма, мы можем толковать ее идеалистически и материалистически. Рассмотрим обе трактовки.

Идеалистическую трактовку закономерности русского коммунизма мы находим у Н. Бердяева, причем с большими элементами материализма. По Н. Бердяеву, коммунизм оказался неотвратимой судьбой России в XX в. потому, что был «...наиболее соответствующим всей ситуации, как она сложилась в России 1917 г. и наиболее верным некоторым исконным русским традициям и русским исканиям универсальной социальной правды, понятой максималистически, и русским методам управления и властвования насилием» [1, с. 93]. Для победы коммунизма в России сложились благоприятные объективные материальные и, главное, духовные предпосылки. К материальным, не решающим, а лишь внешним, дополняющим главные духовные предпосылки Бердяев отнес: политический кризис правящего класса, разложение русского государства и армии в результате мировой войны, социальное возмущение крестьян и вообще широких масс народа, отчуждение власти от ин-

теллигенции и от народа, идущее от Петра I. К духовным предпосылкам относится склад русской души, которая восприняла марксизм в форме извращенной религии мессианства: «Произошло как бы отождествление русского народа с пролетариатом, русского мессианизма с пролетарским мессианизмом» [1, с. 98]. Душа большевизма, согласно Бердяеву, по своей структуре – это та же русская душа – искание царства социальной правды и справедливости, жертвенность, аскетическое отношение к культуре, целостное тоталитарное отношение к жизни, определяемое главной целью – осуществлением социализма. Склад ума русской интеллигенции, воспитанной в революционном духе, – это вторая духовная предпосылка русского коммунизма. Третья духовная предпосылка – крушение патриархальной религиозной веры в сознании массы крестьян.

Но главной причиной победы коммунизма и движущей силой этого процесса была, по Бердяеву, демоническая личность Ленина. Правда, Ленин, да и вообще вся русская революция, в конечном счете, у Бердяева являются исполнителями божественного суда над русской историей. Таким образом мы видим, что элементы трезвого исторического анализа у Бердяева обесцениваются в сочетании с провиденциалистским идеалистическим истолкованием истории вообще, и русской, в частности. Бердяев, рассматривая роль марксизма в русской истории, считает, что русский народ и его вожди восприняли лишь ненаучную, религиозно-мессианскую сторону марксизма.

На примере Бердяева мы видим, что провести идею закономерности русского коммунизма и на этой основе точно уяснить роль марксизма в его становлении и развитии, последовательно не удается.

Материалистическая трактовка закономерности русского коммунизма исходит из того, чтобы вывести советский социализм из конкретно-исторического анализа взаимодействия всех экономических, политических и духовных процессов, происходивших в русском обществе в их взаимном влиянии, рассматривая политико-экономические процессы, в конечном счете как решающие. Под последними имеется в виду не безличное действие исторических законов, а реальная борьба социальных и политических сил за свои экономические и социально-политические интересы в конкретной исторической обстановке.

Говоря о судьбе марксизма в России в XX в., мы и должны конкретно ставить вопрос, какую роль в этой борьбе и развитии советского строя

сыграл марксизм и какие при этом он претерпел изменения?

На разных стадиях русской истории эта роль, сам статус и трактовка марксизма в России, и особенно в его духовной культуре существенно изменялись, и в зависимости от этого менялось его конкретное воздействие на русскую историю. Мы можем выделить четыре стадии развития марксизма как духовного явления (образования) на русской почве. Первая стадия – конец XIX в. – стадия усвоения марксизма русской революционной интеллигенцией. Вторая стадия – от начала века до 1917 г. – стадия творческого развития марксизма как идеологического орудия революционной партии в политической борьбе за власть, сопряженная с идеологической борьбой против оппортунистов-ревизионистов и идеологии политических классовых противников.

Третья стадия – от 1917 г. до 1985 г. – стадия марксизма как официальной государственной идеологии, теоретической концепции построения и совершенствования социализма и идеологического орудия стабилизации советского строя. На этой стадии марксизм претерпел целый ряд метаморфоз, связанных с противоречивостью его статуса и сменой политической конъюнктуры и типа режима в течение советской истории. Основные стадии этих метаморфоз таковы: – марксизм периода военного коммунизма, – ленинский марксизм периода НЭПа, – сталинский марксизм (30–50-е гг.), – постсталинский марксизм 60–80-х гг.

Четвертая стадия марксизма в России – марксизм периода разрушения социализма и советского государства в результате так называемых «демократических реформ». Для этого этапа характерно изменение статуса марксизма, из государственной идеологии он превратился в отверженную теорию и исчез даже из учебных курсов университетов, а не только из СМИ. Он стал теорией и идеологией новой коммунистической оппозиции, и одним из социальных учений, вроде бы сохранившим лишь историко-философское значение. Эта стадия характеризуется глобальной психологической и идеологической критикой марксизма и коммунизма, направленной на освобождение массового сознания от марксистской коммунистической идеологии. Борьба с марксизмом и коммунистической идеологией ведется, в основном, не в области теоретических научных споров, а методами психотропной обработки массового сознания с помощью электронных СМИ.

Какова же роль марксизма в истории России? Марксизм в России показал себя как эффективное идейное оружие революционного преобразования общества до тех пор, пока сохранял живой, творческий, критический дух объективного научного познания, стремящегося к гуманистическому преобразованию общества. Он показал себя как вполне эффективная государственная идеология, утратившая в себе живой творческий дух и использующаяся в целях идеологической стабилизации советского общества.

Российский социализм XX в., который строился по предварительному идеологическому, теоретическому плану оказался началом перехода человечества к новой эре – идеологическому, информационному обществу. Это был первый опыт общества, в котором социальная теория и гуманистическая идеология моделируют социальные отношения, т. е. являются предпосылкой и теоретической основой создания общественной системы, в котором политическая власть является основным инструментом реализации идеологического проекта. Этот опыт показал, что при этом власть стремится стать из средства самоцелью, что строители нового общества могут использовать свое положение в узкокорыстных целях, что реализация самой привлекательной социальной модели неизбежно выявляет ее ограниченность и нередко приводит к ее извращениям. Эти уроки необходимо осмыслить при второй попытке построения нового идеологического гуманитарного общества в России и в мире, чтобы избежать этих негативных последствий. При этом осмыслении нельзя, конечно же, обойти вопрос о причинах неудач и негативных результатов опыта социалистического строительства в России. Лежат ли эти причины в несовершенстве советского проекта или же они лежат в несовершенстве самого коммунистического социального идеала, или же в несовершенстве исполнителей, или же в недостаточной зрелости общества для реализации самого прекрасного проекта?

Чтобы ответить на эти вопросы первым делом нужно обратиться к критическому анализу коммунистической теории или идеи, как главной идеологической основы проекта коммунистического общества. Это тем более важно, как показывают уроки истории XX в., что чем выше экономическое развитие общества, тем выше степень свободы (и связанной с ней ответственности и риска) сознательных исторических деятелей, носителей власти, тем выше роль социальных теоретических проектов и их идеологической базы в определении судеб современного и будущего общества.

Ввиду громадности объема критики коммунистической идеи марксизма, мы ограничимся лишь обзором общих, главных линий нападения на коммунистическую теорию марксизма.

Всю критику можно разделить на два вида: 1) деструктивная критика, т. е. отрицание коммунистического идеала с позиций буржуазной идеологии и ее собственных идеалов, 2) конструктивная критика, т. е. выявление слабостей, недостатков коммунистической теории с целью ее развития, сохранения и укрепления, при принципиальном принятии критиком общих гуманистических идеалов марксизма. Эта конструктивная критика, в зависимости от классовых позиций, с которых она ведется, может быть трех видов.

Первый вид – это критика первой и второй частей коммунистической теории и противопоставление им иного обоснования и иных путей к коммунизму, дополняемая несколько иным толкованием и самого коммунистического идеала. Такая критика характерна для анархистов и представителей мелкобуржуазной идеологии. Как пример ее можно взять у М. Бакунина, с которым сам Маркс вел острую идеологическую борьбу за влияние на рабочее движение.

Второй вид – это критика второй и третьей частей коммунистической теории с позиций исторических фактов, на основе чего выясняется их внутренняя непоследовательность, но без предложения конкретных поправок критикуемых частей. Она характерна для многих западных коммунистов начала XX в., которые опирались на анализ опыта Октябрьской революции. Незрелость российского коммунизма и вообще западного общества к коммунизму не позволяла им конструктивно исправить обнаруженные слабости коммунистической теории.

Критика всех трех частей коммунистической теории с высоты исторического опыта XX в., но не для того, чтобы ее отвергнуть, а чтобы изменить ее, сохранив общий гуманистический идеал, в соответствии с современной исторической реальностью, преодолеть ее слабости и непоследовательности, абстрактность и дать ей новую жизнь и новые шансы для практической реализации.

Идеологическая критика коммунистической теории сводится к простому противопоставлению коммунистическому идеалу идеалов и ценностей буржуазного общества. И это все, на что способна любая идеологическая критика. Ее смысл сводится к утверждению, что общество может существовать только на основе капиталистических принципов организации.

Опыт строительства коммунизма в СССР в XX в. дал идеологическим противникам коммунизма главную почву и набор новых увесистых аргументов для критики коммунизма, уже не как теории, а как практики. А доказательство порочности, несостоятельности исторической практики коммунизма для них оказывается достаточным доказательством порочности самой теории. Хотя на самом деле, это не так. Ведь в процессе воплощения, в зависимости от случайных исторических местных обстоятельств, даже прекрасные теории могут быть искажены. Кроме того, сама их реализация неизбежно обнаруживает их ограниченность и необходимость практической и теоретической коррекции.

Буржуазная идеологическая критика коммунистической теории, а в основном практика коммунистического строительства в СССР стала главной и жизненно важной задачей буржуазной идеологии и приняла форму перманентной, очень хорошо финансируемой идеологической войны с советским социализмом, которая велась и на теоретическом, и на психологическом уровнях, методами «научной критики» и «массированной примитивной антикоммунистической пропаганды».

В этой войне мы выделим основные направления: 1) политическая критика; 2) экономическая критика; 3) историческая критика; 4) философская критика; 5) психологическая, пропагандистская война. Кратко рассмотрим каждое из них, основные аргументы и возможные возражения на них.

Начнем с политической критики. Каковы ее основные аргументы? Во-первых, политическая критика утверждает, что коммунизм есть диктатура партийной номенклатуры, которая держится на массовых репрессиях, идеологической обработке населения, отстранении народа от реального участия во власти.

На эту критику можно возразить так: постольку это действительно так, постольку режим не может именоваться коммунистическим, а есть его извращение, хотя исторически обусловленное. Однако и капитализм основан на диктатуре буржуазии, лишь внешне маскируемой под демократию, и он не чурается массовых репрессий в случае нужды.

Во-вторых, политическая критика утверждает, что коммунизм подавляет основные права и свободы человека. Здесь уместно такое же возражение, как и в первом случае. Однако при этом следует добавить, что при коммунизме, т. е. в СССР, все-таки, трудящимся было гарантировано гораздо больше прав и эти права были реаль-

но обеспечены, в особенности такие права, как право на труд, право на бесплатное образование и медицинское обслуживание, право на социальное обеспечение и т. д.

В-третьих, антикоммунисты заявляют, что коммунизм (а именно, его воплощенная историческая форма – СССР) – это империя зла, агрессивный режим, стремящийся к мировой гегемонии. Здесь валят с больной головы на здоровую. Принцип мирного сосуществования и конкуренции с капитализмом изначально лежал в основе внешней политики СССР. А распространение социализма на другие страны отнюдь не было связано с их эксплуатацией СССР. К мировой гегемонии всегда стремился и сегодня стремится как раз таки капитализм в лице ведущих развитых стран Запада во главе с США.

Вся эта политическая критика явно предвзята и одностороння, ибо преследует цель не найти истину, а опорочить политического противника, и основана на замалчивании Западом своих политических пороков и на смешении коммунистического идеала и его исторических искажений, имевших место в практике строительства социализма в СССР.

Экономическая критика коммунизма выступает с тремя основными аргументами. Первый аргумент состоит в том, что экономическая система коммунизма нерациональна, неэффективна. Интересны рассуждения М. Вебера на эту тему. В частности в своей работе «Теория социальной и экономической организации», которая задумывалась как буржуазная альтернатива «Капиталу» К. Маркса, М. Вебер критикует государственную собственность и плановую экономику. Вот набор его аргументов. Государственное директивное установление цен, вместо рыночного, приведет к экономическим диспропорциям и нарушению нормального функционирования экономики. Государственные чиновники, руководящие экономикой, могут использовать свое служебное положение в корыстных целях. Плановое руководство сложным экономическим организмом, учет баланса интересов социальных групп невозможен. Обеспечение реального выполнения даже хорошего плана – это всегда почти неразрешимая проблема. Наконец, социалистическая экономика не имеет эффективных стимулов к труду.

Все эти аргументы, выдвинутые М. Вебером, верны лишь отчасти. С одной стороны они указывают возможные трудности социалистической экономики, с другой стороны, они говорят о возможных искажениях социалистической экономики. Однако они относятся к искажениям

коммунистической социально-экономической системы, и служат как бы предупреждением против этих искажений. Однако все эти возражения не опровергают возможность рационально и эффективно разрешить возможные проблемы. И опыт СССР показывает реальность обеих возможностей, в реализации которых определяющую роль играет политический режим в государстве, степень его демократичности.

Второй аргумент экономической критики состоит в том, что коммунистическая, советская экономика проиграла экономическое соревнование Западу. В подтверждение приводятся статистические данные об уровне производства и потребления в ведущих Западных странах и в СССР, как абсолютные, так и на душу населения. При этом критики берут только выгодные для себя сравнения, игнорируя невыгодные. При этом игнорируется неравенство стартовых условий экономического соревнования, игнорируется негативное влияние последствий двух мировых войн и постоянного военного давления Запада на СССР, гонки вооружений, навязанной нам Западу. Если же все это учесть, следует констатировать что, социалистическая советская экономика доказала свое потенциальное преимущество над капиталистической. И не случайно с 30-х годов XX в. Запад перенял многие черты социалистической организации экономики, хотя и в ограниченном виде. И именно это спасло и спасает пока сам Запад от экономического краха. К тому же, оценивая соревнование двух систем, нельзя забывать о том, что Запад использует в этом соревновании не только свои национальные ресурсы, но мировые ресурсы, эксплуатируя слаборазвитые страны.

Третий аргумент экономической критики состоит в том, что коммунистическая, советская экономика пришла к неизбежному краху и развалилась. На самом деле она, во-первых, не сама развалилась, а была искусственно разрушена и до сих пор разрушается Западом через внутренних агентов, которыми стала бывшая партийная верхушка. Во-вторых, социалистическая экономика действительно столкнулась с кризисом в 80-е годы XX века, но этот кризис, во-первых, был разрешим на почве социализма, во-вторых, был вызван неэффективным управлением деградировавшей и идеологически переродившейся партийной номенклатуры, а не принципами социализма. В-третьих, причиной этого кризиса стала как раз устаревшая, недостаточно социалистическая система экономической организации.

Историческая критика заявляет, что советский коммунизм, и коммунизм вообще – это не

неизбежная стадия исторического развития, а аномалия, отклонение от нормального хода истории. На Западе не было коммунизма, он реализовался как случайный и дорогостоящий неудачный эксперимент в экспериментальной стране мировой истории – России.

Что на это следует возразить. Во-первых, то, что на Западе не было коммунизма, не говорит о том, что его там не будет. Кроме того, Запад внедрил у себя многие элементы социализма, и только эта модернизация позволила ему еще продержаться на определенный исторический промежуток. Во-вторых, очень многие серьезные западные ученые признают, что рыночная экономическая система, основанная на частной собственности и эксплуатации, при ее сохранении в условиях обостряющихся глобальных проблем и современного научно-технического развития приведет все человечество к глобальной катастрофе. (Сошлемся на известные исследования «Римского клуба»).

Далее, мы возразим критикам, что русский коммунизм в его советской форме – это вовсе не историческая аномалия. Он был закономерен именно в такой форме для России, но даже в этом искаженном и недоразвитом виде, он показал свой потенциал. Его нужно было совершенствовать, избавлять от исторически неизбежных, но уже отживших искажений и уродств, и главное от всевластия партийной номенклатуры. Но не нужно было его разрушать. Разрушение привело российский народ и его экономику к полному краху. Программа перестройки Горбачева, как это ни странно, была абсолютно верна по основным своим идеям, но она не была реализована, а использовалась как идеологическое прикрытие для противоположной политики – разрушения советского социализма во всех сферах.

Психологическая, обывательская критика наиболее эффективно внедряется через СМИ и наиболее мощно воздействует на массовое сознание. При этом ее аргументы не имеют ничего общего с логикой и научным мышлением, основаны на грубой лжи и подтасовке фактов. Ее сила в том, что она опиралась на мощный аппарат СМИ, и ориентировалась на общественную психологию, а не на разум публики.

Сводилась психологическая критика к простому очернению всего, что связано со словом коммунизм, искажению до неузнаваемости и подменной под эту сурдинку коммунистических идеалов и представлений масс иными – буржуазными идеалами и представлениями. Коммунизм, а не партийную номенклатуру, извращавшую коммунизм, обвинили во всех грехах и бедах, от

массовых репрессий 30-х годов до пустых прилавков в эпоху перестройки. Параллельно с преувеличенным смакованием реальных и вымышленных «пороков коммунизма», с наглой клеветой на коммунистическую теорию и практику, шла реклама западных ценностей и западного образа жизни, в которой, как и во всякой рекламе умалчивались все его негативные стороны. Доверчивость, политическая наивность народа, привычка верить СМИ, перевертывание, идеологическое перерождение официальных коммунистических идеологов и самой КПСС, – все способствовало успеху вытравливания коммунистической идеологии из сознания населения. Главное обвинение против коммунизма на бытовательском уровне сводилось к тому, что коммунизм привел людей к нищете, страну к развалу. Хотя на самом деле искажение коммунизма стало причиной краха, нищеты и бедствий населения, которые с построением капитализма в России стали беспрецедентными. Так при чем же здесь коммунизм?

Теперь разберем философскую критику. Ничтоже сумнящееся сегодня наша «критически» мыслящая интеллигенция, бывшие верные идеологи коммунизма и творческие работники, занялись философской критикой коммунизма, как общественного идеала, и вообще коммунистической теории. Остановимся на типовых ее аргументах. Как пример можно взять статью писателя Тендрякова «Метаморфозы собственности» [7]. Ударившись в философию, этот писатель заявляет, что коммунистический идеал общественного устройства, предложенный Марксом, во-первых, абстрактен, во-вторых, порочен, в-третьих, не мог реализоваться иначе как в грубой форме партийно-номенклатурного казарменного коммунизма.

Итак, Маркс, дескать, лишь описал черты коммунизма, но не представлял себе его конкретную организационную форму и не знал реальных путей построения коммунизма. Тендряков торжествуяще недоумевает: портной, который не знает, что и как шить – странен.

Мы возразим по этому поводу следующее. Маркс обосновал объективную закономерность развития капиталистической общественно-экономической формации, и, понимая, что историческая закономерность реализуется через деятельность людей, создал теорию революционной борьбы пролетариата для современных ему условий. Поскольку решение задачи непосредственного строительства коммунистического общества не стояло на повестке дня и определять его формы следовало, исходя из реальных конкрет-

ных исторических условий, то Маркс принципиально не занимался гаданием и произвольным конструированием на эту тему. Однако, формулировка принципов коммунизма являлась достаточным руководством для решения этой задачи с учетом конкретных условий. История – не шитье штанов, где все происходит гладко и точно по задуманному проекту. Только тот проект реалистичен, который привязан к конкретным условиям и вместе с ними корректируется.

Тендряков громогласно вещает нам далее: сам коммунистический идеал порочен. На такие наглые заявления не решаются даже многие западные оголтелые антикоммунисты. Но Бог судья нашему смелому писателю-критику. В чем же Тендряков видит коренные пророки коммунистического идеала?

Во-первых, якобы в том, что общественная собственность противоречит природе человека, в которой заложено стремление к собственности, свободе и предприимчивость. Человек от рождения капиталист. Может быть, это стало открытием для Тендрякова на старости его лет, но подобные заявления выдвинули еще философы Нового времени Т. Гоббс и Д. Локк.

По существу же возразить можно так, во-первых, не абстрактная природа человека определяет экономические отношения, а напротив, экономические отношения определяют природу конкретного человека. Только капиталист может распространять свою природу на природу человека вообще.

Во-вторых, наш писатель, конечно же, не будучи первооткрывателем и в этой теме, заявляет, что всеобщее равенство – несбыточный миф. Разделение труда, а значит, социальное разделение общества не исчезнет никогда, ибо оно – синоним организации производства. Для того чтобы опровергнуть это утверждение Тендрякова, нам придется вновь напомнить ему некоторые азы. Во-первых, не следует смешивать друг с другом два разных понятия: технологическое разделение трудовых функций и общественное разделение труда. Именно последнее, а не первое предполагает разделение людей на общественные классы, монополизирующие определенные виды труда, эксплуатирующие один другой. Первое остается, а второе будет уничтожено, и это не означает уничтожения вообще общественной организации труда. Просто она станет другой, более гуманной и справедливой.

Тендряков продолжает свою «критику»: превращение труда в потребность – утопическое благо-упование, так же, как и то, что вместе со

всесторонним развитием индивидов будет достигнуто материальное изобилие общества за счет роста производительных сил.

Объявить голословными декларациями черты коммунистического общества столь же доказательно, как объявить пустыми декларациями сами эти беспочвенные заявления. По крайней мере, современный рост производства создает все предпосылки для материального изобилия и превращения «качественно изменившегося» труда в потребность.

Но наш писатель упорен и методичен. Он далее утверждает, что реализовать принцип коммунизма: каждому по потребностям, а от каждого по способностям нельзя, потому что в смысле равенства способностей «люди всегда будут разными», а рост потребностей не ограничен. Все потребности никогда не удовлетворить.

Что же, возразим кое-что и на это. Если вести речь о потребностях материального накопления, власти и т.п. потребностях, порождаемых капитализмом, то они действительно неисчерпаемы. Если же говорить о потребностях коммунистического человека, то они имеют качественно иную структуру и природу. Их характеризует положительная, а не отрицательная бесконечность. Главными из этих гуманистических потребностей являются потребности в любви к людям, творчестве и познании.

Невозможность исчерпывающего удовлетворения этих, а не материальных потребностей будет стимулом роста коммунистического общества, а разумные материальные потребности там будут удовлетворены, что и откроет дорогу для подлинно человеческих творческих, духовных потребностей. Для их реализации человек получит возможность свободно развивать свои способности, а не истощать свои умственные и физические силы в принудительном, отчужденном труде.

Равенство при коммунизме не означает грубой уравниловки всех под единую мерку, как пытаются клеветнически утверждать все антикоммунисты. Оно означает, что при коммунизме каждый человек получит возможность свободного развития всех своих способностей, каковы бы они не были, на благо общества. Различие же людей по природным способностям коммунизм никогда не собирался отменять. Он лишь хочет отменить социальное неравенство, препятствующее развитию каждой личности.

Тендряков в своей критике обращается от абстрактных философских аргументов к историческим аргументам. Он, опять-таки, не первый и не последний, твердит нам, что попытка реали-

зовать коммунистический идеал на практике в России в XX в. раскрыла его абсолютную нереалистичность.

Как считает писатель, общественная собственность на средства производства практически невозможна. Общественная значит ничья конкретно, т. е. распоряжаться ей будут все-таки отдельные лица, хотя и от лица общества. Отобрать чужую собственность и объявить народ ее хозяином – не значит реально сделать всех собственниками. Он мягко намекает на присвоение и корыстное использование государственной собственности недобросовестными управленцами в лице номенклатуры КПСС.

Действительно, подобные факты имели место в советской истории, но, в основном государственная собственность в СССР служила интересам всего трудящегося населения. Криминальные отклонения от принципов социализма и злоупотребление КПСС своей властью в целях корыстного обогащения также безусловно имели место. Но, во-первых, это были именно отклонения от социализма. Во-вторых, именно эти отклонения говорят о том, что для утверждения полноценной государственной общественной собственности на средства производства необходимо, чтобы трудящееся реально контролировало своих властных представителей, управленцев и постепенно приобщалось к реальному распоряжению общественной собственностью. А это вполне возможно, особенно сегодня с развитием Интернет-технологий голосования.

Тендряков бичует и политическую систему советского общества, указывая на ее пороки, как на решающий аргумент невозможности построения социализма. Социалистическая революция в России привела к установлению диктатуры партии, фактически монополизирующей государственную власть и право распоряжения общественной собственностью, что превратило рабочих в бесправных наемных служащих государства, которое вынуждено было прибегать к уравниловке, принуждению к труду и т. п. Конечно, фактически Тендряков прав в том, что в России опыт социалистического строительства изначально проходил в условиях жесткой политической монополии КПСС на власть при формальных маскировках ее под общенародную демократию. Однако это искажение принципов социализма также мало доказывает невозможность построения подлинной социалистической демократии, как и предыдущие возражения Тендрякова против невозможности реальной общественной собственности на средства производства.

Короче говоря, Тендряков объявляет исторически обусловленные искажения коммунизма в России всеобщими и обязательными условиями попытки реализовать коммунистический идеал. И потому сам этот идеал отвергается. Общий вывод нашего критика-писателя удивительно тривиален: коммунизм – это красивая, но несбыточная мечта. Этот аргумент сотни лет скандируют антикоммунисты всех сортов и мастей. И Тендряков стал в эти миллионные ряды, присоединился к этому унылому хору.

По этому поводу заметим, что о несбыточности коммунистических идеалов говорят те, у кого иные идеалы или те, кто не хочет за них бороться или не знает, как за них бороться. Во всяком случае, это самый гуманный идеал и он должен выполнять свою функцию – стимулировать борьбу за действительную гуманизацию общества, разработку и развитие конкретной теории и практики организации гуманного коммунистического общества. Он несбыточен, если не заниматься работой по его воплощению в жизнь, и только в ходе такой работы он превращается в реальность.

Теперь мы переходим к конструктивной критике коммунистической идеи, ибо только эта критика может быть корректной и теоретически плодотворной. Более того, именно такая критика является потребностью современного социально-политического знания.

Примером непоследовательной конструктивной критики является анархическая критика теории революционной борьбы пролетариата, при разделении анархизмом самого коммунистического идеала. Анархисты отвергают политическую борьбу пролетариата и необходимость государства диктатуры пролетариата, которое, по их мнению, привело бы не к коммунизму, а к диктатуре партии на основе государственной собственности. Взамен пути, предлагаемого Марксом, они предлагали анархическую версию революционной борьбы и построения коммунизма без государства диктатуры пролетариата, абсолютно утопическую.

Вторым примером непоследовательной, хотя и конструктивной критики была критика русского коммунизма 20–30-х гг. со стороны западных социал-демократов и коммунистов. (Каутский, Р. Люксембург, Ю. Мартов, Г. Плеханов). Они указали на извращения коммунистической теории в русском опыте, но не исследовали достаточно глубоко их историческую обусловленность, тенденции развития, а также возможные пути исправления. К. Каутский, как ортодоксальный марксист бы убежден, что нельзя

строить социализм, пока для этого не созреют необходимые экономические предпосылки. Однако большевики, по утверждению Каутского, решились строить социализм в отсталой стране с помощью угнетения, насилия и террора. Нищета масс, отсталость пролетариата, одичание, вызванное войной, все эти условия привели к тому, что социализм в России превратился в свою противоположность. Вожди русской революции построили варварскую диктатуру нового класса чиновников – партийных бюрократов и казарменный социализм.

Р. Люксембург также критиковала русский социализм за террористическую диктатуру, которая фактически отстраняла трудящихся от власти и лишала их политических свобод. Если же нет контроля над аппаратом власти со стороны масс, то господствующим классом становится бюрократия, и диктатура пролетариата вырождается в диктатуру клики политических вождей. Социализм можно строить, только опираясь на широкую и реальную демократию, живое творчество масс, а не с помощью партийных директив и насилия со стороны правящей партии, уничтожившей политические свободы.

Те же упреки бросали большевикам и Мартов, и Плеханов, указывая Ленину на противоречие его методов построения социализма ортодоксальным марксистским идеям. Однако эта критика не указывала конструктивных путей преодоления возможных извращений социализма в русском опыте и не исследовала закономерность русского коммунизма и тенденции его развития.

Последовательная конструктивная критика коммунистической теории марксизма должна: 1) установить ограниченность коммунистической теории Маркса и внести в нее поправки с точки зрения новых исторических фактов, осмысленных в их внутренней связи и закономерности; 2) обосновать и изучить закономерность советского социализма, стадии его развития и кризисы; 3) создать новую, соответствующую современным условиям действительности теорию революционной борьбы за коммунистическое преобразование общества; 4) подвергнуть исторической критике и сам коммунистический идеал, особенно в части конкретной политической, экономической и духовной организации коммунистического общества. Собственно в решении этих задач и состоит действительное развитие коммунистической теории и преодоление ее в исторически ограниченной форме марксовой коммунистической теории.

Мы лишь наметим общие направления та-

кого развития – преодоления. Исходить нужно из реальных исторических фактов. А факты таковы. Во-первых, экономическое обоснование Марксом социалистической революции оказалось недостаточным. Те факты, которые он приводил, как свидетельства зрелости капитализма для революции, не привели к гибели капитализма. Капитализм, пережив кризисы своих форм XIX – начала XX в., нашел новые резервы для выживания, модифицировался. Во-вторых, стратегия и тактика революционной борьбы, разработанная Марксом, не привела к социалистической революции и нуждается в серьезной корректировке. В-третьих, социалистическая революция в России была закономерна, но не неизбежна. В-четвертых, советский социализм, построенный сверху, директивно, был извращенным, но даже в таком виде показал свой гуманистический потенциал, причем по мере своего развития этот потенциал возрастал, избавлялся от извращений. Он погиб, хотя и закономерно, но вовсе не необходимо, и не бесполезно, дав коммунистической теории множество ценных уроков на будущее, и серьезно изменив лицо современного мира. К тому же он строился в России на недостаточной экономической базе. В-пятых, коммунизм потерпел временное поражение, но в этом поражении залог возможности будущей победы, которая, однако, не гарантирована без революционной борьбы и успешного коммунистического строительства общества.

Апология марксизма состоит в ответе на вопросы – какие главные идеи марксизма были подтверждены историей, сохранили сегодня свое значение, и в каком развитии сегодня они нуждаются? В качестве ответов на эти вопросы, можно привести следующие соображения.

Марксова методология социального познания и сегодня является самой продуктивной и научной и ее потенциал может и должен быть использован для познания современного общества в его закономерном развитии, правда для этого она должна быть освобождена от догматических и идеологических извращений и дополнена современными методами социального познания.

Общесоциологическая теория марксизма, опирающаяся на идею объективной закономерности в истории, понимаемой как объективная обусловленность сознательной исторической деятельности людей, как сложная статистическая закономерность, также подтверждена историей. История также подтверждает общее направление движения общества к коммунизму, хотя этот путь оказался вовсе не таким простым и корот-

ким, как это казалось Марксу. Кроме того, для общесоциологической теории Маркса характерен европоцентризм, который следует преодолеть и рассмотреть специфику развития различных культур и взаимодействие различных культур и цивилизаций во всемирно-историческом процессе.

Коммунистическому идеалу нет альтернативы, но коммунистическая теория Маркса, безусловно, нуждается в развитии на основе обобщения опыта, удач и неудач советского социализма и социалистических модернизаций западного общества. Современное общество остро нуждается в новой гуманистической идеологии, которая может быть создана только на основе творческого развития коммунистической теории марксизма.

История подтвердила общий практически-гуманистический потенциал марксизма и показала, что современная социальная философия должна быть теоретическим обоснованием революционной практики, основанной на научном анализе современного общества и тенденций его развития. Не случайно в наше время фактически «В России сложилось интеллектуальное течение, которое делает акцент на понимании современной (в широком смысле слова, начиная с XX в.) реальности как эпохи глобальных, качественных изменений в самих основах общественной жизни, создающих предпосылки для генезиса не только посткапиталистического, но и постиндустриального, постэкономического общества («царства свободы»); в этом смысле мы можем назвать наше течение «марксизмом постиндустриальной эпохи» [3, с. 47].

Итак, современная прогрессивная социальная наука должна создать новую гуманистическую революционную теорию и она может это сделать только через действительно научное, конструктивное преодоление парадигмы социального познания марксизма, т. е. через действительное ее развитие в новых исторических условиях.

Библиографический список

1. Бердяев, Н. Истоки и смысл русского коммунизма [Текст] / Н. Бердяев. – М.: Наука, 1990. – 222 с.
2. Бжезинский, З. Большой провал. Агония коммунизма // Квинтэссенция. Философский альманах [Текст] / З. Бжезинский. – М.: Политиздат, 1990. – 447 с.
3. Бузгалин, А. В. Социальная философия XXI в.: ренессанс марксизма? [Текст] / А. В. Бузгалин // Вопросы философии. – 2011. – № 3.

4. Гобозов, И. А. Сартр и марксизм [Текст] / И. А. Гобозов // Философия и общество. – 2006. – № 2.

5. Горидько, М. И. О современном понимании марксистского учения в России [Электронный ресурс] / М. И. Горидько. – Режим доступа: http://edu.rgazu.ru/file.php/1/vestnik_rgazu/data/20140519155324/001.pdf (дата обращения 02.02.2016).

6. Поппер, К. Открытое общество и его враги [Текст] / К. Поппер. Т. 2. – М., 1992. – 525 с.

7. Тендряков, В. Ф. Метаморфозы собственности [Электронный ресурс] / В. Ф. Тенд-

ряков. – Режим доступа: http://elib.tendryakovka.ru/tendryakov_html/book9.html (дата обращения 06.02.2016).

8. Шихардин, Н. В. Луи Альтюссер: критика, реконструкция и защита марксизма [Текст] / Н. В. Шихардин // Вестник Самарского государственного университета. – 2009. – № 67.

9. Baumgarten, E. Max Weber. Work and Person [Text] / E. Baumgarten. – Tubingen, 1964.

10. Sartre, J. P. Critique de la raison dialectique [Text] / J. P. Sartre. – Paris, 1960.

УДК 332.05

ББК 65.6

КОНЦЕПЦИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Т. Б. Иванова, Е. В. Ковшикова, А. А. Огарков

Аннотация. В статье показано, что жители более мелких населенных пунктов имеют худшие условия жизни по сравнению с более крупными. Это выражается в более низких доходах, недостаточном развитии инженерных коммуникаций, отсутствии рабочих мест. Из-за этого численность жителей в таких населенных пунктах сокращается, и они становятся неперспективными. Существуют различные направления последующих изменений таких поселений: от переселения из них жителей до инвестирования межпоселенческих инвестиционных проектов. С учетом этого сформулированы предложения для концепции регионального пространственного развития.

Ключевые слова: стратегия пространственного развития, индекс бедности, неперспективные населенные пункты, территориальное размещение инвестиционных проектов.

CONCEPT OF REGIONAL SPATIAL DEVELOPMENT

T. B. Ivanova, E. V. Kovshikova, A. A. Ogarkov

Abstract. In the article it is shown that the inhabitants of smaller settlements have worse living conditions in comparison with cities. They have low income, bad engineering communications and high rate of unemployment. Such settlements are unpromising. Provisions of the concept of regional spatial development are organized for them. Their realization will improve the quality of life of the population and safety of Russia.

Keywords: strategy of spatial development, poverty index, unpromising settlements, territorial placement of investment projects.

Исходя из положений Федерального закона от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», одним из важнейших направлений дальнейшего развития страны является разработка Стратегии пространственного развития России, сочетающая в себе подходы стратегического и территориального планирования, что позволит обеспечить проекцию «социально-экономических приоритетов развития на территорию, оценить сложившуюся систему расселения в Российской Федерации, дать предложения по ее гармонизации» [1]. На сайте Минэкономразвития РФ указывает-

ся, что для формирования и последующей реализации Стратегии необходимо анализировать особенности и проблемы пространственного развития страны. Исследование ряда из них и является целью данной работы.

При изучении статистических данных о специфике развития различных населенных мест обращает на себя внимание тот факт, что качество жизни населения существенно отличается в зависимости от типа населенного пункта. Например, из Таблицы 1 видно изменение индекса риска бедности по населенным пунктам с различной численностью населения.

Таблица 1

Изменения индекса риска бедности и числа населенных пунктов с различной численностью населения

Численность населения	Число населенных пунктов		Индекс риска бедности		
	2002	2010	2011	2012	2013
Городского с числом жителей	2 940	2 386			
- более 1 млн. чел.	13	12	0,41	0,37	0,39
- от 500 тыс. до 1 млн.	20	25	0,60	0,44	0,41
- от 250 до 500 тыс.	42	36	0,61	0,62	0,57
- от 100 тыс. до 250 тыс.	92	91	0,91	0,87	0,99
- от 50 тыс. до 100 тыс.	163	155	1,14	1,11	1,01
- менее 50 тыс.	2 610	2 067	1,20	1,22	1,22
Сельского с числом жителей	155 289	153 124			
- более 5 тыс.	807	874	1,36	1,43	1,62
- 1 тыс. – 5 тыс.	7 275	6 933	1,46	1,62	1,52
- 200 чел. – 1 тыс.	31 311	28 449	1,66	1,59	1,64
- менее 200 чел.	102 810	97 452	2,77	3,07	3,29
Составлено авторами на основании [2, с. 121; 3, с. 92; 4, с. 107; 5, с. 256–257].					

Индекс бедности рассчитывается с 2011 г. по методике ОЭСР, в которой бедным считается человек с доходом менее 60 % медианного дохода по стране. Если индекс больше 1 – это означает, что для этой группы населения вероятность стать бедным выше по сравнению со средней возможностью. Как видно из таблицы, индекс риска выше 1 для всех населенных пунктов в сельской местности и для наиболее мелких городских (до 100 тыс. чел.). То есть можно говорить о существовании зависимости уровня доходов населения от размеров населенного пункта, в котором они проживают. Причем риск бедности в более мелких населенных пунктах стабильно остается выше: самый большой – в населенных пунктах сельской местности с числом жителей до 200 человек, самый маленький – в городах-миллионниках.

Тенденция изменений индекса по годам различна, но если сопоставлять 2011 и 2013 гг., то уменьшилась вероятность сокращения доходов в сельских населенных пунктах с числом жителей от 1000 до 5000 человек, в городских – от 250 тыс. до 1 млн. человек. При этом повысилась вероятность стать бедным в населенных пунктах в сельской местности с числом жителей до 1 тыс. человек и более 5 тыс. человек, а в городской – с числом жителей от 100 до 250 тыс., а также в городах – миллионниках. То есть, преимущественное развитие в настоящее время получают населенные пункты со средней численностью.

Отсутствие возможности получения дохода ведет к тому, что общее число населенных пунктов в сельской местности сокращается. Так,

в 2002 г. люди не проживали в 13086 сельских населенных местах (8,4 % их общего количества), а в 2010 году их стало уже 19416 (12,6 %). В тоже время увеличилось число наиболее крупных из них. Среди городских населенных пунктов возросло число городов с численностью жителей от 500 тыс. до 1 млн. человек. Подобные изменения соответствуют дифференциации индекса бедности по типу населенных пунктов и подтверждают ранее сделанный вывод о преимущественном развитии в настоящее время населенных пунктов со средней численностью.

Процессы миграции на протяжении многих лет остаются устойчивыми. Так, в Волгоградской области численность населения сокращается с 1992 года. В 2014 г. миграционная убыль составила 6,3 тыс. чел., что на 2,8 тыс. чел. больше, чем в 2010 году [6]. И это, не считая внутрорегиональных миграционных потоков, связанных с переселением жителей в более благоустроенные территории области. В таблице 2 оценка степени благоустройства осуществлена через показатель протяженности уличных сетей инженерных коммуникаций. Исходя из длины улиц и схожих схем размещения, их длина должна быть сопоставима между собой, что, как видно из таблицы 2, совершенно не выполняется. Если возможности подключения газа сейчас существуют для всё большего числа селян, то водопровод и особенно канализация остаются явлением редким (см. табл. 2). Неудивительно, что даже за 1 год численность населения по приведенным в таблице муниципалитетам снизилась на 1–2 %.

Таблица 2

Протяженность уличных сетей в 2014 году и динамика численности населения

Район	Газ	Водопровод	Канализация	Темп сокращения численности населения в 2014 г. по сравнению с 2013 г.
Алексеевский	271370	133600	3150	0,98
Быковский	355926	282600	10200	0,99
Даниловский	262041	146500	3000	0,98
Киквидзенский	260660	173700	-	0,99
Нехаевский	251470	218160	-	0,98
Составлено авторами на основании [7].				

Улучшение условий проживания благотворно сказывается на развитии населенных пунктов. Например, в статье [8, с. 14–15] при описании села Потопчино Угличского муниципального района Ярославской области говорится, что, пока в нем не было моста, жители, для того чтобы купить продукты, вынуждены были перебираться вброд на другой берег реки. После же строительства моста в населенном пункте стал расти спрос на участки, появились перспективы роста. Но одновременно с такими позитивными оценками в Ярославской области существует много недовольных возведением моста, считающих, что за 56 млн. руб. можно было бы построить объектов больше и более значимых, так как в описываемом селе зимой живет 22 человека, а летом около 100.

В этой зарисовке отмечено одно из основных противоречий нынешнего пространственного состояния России: между необходимостью создавать для всех россиян качественные условия жизни и затратами, которые для этого надо осуществить. Оно усугубляется существующим подходом инвесторов к размещению производства. Инвестиционные проекты реализуются в настоящее время, прежде всего, на наиболее обжитых территориях, имеющих трудовые ресурсы, инженерные коммуникации, более качественные дороги. Но такая политика приводит к сокращению заселенных населенных мест, снижению экономической безопасности России за счет обезлюдение территорий. Крупным корпорациям выгоднее вести производство вахтовым методом, чем обеспечивать инфраструктурное развитие малых населенных мест.

Проблема «неперспективных» сел и деревень существовала на Руси всегда. Активно обсуждается она и в последние десятилетия. Так, в 2009 г. в Докладе о деятельности уполномоченного по правам человека в Республике Коми [9] отмечалась разработка подпрограммы «Переселение жителей из населенных пунктов, признанных закрывающимися» целевой республиканской программы «Жилище» на 2008–2012 гг. с

объемом финансирования 239,5 млн. рублей. Ее реализация должна была обеспечить переселение 181 жителя из 19 населенных пунктов.

В статье У. Вылегжаниной [10] «Закрывать нельзя оставить. Нужно ли расселять неперспективные деревни и поселки» сообщалось, что в РФ с 2012 г. введена государственная программа расселения населенных мест Северо-западного федерального округа, удовлетворяющих таким условиям как: численность жителей до 100 человек, отсутствие как ежедневного транспортного сообщения с другими населенными пунктами, так и организаций и предприятий, которые смогли бы составить основу территориальной инфраструктуры. Кроме того, должна быть обоснована невозможность или экономическая нецелесообразность создания или восстановления производства. В статье приводятся две противоположные точки зрения: невозможность расселения из-за дороговизны таких проектов и необходимость сохранить существующую систему расселения, даже если все жители дали согласие на переезд.

Эта же тема обсуждается и в статье С. Морозова за ноябрь 2015 г. «Неперспективные» [11]. Автор анализирует ликвидацию умирающих деревень на Сахалине. Апеллируя ко времени существования СССР, когда людей переселяли из нерентабельных поселков, С. Морозов считает, что такое переселение в благоустроенные агрогородки необходимо, так как сельскохозяйственную продукцию производят в основном крупные хозяйства. Пока же нужно находить желающих заниматься сельским хозяйством, субсидируя этот вид деятельности и делая его тем самым привлекательным.

Для снижения уровня бедности, прекращения тенденции превращения всё большего числа населенных мест в неперспективные, необходимо формирование в населенных пунктах рабочих мест с достаточным уровнем доходов независимо от числа проживающих. Это возможно следующими способами, примеры которых были выявлены по Волгоградской области: а) на осно-

ве кооперации с крупными товаропроизводителями (личных подсобных хозяйств с молокозаводами, домохозяйств с предприятиями по пошиву детской одежды); б) созданием крупных производств, расположенных вне населенных пунктов (в этом случае работники приезжают на работу из окрестных деревень) [12, с. 239–245]. Для реализации второго предложения необходима смена стратегии территориальной привязки инвестиционных проектов. Они должны реализовываться в тех сельских поселениях, где преимущественно не хватает рабочих мест. Недостаток концентрированных ресурсов может компенсироваться доставкой работников из окрестных сел и деревень. Подобные формы организации производства уже используются, например, в Волгоградской области в холдингах «Краснодонский» и «Сады Придонья», которые на протяжении длительного периода имеют положительные финансовые результаты. Межпоселенческий инвестиционный проект реализуется в настоящее время и в Алексеевском районе Волгоградской области.

Целесообразно, чтобы при разработке концепции регионального пространственного развития были учтены следующие моменты:

- проведение исследования и опросы для зонирования населенных пунктов, в том числе для выявления «неперспективных»;

- разработка «эталонного» уровня состояния инженерной и социальной инфраструктуры для «перспективных» населенных пунктов различных категорий;

- формирование планов развития инженерной и социальной инфраструктуры, а также повышения транспортной доступности по населенным пунктам;

- принятие мер по повышению обеспеченности территорий рабочими местами с учетом их транспортной доступности на основе инвентаризации доступных рабочих мест и создания по населенным пунктам предприятий малого и среднего бизнеса.

- разработка и реализация туристического маршрута «Золотое кольцо» Волгоградской области как проекта, направленного на создание дополнительных рабочих мест, увеличения платежеспособного спроса и формирования досуговой занятости населения.

Использование в Концепции регионального пространственного развития внесенных предложений позволит повысить качество жизни населения и безопасность российского пространства.

Библиографический список

1. Стратегия пространственного развития России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/planning/sd/> Дата обращения: 10.03.2016).

2. Социальное положение и уровень жизни населения России. Статистический сборник. – М., 2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gks.ru> (Дата обращения: 10.03.2016).

3. Социальное положение и уровень жизни населения России. Статистический сборник. – М., 2013 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gks.ru> (Дата обращения: 10.03.2016).

4. Социальное положение и уровень жизни населения России. Статистический сборник. – М., 2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gks.ru> (Дата обращения: 10.03.2016).

5. Итоги Всероссийской переписи населения в 2010 году. – М., 2013 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gks.ru> (Дата обращения: 10.03.2016).

6. Инвестиционная стратегия Волгоградской области, утвержденная Постановлением Администрации Волгоградской области № 778-П «Об утверждении Инвестиционной стратегии Волгоградской области на период до 2020 года» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: investvolga.ru (Дата обращения 21.03.2016).

7. Витрина данных муниципальных образований [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/scripts/db_inet2/passport/munr.aspx?base=munst18 (Дата обращения 21.03.2016).

8. *Снегирев, Ю.* Мост. Надо ли строить мост за 56 миллионов для малолюдного села? // Российская газета – 2016. – № 56 (6924).

9. Доклад о деятельности уполномоченного по правам человека в Республике Коми в 2009 году [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/scripts/db_inet2/passport/munr.aspx?base=munst18http://rud.exdat.com/docs/index-682322.html (Дата обращения 21.03.2016).

10. *Вылегжанина, У.* Закрыть нельзя оставить [Электронный ресурс] / У. Вылегжанина // Российская газета. Экономика Северо-Запада, 2011, № 5610 от 19.10.2011. – Режим доступа: <http://rg.ru/2011/10/19/reg-szfo/poselok.html> (Дата обращения 21.03.2016).

11. *Морозов, С.* Неперспективные [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sakhalin.info/weekly/109046> (Дата обращения 21.03.2016).

12. *Иванова, Т. Б.* Формы создания рабочих мест в сельском хозяйстве современной России [Текст] / Т. Б. Иванова // Научное обозрение. – 2015. – № 4.

СОЦИОЛОГИЯ

SOCIAL SCIENCE

УДК 379.82
ББК 77

СОВРЕМЕННЫЕ ДОСУГОВЫЕ ПРАКТИКИ: РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ГЛОБАЛИЗИРОВАННАЯ МОДА

Н. А. Галактионова

Аннотация. В статье рассматривается отношение к традиционным досуговым практикам, исследованы обстоятельства, вызывающие тенденцию одомашнивания досуга и ориентацию на культуру потребления. Отмечается ориентация современной молодежи на выбор из традиционных форм культуры тех, которые нацелены на выживание, что свидетельствует о потенциальной способности к осмысленной и напряженной трудовой жизни, мобилизации в трудное время. В структуре свободного времени большую часть занимает домашний досуг. Основными факторами одомашнивания досуга автор считает распространение нуклеаризации семьи, популярность ТВ и компьютеров с выходом в интернет. На досуговые практики оказывает влияние фрилансерство, он-лайнные формы доступности образовательных и культурных услуг, досуговая миграция и ориентация на потребление.

Ключевые слова: современные и традиционные досуговые практики, одомашнивание досуга, досуговая миграция, культура потребления.

MODERN LEISURE PRACTICES: REGIONAL FEATURES AND THE GLOBALIZED FASHION

N. A. Galaktionova

Abstract. In the article the attitude towards traditional leisure practices is considered, the circumstances causing a tendency of domestication of leisure and orientation to culture of consumption are investigated. The attitude of contemporary young people to a choice from traditional forms of culture of what are aimed at a survival that testifies to potential ability to intelligent and intense labor life, mobilization in a hard time is noted. In structure of free time the most part is occupied by house leisure. The author considers as major factors of domestication of leisure distribution of a nuclearization of a family, popularity of TV and computers with Internet connection. On leisure practices the freelance, on-line forms of availability of educational and cultural services, leisure migration and orientation to consumption have an impact.

Keywords: modern and traditional leisure practices, leisure domestication, leisure migration, culture of consumption.

Тюменская область является регионом с преимущественно русским населением.

Особенности доминирующих традиционных практик русского населения в регионе впервые были исследованы Иваном Неклепаевым [9]. Им были зафиксированы отличия русских сибиряков от русских в центральной части России – позднее приобщение детей к хозяйственной жизни

семьи. Этому, думается, способствовал ряд обстоятельств, и в первую очередь – особенности распространенных видов трудовой занятости – лесозаготовка и промысловое таежное дело, что затрудняло вовлечение детей в раннюю трудовую повинность. По свидетельству Неклепаева, только с 12 лет подростков постепенно привлекали к косье, рыбному промыслу, ловле мелких

зверей и т. д. В центральной части России раннее приобщение к зафиксировано повсеместно, косвенное чему доказательство – записи детского фольклора, в которых трудовые отношения, в особенности, сельскохозяйственные практики, – важная часть семантического и образного кода. Тюменская область вплоть до открытия нефтегазоносных месторождений, жила за счет заготовительства леса и пушнины, в этих сферах детский труд мог быть использован в ограниченных рамках.

В ряде авторских исследований было изучено, какие традиционные практики закрепились в молодежной среде, какие повседневные занятия имеют опору в культурной традиции и какую роль в этом играют институты социализации [5, с. 154]. В проведенном исследовании, участниками которого стали 823 студента вузов из Тюменской области, было выявлено, что молодежь считает важным учить детей уважать национальную культуру, обычаи и традиции своих предков – 85,1 %; чувствовать себя гражданами России – 65,9 %; знать язык своего народа – 55,3 %; заботиться об интересах коллектива, а не только о себе – 42,5 %; придерживаться религии своих предков – 25,5 %; уметь зарабатывать деньги – 21,2 %. Характер отношения к материальным благам подтверждает мнение философов, культурологов и историков о том, что духовность в России предпочтительнее материальности. Такое отношение справедливо для этнических установок, отразившихся в фольклоре, прославляющем бессеребрничество, для религиозных воззрений православия и мусульманства, наиболее распространенных на территории России, в отличие от, например, протестантизма и его этических норм [3; 8].

Р. Тагор говорил, что больше всего в России ему понравилось отсутствие духа собственности. Ориентация на нематериальное характерна и для повседневного поведения русских, что подтверждают контакты жителей нашей страны с иностранцами: «Русские тоже говорят много и охотно, но они крайне редко описывают походы в супермаркет. Русские говорят о жизни, о любви и смерти, о друзьях и врагах, родных и близких, о войне, насилии и ужасах, о литературе, поэзии и призраках, о пожарах, катастрофах и китайской мифологии. Они никогда не говорят о приземленном. Они всегда увлечены и захвачены темой беседы» [7]. Таким образом, распространено представление о стремлении русских к обсуждению общих, так называемых философских вопросов, незаинтересованность на материальном, вещественном, осуждение «мещанских» ценно-

стей и т. д. Современная материальная культура, культ денег принят не повсеместно, граждане разделяют базовые моральные принципы, связанные с сохранением традиций, языка предков, уважением коллективных интересов.

Сравнительный анализ ответов по отдельным категориям молодежи показал разное значение некоторых позиций для отвечавших. Корреляционный анализ по полу, возрасту, образованию, национальности, конфессиональной принадлежности показал, что девушкам близки ответы, входящие в структуру традиционных женских семейных функций – воспитание уважения к традициям, обучения родному языку. Для юношей, наряду с этими, характерно и проявление прагматических установок, к которым относится умение зарабатывать деньги.

Семейное воспитание является необходимым элементом формирования этнических и национальных чувств, при определении человека в системе координат нации, этноса, гражданства. Поэтому сигналом опасности утраты национальных чувств следует считать утрату ориентации в повседневных практиках на традиционную культуру. Исследование показало, что в настоящее время в семейно-бытовой праздничной культуре отсутствует застольная хоровая песня или сопровождающее домашний труд пение. Особо стоит отметить незнание и непопулярность народного танца в семейном досуге. Показательно отношение к ремеслам: 73,08 % всех опрошенных сказали, что их предки и родственники занимались ремеслами. Таким образом, ответы демонстрируют, что ремесла и рукоделие были частью жизнеобеспечения семьи, способом выживания, обязательным вариантом проведения досуга. Среди названных видов ремесел были названы резьба по дереву (19,23 %), вязание (19,23 %), вышивание (15,38 %). Респонденты упомянули плетение, скорнячество, рисование.

Популярность резьбы по дереву органично вписывается в региональную традицию тюменского края. Лесной край, богатый древесиной, и невыразительный пейзаж способствовали развитию в области богатых традиций домовой резьбы. Старая часть городов Тюменской области выделяется особым обликом деревянного кружева, в частности, имел всесоюзную известность старинный Тобольский деревянный театр-терем, сгоревший в 80-х гг. XX в. и восстанавливаемый в настоящее время [11]. Тюменская домовая резьба изучается искусствоведами, мастерами декоративно-прикладного творчества и т. д. 65,38 % респондентов считают, что женщинам и 69,23 % мужчинам следует заниматься ремесла-

ми. При этом отрицательный ответ относительно женщин дали 19,23 % респондентов и относительно мужчин 7,69 %. Подобное распределение ответов свидетельствует о давних ремесленных традициях, установках на трудовое поведение, на важность труда в полноценной жизни, стремлении улучшить свой быт, защититься от катаклизмов и т. д. Важность трудовой компетенции мужчин во мнениях молодежи демонстрирует укорененность традиционных представлений о роли мужчины в семейной жизни как хозяина, добытчика, опоры. Поэтому, в отличие от традиционных форм проведения досуга, традиции трудовой жизни оказались наиболее укорененными. Студенты уверены, что могут сделать своими руками мебель (80,77 %), украшения (50 %), одежду (42,31 %), посуду (34,62 %), другие предметы (50 %). К этому стоит добавить и то, что 80 % опрошенных умеют готовить национальную пищу, предпочитая именно ее на основании вкусовых предпочтений (78 %), мнений о привычности (72 %) и полезности (68 %). Почти 74 % опрошенных считают, что существование народных промыслов следует поддерживать на государственном уровне. Ориентация современной молодежи на выбор из традиционных форм культуры тех, которые нацелены на выживание, свидетельствует о ее способности к мобилизации, о потенциальной способности к осмысленной и напряженной трудовой жизни, особенно, если жизненная ситуация станет неблагоприятной. Выбор среди традиционных досуговых практик тех, что может принести пользу – важная часть идентификационного кода современной молодежи. В целом же сфера молодежного досуга ориентирована на западные молодежные течения вследствие глобализации культуры, и традиционная культура не может составить ей ощутимую конкуренцию.

Семейный досуг – проблемная область современной теории досуга, связана она с трансформацией семейных ценностей вообще [2]. Нуклеаризация семьи и проблемы самообслуживания без кооперации со старшим поколением, омоложение «бабушек» сократили время семьи на посещение театров, парков, музеев, клубов. Главным в структуре свободного времени стало удовлетворение потребностей, связанных с семейным бытом и воспитанием детей. С момента массового появления в домах советских граждан телевизоров и до начала десятых годов XXI в. наиболее сильной в сфере досуга является тенденция одомашнивания досугово-рекреационной деятельности. Распространение телевидения изменило популяризируемые с 20-х гг. XX в. фор-

мы массового досуга – коллективные субботники, активную культурно-массовую деятельность, совместное проведение праздников (вспомним фильм «Карнавальная ночь»). От массовых форм досуга население постепенно уходило.

Увеличение доли домашнего времяпрепровождения сказалось в перераспределении временных затрат, интересов и затрачиваемых средств внутри и вне дома. Возросло время общения с TV. Просмотр телепередач не требует специальной подготовки, интеллектуальной инициативы и обладает мощным суггестивным воздействием. Распространился феномен «фонового» вещания TV, радио, совмещенного с работой на кухне, домашней трапезой, другими бытовыми делами. К телевидению добавляется просмотр DVD-фильмов, фильмов, скачанных с торрентов, интернет-телевидения. Широкое распространение компьютеров, компьютерных игр, игровых приставок и интернета еще больше закрепило людей дома. В наше время известная картина Ф. П. Решетникова «Опять двойка», по которой писали сочинения поколения советских школьников, нередко вызывает грусть и добрую зависть большинства родителей – герой этой картины катался на коньках, а не сидел за компьютером.

Жилище современного человека становится центром хозяйственной деятельности. Дом в настоящее время является многофункциональным центром: это склад, заготовительный цех, мастерская, офис, компактный фитнес-центр, релакс-зона, в которой сочетается труд, досуг и отдых. Ширится спектр домашних любительских увлечений (коллекционирование, занятия прикладным творчеством и т. д.), жилая среда становится полем творческой деятельности для одних и безделья для других.

Увеличение числа рождаемости детей и катастрофическая ситуация с недостатком мест в детских дошкольных учреждениях подстегивает частную инициативу и связанные с ней изменения законодательства – так, упростилась процедура перерегистрации помещений на первых этажах жилых домов в частные детские сады, поэтому удобным вариантом для многих работающих родителей становится домашний детский сад.

Меняющаяся мода и расширяющийся набор благ побуждают непрерывно им следовать; сократилась регулярность и теснота общения по интересам в культурных центрах, во многом утеряны навыки самоорганизации и самоуправления, они уступают по масштабности стигийным досуговым фанатским сообществам.

Тенденцию одомашнивания досуга подстегнули события конца 80-х – начала 90-х годов. Многие учреждения социально-культурной сферы потеряли привлекательность для потребителей, поскольку не смогли предоставлять качественные услуги и новые формы досуговой активности. Часть учреждений культуры закрылась, часть сменила профиль разрешенного использования, дома культуры превратились в перманентные ярмарки-центры выездной торговли. Многие граждане в период реформ не могли выкроить деньги для каких бы то ни было общественных форм досуга нового времени.

В тот же период претерпели видоизменение известные формы отдыха. Так, загородные прогулки перестали быть исключительно развлекательными поездками, на первый план выдвинулась функция «собираательства» – люди ходили в лес за грибами, ягодами и т. д. Изменилось понятие дачного отдыха – заготовительство вместо релаксации. Мотивы деятельности владельцев садово-огородных кооперативов показывает реализацию потребности в активном энергозатратном отдыхе, продуктивном физическом напряжении на природе, и потребительскими мотивами пополнения бюджета за счет урожая. В благополучные времена последнее обстоятельство связано не столько с пропитанием, сколько с заботой о здоровом образе жизни и дача выступает источником экологически чистых продуктов. С распространением персональных компьютеров, имеющих выход в Интернет, увеличилось число трудящихся дома фрилансеров. Популярность удаленной работы связана с возрастающей ценностью досуга в общей структуре жизни. Фрилансерство и удаленная работа инициировала популярность сезонных миграций – люди уезжают в страны юго-восточной Азии на осенне-зимний период, живут там и работают посредством интернета. Следует также учитывать и потребность современного человека в защищенности и безопасности, поэтому многие бытовые практики вытекают из стереотипного представления «мой дом – моя крепость», человек стремится оборудовать свой дом как уголок рая, из которого не хочет выходить в чужой и, возможно, враждебный мир. Десятилетия обобществления частной собственности вызывают в настоящее время зеркальную тенденцию – человек стремится к автономизации и защите частной собственности, поэтому утратили популярность интернет-кафе, игровые клубы, законодательно запрещены многие формы азартного игрового досуга, типа казино. Увеличение достатка, распространение интернет-сетей стимулирует по-

купку собственного компьютера, другого гаджета, который позволит круглосуточный безлимитный доступ к искомому удовольствию – сетевой игре, просмотру видео, созданию фото-коллажей и т. д. Тенденции одомашнивания культурной деятельности изменяют характер коммуникации между производителем и потребителем ценностей культуры. Технологии лично-культурной деятельности обновляются быстрее публичных и меньше нуждаются в посредниках. Это порождает дополнительные функции не только отдыха, но и самообразования, творчества, обретения новых навыков в рамках дома. Расширяется сеть различных форм интернет-образования, вебинаров, онлайн-семинаров, открытых лекций, человек в домашней защищенной обстановке имеет возможность получать новые знания, повышать квалификацию и т. д.

Яркая примета современного досуга – его концентрация в конце рабочего дня, рабочей недели, во время отпусков, в выходные праздничные дни. В современном российском календаре нерабочие выходные дни сосредоточены в период зимних новогодних праздников, а также майских праздников в период с 1 по 9 мая. Такая концентрация выходных дней вызвала новое явление – досуговую миграцию. Повышается роль второго жилища семьи: дачи, дома в деревне, садового участка. Востребованными становятся кратковременные поездки, в центральной части России развивается сфера пригородных зон отдыха, а в европейской части России к тому же происходил бум выездного заграничного туризма, увеличивалось число кратковременных трехдневных туров. В последние два года, в связи с экономическим курсом и в результате закрытия популярных маршрутов выездного туризма происходит переориентация на внутренний туристический рынок, и маршруты разрабатываются уже для российских регионов, но с учетом сложившейся практики.

В этом плане важна роль СМК в умелом и тонком руководстве досуговой деятельностью, повышению интеллектуального уровня людей и расширению их интересов. Современный досуг разных социальных групп, при всей их разности, рассматривается как досуг нового типа, как продукт индустриализма и урбанизации, испытывающий влияние массовой культуры в новых условиях, характеризующихся увеличившимся объемом свободного времени, возросшим уровнем качества жизни.

Одна из первых работ зарубежных исследователей, посвященных досугу – книга Торстайна Веблена «Теория праздного класса», ко-

торая была опубликована в 1899 году [3]. В ней Т. Веблен критикует праздный класс, тесно связанный с бизнесом, за его роль в поощрении расточительного потребления. Веблен констатирует, что, стремясь произвести впечатление на остальную часть общества, праздный класс впадает в «демонстративный досуг» – непродуктивную трату времени и «демонстративное потребление», что влияет на представителей прочих социальных классов, и они, прямо или косвенно, пытаются подражать праздному классу. В результате формируется общество, растрачивающее время и деньги. В работе Т. Веблена, в отличие от большинства социологических работ того времени, «Теория праздного класса» главное внимание уделяется не производству, а потреблению. Таким образом, в этой книге Веблен предвосхитил сегодняшний сдвиг социальной теории от производства к потреблению. И уже в философии Бодрийяра современное общество названо обществом потребления [1]. Культура потребления формируется в контексте развития современной культуры и несет в себе ее качества, являясь ее интегративным целым, при этом обладает чертами культуры, которую можно поставить в один ряд с такими неотъемлемыми структурными компонентами современной культуры как информационная культура или массовая культура [6, с. 22]. Наиболее распространенный способ проведения досуга, активно пропагандируемый средствами массовой информации – формирование человека-потребителя, свидетельство тому – рост числа торгово-развлекательных комплексов, предоставляющих широкий спектр досуговых услуг, рассчитанный на человека-потребителя. По итогам 2013–2014 гг. одним из лидеров по числу открывшихся ТЦ в России стала Тюмень. По данным агентства «Денова», за 2013 г. общая площадь торговых центров в городе увеличилась на 41 % и составила 672 тыс. 77 кв. м. По этому критерию Тюмень обогнала Екатеринбург, Санкт-Петербург и Москву. Всего в городе 27 крупных объектов торговой недвижимости [10]. Так, в Тюмени в период с октября по декабрь 2013 открыто три новых торговых центра – «Галерея Вояж», «Кристалл» – первый сотысячник, то есть обладатель больше 100 тыс. кв. м торговых и развлекательных площадей, «Магеллан», это в дополнение к уже имеющимся 27 крупным объектам ТРЦ, включающим, помимо торговых площадей кинозалы, футкорты, детские досуговые активности. Таким образом, глобализированный рынок, интересы транснациональных компаний, коммуникатив-

ные технологии продвигают новые досуговые формы, связанные, в первую очередь, с потреблением, поэтому различным формам традиционного досуга приходится конкурировать в сложных условиях. Современные коммуникативные технологии способствуют одомашниванию досуга как популярной формы образа жизни.

Библиографический список

1. *Бодрийяр, Ж.* Общество потребления [Текст] / Ж. Бодрийяр // *La société de consommation: ses mythes et ses structures*. – М.: Республика, 2006.
2. *Василенко, Л. А.* Современная семья в контексте трансформации семейных ценностей [Текст] / Л. А. Василенко // «Вестник Мордовского университета. Серия «Гуманитарные науки». Специальный выпуск Саранск, 2010.
3. *Вебер, М.* Протестантская этика и дух капитализма [Текст] / М. Вебер. – М.: Ист-Вью, 2002.
4. *Веблен, Т.* Теория праздного класса [Текст] / Т. Веблен. – М.: Прогресс, 1984.
5. *Галактионова, Н. А.* Традиционные трудовые и досуговые практики в сознании современного студенчества [Текст] / Н. А. Галактионова // *Высшее образование сегодня*. – 2012. – № 3.
6. *Кузьмина, Т. В.* Роль культуры потребления в истории развития культуры [Текст] / Т. В. Кузьмина // *Вузовская наука: теоретико-методологические проблемы подготовки специалистов в области экономики, менеджмента и права материалы Международного научного семинара*. 2015.
7. *Лаурен, А.-Л.* У них что-то с головой у этих русских [Текст] / А.-Л. Лаурен. – М.: ИД «Флюид», 2011.
8. *Лосский, Н. О.* Характер русского народа [Текст] / Н. О. Лосский. – Франкфурт-на Майне, 1957.
9. *Неклепаев, И. Я.* Поверья и обычаи Сургутского края [Текст] / И. Я. Неклепаев. – Тюмень: МандрикА, 1997.
10. Одним из лидеров по числу открывшихся ТЦ в России стала Тюмень [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tyumen.rusplt.ru/index/odnim-iz-liderov-po-chislu-otkryivshih-sya-tts-v-rossii-stala-tyumen-269718.html> (Дата обращения 10.04.2016)
11. *Трофимова, И.* Тобольский театр-теремок будет восстановлен [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tobolsk.info/2016/33091-tobolskij-teatr-teremok-budet-vosstanovlen> (Дата обращения 12.04. 2016)

УДК 316.7
ББК 60.59

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ И МЕЖРЕЛИГИОЗНЫХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ В ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Е. О. Беликова

Аннотация. В данной статье анализируются вопросы построения стратегии развития национальных и религиозных отношений в современном российском регионе (на примере Волгоградской области). Рассматриваются уровни взаимодействия органов власти и управления с некоммерческими организациями, законодательные акты в этой сфере, предлагаются меры для создания стратегии развития отношений в полиэтничном и пограничном регионе.

Ключевые слова: стратегия, межнациональное взаимодействие, религиозное взаимодействие, толерантность.

INTERNATIONAL DEVELOPMENT STRATEGY AND INTER-RELIGIOUS RELATIONS IN THE VOLGOGRAD REGION

E. O. Belikova

Abstract. This article analyzes the issues of the development of the strategy of national and religious relations in modern Russian region (based on the example of Volgograd region). The levels of interaction between the authorities and management with Non-Profit Organizations, legislation in this area are analyzed, the measures to create the strategy of the development of relations in multiethnic and border region are proposed.

Keywords: strategy, international cooperation, interaction of religious tolerance.

В современном обществе проблеме гармонизации межнациональных и межрелигиозных отводится особое место. Эта сфера общественных отношений представляется важным направлением государственной политики РФ. 19 декабря 2012 г. Указом Президента РФ была утверждена Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года [3]. Этот документ стал основой для выработки политики региональной власти в области национальных и религиозных отношений.

На современном этапе Волгоградская область продолжает оставаться поликультурной и многонациональным пограничным регионом. На территории Волгоградской области сегодня проживают граждане 100 наций и народностей, в том числе 23-х наиболее многочисленных – русские, украинцы, казахи, немцы, татары, белорусы, чеченцы, ингуши, чуваша, марийцы, азербайджанцы, грузины, армяне, цыгане, мордва, представители народов Дагестана, корейцы, поляки, таджики, узбеки, башкиры, евреи, калмыки. По данным Волгоградстата на территории Волгоградской области (по данным на 1 января 2015 г.) зарегистрировано 420 религиозные орга-

низации 22 различных деноминаций, 32 народно-национальные общины и диаспоры [4].

Межрелигиозные и межнациональные отношения рассматриваются на двух уровнях: 1) институциональный, 2) межгрупповой, межличностный. Сложность изучения такого рода взаимоотношений состоит и в том, что кроме официальной юридической законодательной базы, они строятся на социальных концепциях и программах, принятых догматах и установках религиозных организаций и национальных общин.

Основой для устойчивого согласия и гармонизации межэтнических отношений в полиэтничной Волгоградской области является последовательная государственная и региональная национальная политика, направленная на обеспечение равных прав и свобод граждан независимо от их расовой, национальной принадлежности и вероисповедания, формирование установок толерантного сознания, учитывающих общественные интересы всех жителей Волгоградской области, проводимая на двух уровнях институционального взаимодействия. Первый уровень – взаимодействие органов власти и самоуправления с национальными и религиозными организациями. Второй – создание благоприятных усло-

вий для установления межнационального и межрелигиозного диалога в регионе. Ведущими внешними факторами, определяющими религиозную ситуацию, являются правовое решение религиозного вопроса, политика государства, региональных и местных органов власти в этой сфере, состояние государственно-конфессиональных отношений, состояние общественного мнения о религии и деятельности религиозных организаций, позиции средств массовой информации, состояние межнациональных отношений, законы и правительственные акты, политико-экономические условия жизнедеятельности, уровень жизни, деятельность различных организаций. Более опосредованное, но тем не менее существенное влияние на религиозную ситуацию оказывает общая социально-экономическая и общественно-политическая ситуация в стране и регионе, деятельность политических партий и общественных движений.

Внешние факторы – это факторы воздействия на религиозную ситуацию извне. В свою очередь внешние факторы могут быть как нерелигиозными (правовыми, политическими, социальными, культурными, историческими), так и религиозными (миссионерство религиозных организаций, ранее не представленных в регионе, деятельность иностранных проповедников и миссионеров, религиозная печатная, теле- и радиопропаганда из-за рубежа, акции зарубежных и международных конфессиональных центров, направленные на Россию или её конкретный регион и т. п.). Ведущими внешними факторами, определяющими религиозную ситуацию, являются правовое решение религиозного вопроса, политика государства, региональных и местных органов власти в этой сфере, состояние государственно-конфессиональных отношений, состояние общественного мнения о религии и деятельности религиозных организаций, позиции средств массовой информации, состояние межнациональных отношений, законы и правительственные акты, политико-экономические условия жизнедеятельности, уровень жизни, деятельность различных организаций. Более опосредованное, но тем не менее существенное влияние на религиозную ситуацию оказывает общая социально-экономическая и общественно-политическая ситуация в стране и регионе, деятельность политических партий и общественных движений. Ведущими внешними факторами, определяющими религиозную ситуацию, являются правовое решение религиозного вопроса, политика государства, региональных и местных органов власти в этой сфере, состояние государ-

ственно-конфессиональных отношений, состояние общественного мнения о религии и деятельности религиозных организаций, позиции средств массовой информации, состояние межнациональных отношений, законы и правительственные акты, политико-экономические условия жизнедеятельности, уровень жизни, деятельность различных организаций. Более опосредованное, но тем не менее существенное влияние на религиозную ситуацию оказывает общая социально-экономическая и общественно-политическая ситуация в стране и регионе, деятельность политических партий и общественных движений. Ведущим фактором, определяющими данную ситуацию, является правовое решение национального и религиозного вопросов, политика государства, региональных и местных органов власти в этой сфере, состояние общественного мнения о деятельности некоммерческих организаций, позиции средств массовой информации, состояние межнациональных отношений, законы и правительственные акты, политико-экономические условия жизнедеятельности, уровень жизни, деятельность различных организаций.

С 2001 года в регионе принят ряд законодательных актов регионального уровня, регулирующих действия национальных общин и организаций касающихся вопросов национальной безопасности и противодействия национальному и религиозному экстремизму [1]. Новый формат взаимоотношений органов государственной власти и институтов гражданского общества Волгоградской области, в частности национальных общественных организаций, нашел отражение и в работе общественных структур: Общественная палата Волгоградской области, Консультативный совет по национальной политике [2]. Так, при Общественной палате Волгоградской области работает экспертная группа по межнациональным, межконфессиональным отношениям и трудовой миграции, в состав которой входят как представители политических партий, национальных и религиозных организаций, так и ученые, представители СМИ региона. В практике работы этих структур – создание важнейшей площадки для диалога органов исполнительной власти Волгоградской области, органов местного самоуправления, НКО региона.

Привлечение представителей национальных общественных организаций к работе с органами власти всех уровней – это шаг в использовании национальных общественных организаций в сохранении межнациональной и межрелигиозной стабильности в полиэтническом регионе.

Они напрямую работают с конкретными социальными группами и национальными диаспорами, знают их интересы и проблемы, лучше понимают перспективы и пути решения вопросов общественно-политической, культурной, социально-экономической жизни общества. Особенно ценным является, на наш взгляд, поддержание недавно наметившейся тенденции к повышению позитивной активности институтов гражданского общества на местном уровне, ведь именно здесь наблюдаются главные тенденции развития этно-религиозных взаимоотношений.

Региональные национальные и религиозные организации проводят совместную работу в социальных проектах региона. Активно в становление стабильных толерантных межнациональных отношений в Волгоградском регионе влияет общественная организация «Дом Дружбы». Это инициативная группа, в состав которой входят представители почти всех национальностей, проживающих в Волгоградском регионе. «Дом Дружбы» является консолидирующим звеном полиэтнической среды региона, которое способствует развитию межнациональных отношений в русле формирования гражданской идентичности. Возможности влияния на социально-политические процессы региона проявляются через вещания радио и журнала «Дом дружбы».

Для более успешной реализации стратегии устойчивого гармоничного развития межкультурных и межнациональных взаимоотношений на территории региона необходима разработка комплексной региональной программы национально-культурного развития и межнационального сотрудничества НКО Волгоградской области. Программа должна согласовываться с федеральными программами по социально-экономическому и культурному развитию Волгоградской области. Отдельным разделом программы необходимо отразить использование средств массовой информации. В качестве направлений развития могут служить следующие меры:

1. Для успешного взаимодействия на региональном уровне с национальными и религиозными организациями представителям органов власти и местного самоуправления, правоохранительным органам необходимо владеть знаниями, навыками в сфере регулирования межэтнических и межрелигиозных взаимоотношений на основе комплексных знаний. С этой целью представляется необходимым привлечение специалистов данной области к работе как на уровне экспертных и консультационных советов, так и создание и функционирование в структуре самих

органов власти и управления региона подразделений, отвечающих за сферу межнациональных и межрелигиозных отношений. А также, при взаимодействии с учеными и практиками, организация специальных программ обучения, направленных на подготовку и переподготовку кадров владеющих специальными знаниями и умениями в области регулирования межэтнических и межрелигиозных процессов.

2. Для поддержки межкультурной ситуации в Волгоградской области и популяризации идей толерантности необходимо проведение культурно-массовых, воспитательных, образовательных программ для молодежи, широкое освещение такого рода мероприятий в СМИ.

3. Ужесточение административных и политических мер пресечения не только за экстремистскую деятельность, но и за пренебрежение мерами по ее предупреждению и профилактики, контроля со стороны местных органов власти и самоуправления в местах компактного расселения землячеств и диаспор.

4. Проведение регулярного мониторинга общественного мнения по вопросам межнационального и межрелигиозного взаимодействия на территории Волгоградской области с целью изучения уровня толерантности, терпимости и отношения к экстремистской деятельности.

Данные меры призваны поддержать стабильность в сфере национальных и религиозных отношений на территории Волгоградской области. Механизм решения вопросов толерантность должен вырабатываться комплексно, не нанося ущерб интересам национальной безопасности.

Библиографический список

1. Взаимодействие органов государственной власти, местного самоуправления и объединений национальных меньшинств // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.indem.ru/Ceprs/Minorities/Volgo/Volgo10.htm> (Дата обращения: 01.02.2016)
2. Закон Волгоградской области «Об Общественной палате Волгоградской области» от 14.03.2008 № 1647-ОД // Волгоградская правда. – 2008. – № 52. 26 марта.
3. «Об обеспечении межнационального согласия». – Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 602 // Российская газета. 2012. 9 мая.
4. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Волгоградской области/ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://volgastat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/volgastat/ru/statistics/government/ (дата обращения: 01.02.2016)

УДК 331.101.3:316.346.2-055.2 (470.45)
ББК 60.561.23(2Рос-4Вор)+60.542.21

МОТИВАЦИЯ ТРУДА ЖЕНЩИНЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Е. В. Ковшикова, А. А. Александрова

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются особенности мотивации труда российских женщин, оказывающие непосредственное влияние на выбор их места работы и занятие определенным видом деятельности. Кроме того, проанализированы основные составляющие системы мотивации труда женщин, осуществляющих профессиональную трудовую деятельность на предприятиях (организациях) г. Волгограда и выработаны возможные пути формирования системы мотивации и стимулирования персонала с учетом гендерных особенностей.

Ключевые слова: мотивация труда, гендерные особенности, женщина, мотивация женщины.

WOMEN'S LABOR MOTIVATION IN MODERN RUSSIA: THE REGIONAL DIMENSION

E. V. Kovshikova, A. A. Aleksandrova

Abstract. This article explores the labor motivation features of Russian women that have a direct influence on the choice of their place of work and certain activities. In addition, we analyzed the main components of women's labor motivation, engaged professional labor activities at the enterprises (organizations) of Volgograd, and developed any ways of forming the system of motivation and incentives for staff considering gender peculiarities.

Keywords: labor motivation, gender-specific, woman, female motivation.

За последние полвека в связи с демографическими изменениями современного мира увеличилось число работающих женщин, а также женщин-профессионалов. Всероссийские статистические исследования настоящего времени убедительно демонстрируют тенденции увеличения количества работающих женщин в общем числе трудоспособного населения.

Сегодня женщины представляют собой не только преобладающую часть жителей нашей страны, но и более чем половину всех ее трудовых ресурсов, так как в возрастной структуре женское население начинает преобладать уже с 35 лет. Кроме того, удельный вес работающих женщин крайне высок в таких сферах деятельности, как торговля и общественное питание, здравоохранение и социальное обслуживание, народное образование и сфера культуры, а также легкая промышленность. Отечественные исследования И. Калабихиной показывают, что профессиональная реализация женщин в сфере здравоохранения и социального обеспечения в России составляет 83 %, в торговле и общественном питании 82 %, в системе образования 79 % от общего числа занятых [5].

Таким образом, благодаря прохождению

женщиной своего исторически обусловленного пути к труду, современное общество поощряет женщин в их стремлении учиться и работать наравне с мужчинами, постепенно осваивать все большее количество профессий, а также занимать все более ответственные должности. Какими факторами обусловлен их выбор сферы деятельности и места работы, попробуем разобраться в рамках данной статьи. Кроме того, мы проанализируем специфику мотивации труда женщин, работающих на предприятиях (в организациях) г. Волгограда.

Ни для кого не секрет, что как работники женщины во многом отличаются от мужчин. Мотивация их трудового поведения определяется особыми группами факторов. Для того чтобы разобраться в данном вопросе, необходимо обратиться для начала к самому понятию трудовой мотивации. Мотивация – это совокупность внутренних и внешних движущих сил, которые побуждают человека к деятельности, задают границы и формы деятельности и придают этой деятельности направленность, ориентированную на достижение определенных целей [1, с. 145].

Существует целый комплекс мотивов к

туду, которые могут быть определены как экономические, политические, организационные, психологические, социальные, побуждающие людей к тем действиям, результаты которых способны удовлетворить их запросы и потребности. Дискутируется вопрос о различиях между мотивами мужчин и женщин. В чем разница гендерных мотиваторов – вопрос дискуссионный. Тем не менее, все исследования в данной области подтверждают факт того, что мотивация трудовой деятельности женщины имеет свои особенности.

Одной из таких особенностей является мотивация выбора места работы. Распространенным является мнение о том, что для женщин наиболее важными являются духовные ценности, которыми они руководствуются в первую очередь при выборе места работы. Однако нельзя не отметить тот факт, что в настоящее время в связи с возрастающей самостоятельностью женщины и увеличением количества присущих ей социальных ролей решающее влияние на мотивацию женщин оказывают и материальные ценности, а духовные становятся менее выраженными. В то же время, по-прежнему среди основных доминирующих ценностей женщины сохраняются здоровье, дружба и семейная жизнь.

Второй особенностью мотивации труда женщины является характер исполняемой работы. Сложилось стереотипное мнение, что в основном, женщины любят работать с тем, что им хорошо знакомо и понятно. А что касается направленности на успех или неудачу, то у женщин мотивация избегания неудач встречается чаще, чем у мужчин, которые нацелены больше на достижение успеха. Иными словами, при выполнении определенной работы женщины стремятся избежать ошибок и неудач, нежели выполнить работу успешно.

Однако, в исследовании А. И. Винокурова (1996) утверждается, что женщины обладают в равной степени как мотивом избегания неудач, так и мотивом успеха. Сегодняшние исследователи приходят к выводу, что преобладание данного мотива может зависеть от возраста женщины. Например, девушки в большей степени руководствуются мотивом социального успеха при выполнении работы, а у взрослых женщин наоборот намного чаще наблюдается преобладание мотива избегания неудачи по отношению к мотиву надежды на социальный успех.

Что касается мотива развития карьеры, то у современных женщин стремление построить карьеру и добиться успеха в своей профессиональной деятельности не меньше, чем у мужчин. Од-

нако иногда влияние гендерных стереотипов снижает самооценку женщин, из-за чего они перестают активно стремиться к продвижению по карьерной лестнице, оставляя это для мужчин. Также женщины чаще стремятся сначала завести семью, а уже потом строить карьеру, однако есть женщины, для которых карьера является приоритетом в жизни и они стремятся реализовать себя в карьере в той же степени, что и мужчины.

В то же время, если рассматривать региональный аспект мотивации труда российских женщин, исследования показали, что в Волгограде, как правило, для женщин построить карьеру и добиться успехов в профессиональной деятельности не сильно значимо. За основу было взято эмпирическое исследование К. А. Поповой, которая изучила факторы мотивации труда специалистов, осуществляющих свою профессиональную деятельность на предприятиях г. Волгограда, в зависимости от их гендерной принадлежности. Используемый метод – анкетный опрос, проводимый методом «снежного кома», в котором принимали участие 97 респондентов (52 женщины и 45 мужчин, в возрасте до 30 лет). Результаты анкетирования показали, что наиболее значимым фактором, побуждающим женщин к активной трудовой деятельности, является заработная плата, премии и бонусы (41 чел. – 78,8 %), следующей по значимости идет потребность в безопасности (34 чел. – 65,4 %), которая в трудовых отношениях реализуется посредством наличия официального трудоустройства, социального пакета и благоприятных условий труда [6].

Так как женщинам свойственно распространять семейные отношения на рабочее место, то принципиальное значение для них имеет и социально-психологический климат в коллективе (31 чел. – 59,6 %), а потребности в самоактуализации (саморазвитии) и во власти для них менее значимы по сравнению с остальными (29 чел. – 55,8 %) [6].

Из полученных данных можно сделать вывод, что для женщины в качестве наиболее значимых потребностей являются физиологические потребности, в то время, как потребности более высоких уровней (потребность в уважении и признании, потребность в самовыражении) не так актуальны. В профессиональной деятельности физиологические потребности приобретают форму потребностей в заработной плате, премиях и бонусах. Женщины, как правило, стремятся к официальному трудоустройству с соответствующим пакетом социальных гарантий и возможностью защиты своих прав, гарантированных ТК РФ. Кроме того, они гораздо больше,

чем мужчины, нуждаются в социальном взаимодействии, в общении с коллегами и благоприятном психологическом климате в коллективе.

Таким образом, при построении системы мотивации и стимулирования важно учитывать гендерные особенности персонала организации, так как мужчины и женщины по разному относятся к рабочему процессу, а, следовательно, мотивирующие факторы у них различаются.

Главной особенностью мотивации труда женщины являются приоритетность таких ценностей, как дом, семья, личная жизнь и т. д. Поэтому для женщин программа мотивации и стимулирования трудовой деятельности должна быть ориентирована на семью, безопасность, уверенность в завтрашнем дне и материальную обеспеченность. Ведь женщины более чувствительны к условиям труда (в том числе к взаимоотношениям в коллективе).

Также при разработке программы мотивации для сотрудников – женщин необходимо учитывать и региональные особенности: виды рабочих мест, традиционные для данного региона, систему общественного транспорта в регионе, уровень «семейной» инфраструктуры поблизости от мест работы (дошкольные образовательные учреждения, школы, спорткомплексы, учреждения дополнительного образования, магазины и т.п.), наконец, традиционный национальный колорит региона и вытекающие из него культурные особенности.

Для российских компаний учет этих факторов вполне возможен благодаря национальному менталитету с традиционным уважением к женщине – матери, труженице, продолжательнице рода.

Библиографический список

1. *Виханский, О. С.* Менеджмент [Текст] / О. С. Виханский, А. Н. Наумов. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Экономист, 2006.
2. *Сысолятин, А. В.* Понятия и принципы формирования мотивационного механизма [Текст] / А. В. Сысолятин // Проблемы современной науки и образования. – 2015. – № 4 (34).
3. *Енина, Е. А.* Гендерные особенности персонала как фактор развития мотивации труда / Е. А. Енина // Экономика и менеджмент инновационных технологий. – 2012. – № 5. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ekonomika.snauka.ru/2012/05/968> (дата обращения: 12.11.2015).
4. *Мансурова, А. Ф.* Гендерная мотивация персонала / А.Ф. Мансурова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ncfu.ru/uploads/doc/mansurova_af1.pdf (дата обращения: 07.11.2015)
5. *Мусатова, О. А.* Профессиональная мотивация современных женщин / О. А. Мусатова // Современная психология. – 2015. – № 1. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://modernpsy.org/ru/2015/1/2> (дата обращения: 07.03.2016).
6. *Попова, К. А.* Анализ системы потребностей молодых специалистов, работающих на предприятиях г. Волгограда / К. А. Попова // Проблемы современной науки и образования. – 2015. – № 6 (36) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/analiz-sistemy-potrebnoyey-molodyh-spetsialistov-rabotayuschih-na-predpriyatiyah-g-volgograda> (дата обращения: 07.03.2016).

УДК 32.019.51
ББК 76.032

ПРОБЛЕМА ОПТИМИЗАЦИИ СИСТЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СМИ И РЕГИОНАЛЬНЫХ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Д. В. Семикин, Ю. Г. Семикина

Аннотация. В статье рассматривается проблема оптимизации системы взаимодействия СМИ и региональных органов государственного управления. В информационном обществе СМИ являются средством, способствующим формированию общественного мнения и социально-политических ценностей.

По мнению авторов статьи, применение управленческих мероприятий, направленных на разрешение противоречий между органами государственной власти и СМИ, приведёт к совершенствованию сложившегося гражданского общества и будет способствовать оптимизации системы взаимодействия государственных органов власти и СМИ. Необходимо разрабатывать инновационные подходы к управлению социально-экономическими процессами в регионе посредством информационного развития.

Ключевые слова: СМИ, общественное мнение, органы государственной власти, информационное общество, правящие элиты, массовая коммуникация, государственная идеология.

THE PROBLEM OF OPTIMIZATION OF INTERACTION BETWEEN MEDIA AND REGIONAL BODIES OF STATE ADMINISTRATION

D. V. Semikin, Y. G. Semikina

Abstract. The article is devoted to the problem of optimization of interaction between media and regional bodies of state administration. In the information-oriented society media are a means of contributing to the formation of public opinion and socio-political values.

The authors of the article consider that application of the proposed management measures aimed at adjusting differences between public authorities and media, will help to improve civil society and contribute to optimize the system of public authorities and media interaction. It is necessary to develop innovative approaches to the management of socio-economic processes in the region taking into consideration information development.

Keywords: media sources, public opinion, public authorities, information society, ruling elites, mass communication, state ideology.

В последние годы все чаще возникает необходимость применять управленческие мероприятия, направленные на решение сложившихся противоречий между органами государственной власти и СМИ. Использование управленческих мероприятий приведёт к совершенствованию сложившегося гражданского общества и будет способствовать оптимизации системы взаимодействия государственных органов власти и СМИ. Необходимо также разрабатывать инновационные подходы к управлению социально-экономическими процессами в регионах посредством информационного развития. Повышение уровня медийности государственных органов управления будет способствовать решению многих социальных проблем. Эффективность госу-

дарственного управления может повыситься благодаря грамотному использованию информационных технологий.

Коммуникационные процессы оказывают значительное влияние на общественное сознание. Особую роль в политической жизни страны (и каждого региона) играет массовая коммуникация. В информационном обществе СМИ являются не только средством доставки информационных сообщений населению, но и самостоятельным фактором, способствующим формированию общественного мнения и социально-политических ценностей. СМИ также выполняют функцию регулирования массовых настроений: массмедиа способствуют расширению социального опыта граждан и его сопоставлению с ши-

роким контекстом общественного опыта.

Большинство СМИ в информационном обществе, несмотря на декларируемую ими независимость, являются основным инструментом формирования общественного мнения при решении политических, экономических, идеологических и других задач правящих элит государств.

В современном информационном обществе характер взаимоотношений власти и средств массовой информации оказывает влияние на направленность и глубину социальных процессов, определяет качество социальных связей. Современные СМИ зачастую отражают государственную идеологию и содействуют формированию общественного сознания [1, с. 85].

Массмедиа способствуют формированию у членов общества представлений о политической реальности, более того, они участвуют в построении самой политической реальности. Политические и руководящие элиты используют СМИ в качестве канала коммуникации, через который они тиражируют в массовое сознание ценности и политические представления. Такое воздействие на воспринимающую аудиторию возможно только в том случае, если информация, передаваемая СМИ, воспринимается как достоверная и соответствующая стереотипам массового сознания. Для того чтобы получить значимые результаты от воздействия СМИ на воспринимающую аудиторию, необходимо знать глубинные психологические механизмы влияния массовой коммуникации на подсознание, сознание и поведение людей.

В современном информационном мире устойчивость государства и его регионов во многом зиждется на качестве доведения информации до общества. Очевидно, что эффективность взаимодействия органов исполнительной власти и средств массовой информации на региональном уровне является одним из основных условий успешной реализации государственной информационной политики как ключевого фактора оптимизации государственного управления при трансформации Российской Федерации в современное открытое информационное общество.

К системе управления взаимодействием государственных органов и СМИ можно отнести такие компоненты, как Интернет, пресс-службы, телевидение, радио, печать и другие механизмы, которые вырабатывают, а затем и распространяют информацию. Изучение медийного поля в Волгоградском регионе показало, что на радио и телевидении существуют программы, в которых представлен обзор прессы. Большая часть СМИ выступает как неофициальный орган власти, вы-

полняющий важные политические функции, такие как: информационная, образовательная, критики и контроля, формирования массового сознания (общественного мнения), формирование стереотипов поведения, приветствуемого в том или ином обществе, и другие. «Отличительной чертой СМИ как политического института является то, что они помогают гражданам приобрести новые знания и разобраться в политических процессах» [3, с. 337].

Представители региональной исполнительной власти создают свой механизм для влияния на общественное сознание в ответ на «желание большинства граждан узнать причины изменений всех сфер жизни как в стране, так и в регионе, городе» [3, с. 339]. Таким образом происходит внедрение в массовое сознание демократических норм и формирование гражданского общества.

Таким политическим инструментом стали «пресс-службы, благодаря которым, взаимодействие власти и СМИ стало носить официальный и упорядоченный характер. Пресс-службы помогают органам власти повысить свою репутацию и проинформировать масс-медиа о своей деятельности. Также пресс-служба выступает фактором оптимизации взаимоотношений между властью и СМИ» [4, с. 55].

Региональные органы исполнительной власти в Волгоградском регионе строят медиаполитику через механизмы, стратегии и тактики взаимодействий с масс-медиа, исходя из понимания «СМИ как канала информации, из целей которые преследуют власти» [3, с. 333]. По существу, целью медийной кампании органов исполнительной власти региона является создание медийных текстов с интерпретациями общественных ситуаций, которые должны были бы формировать, а затем и развивать положительное мнение социума о деятельности органов исполнительной власти.

Сложившиеся отношения между общественным, политическим и медийным полями позволяют утверждать, что медийное и общественное поля Волгоградского региона зависимы от политического поля, то есть медиаполитики органов государственной власти [5, с. 130].

Изучение сложившейся ситуации показало, что зачастую взаимодействие органов государственной власти и СМИ носит не вполне упорядоченный характер, поскольку органы власти, функционируя по установленному регламенту, усложняют процесс работы региональных средств массовой информации. В Волгоградском регионе уровень управленческого влияния на

работу СМИ очень высокий. Благодаря развитию коммуникационно-общественных процессов одним из главных механизмов государственного управления становится информация. Поэтому органы власти заинтересованы вовремя и в полном объеме информировать общественность о своей деятельности [2, с. 406].

Государственные органы власти пытаются влиять на деятельность и организационную структуру медийного предприятия, информационную политику, процесс аккредитации журналистов и так далее. Административные методы регулирования осуществляются органами исполнительной власти Волгоградского региона путем влияния на деятельность и руководство медийной структуры и тем самым способствуют формированию информационной политики. Это подтверждается наличием региональных СМИ, учредителями которых являются органы государственной власти (в целом такой опыт можно оценить как положительный, при условии их конкуренции с независимыми СМИ, работающими на том же информационном поле).

Экономические рычаги контроля проявляются в финансовой поддержке отдельных СМИ для оказания влияния на содержание публикуемых или передаваемых материалов и создания псевдо конкуренции на информационном рынке. Добавим к этому, что коммуникативное взаимодействие между органами государственной власти Волгоградского региона и журналистами характеризуется высоким уровнем зависимости СМИ. Можно констатировать, что для Волгоградского региона типична модель, в которой существует контроль власти над основными региональными информационными ресурсами.

У региональных органов государственной власти возникают сложности во взаимоотношениях с общественностью и СМИ. Возникновение сложностей происходит по следующим причинам: из-за желания власти навязать свою линию поведения и проконтролировать все сферы информационных потоков, из-за сбоев в работе пресс-служб, зачастую по причине нежелания представителей органов исполнительной власти идти на контакт со СМИ. Таким образом ущемляются права журналистов относительно доступа к информации вне сфер, регулируемых законодательством.

Очевидно, что в современных условиях СМИ особенно сильно подвержены влиянию политических, экономических, социокультурных ситуаций, происходящих в мире, стране и в регионе в частности [7, с. 7]. Большинство средств массовой информации являются ангажирован-

ными, то есть находятся на службе политических региональных элит и становятся инструментом для создания политических образов.

Очевидно, что в процессе взаимодействия органов государственной власти со СМИ как на уровне Федерации, так и на уровне региона возникает целый комплекс проблем, решение которых позволит оптимизировать систему взаимодействия государства, общества и СМИ. Оптимизация возможна, если на региональном уровне предпринять следующие меры:

1) повысить доступность органов государственной власти Волгоградского региона для СМИ, например, введя институт пресс-секретаря (по аналогии с МИД России);

2) на базе общественной палаты (или «Народного фронта») создать механизм, направленный на досудебное рассмотрение информационных споров, что способствовало бы сокращению количества нарушений и судебных разбирательств в сфере СМИ, а также в сфере взаимодействия органов государственной власти и средств массовой информации;

3) повысить уровень объективности предоставляемой информации путем создания независимых СМИ;

4) рассмотреть вопрос создания регионального информационного кластера, в котором элементы информационного поля, начиная с блогеров и заканчивая крупными медийными структурами, будут дополнять друг друга, находясь в конкурентной среде (создание кластеров требует углубленной проработки научных подходов к этому явлению в рамках устойчивого динамического развития региона и новой концепции конкурентоспособности) [6, с. 149].

Применение предлагаемых управленческих мероприятий, направленных на решение сложившихся противоречий органов государственной власти со СМИ в Волгоградском регионе, приведёт к совершенствованию сложившегося гражданского общества и будет способствовать оптимизации системы взаимодействия государственных органов власти и СМИ. Необходимо разрабатывать инновационные подходы к управлению социально-экономическими процессами в регионе посредством информационного развития.

Библиографический список

1. Демушина, О. Н. Манипулятивный потенциал СМИ [Текст] / О. Н. Демушина, Ю. Г. Семикина, Д. В. Семикин // Научный вестник Волгоградского филиала РАНХиГС. Серия: Политология и социология. – 2015. – № 3.

2. Пенькова, Е. В. Проблемы взаимодействия властных структур и российских медиа-предприятий, пути решения данных проблем [Текст] / Е. В. Пенькова // Казанская наука. – 2010. – № 8.

3. Пугачев, В. П. Введение в политологию [Текст] / В. П. Пугачев, А. И. Соловьев. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2007. – 477 с.

4. Русаков, А. Ю. Связи с общественностью в органах государственной власти [Текст]: учеб. пособие / А. Ю. Русаков. – СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 2006. – 224 с.

5. Семикина, Ю. Г. Феномен «государственного отцовства» в современной женской

прозе [Текст] / Ю. Г. Семикина // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2013. – № 1 (76).

6. Семикин, Д. В. Некоторые аспекты повышения конкурентоспособности региона посредством реализации инновационной модели развития [Текст] / Д. В. Семикин // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. – 2012. – № 4 (21).

7. Семикин, Д. В. Геоэкономический подход к обеспечению устойчивого развития регионов в России [Текст] / Д. В. Семикин // Научный вестник Волгоградского филиала РАНХиГС. Серия: Экономика. – 2013. – № 2 (10).

УДК 316.6; 574
ББК 20.1

РЕЦЕНЗИЯ НА СБОРНИК «РУКОВОДСТВО ПО ИЗУЧЕНИЮ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ. ЭКОЛОГИЧЕСКИ И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ». – М., 2015

О. А. Усачева

REVIEW OF THE "HANDBOOK OF THE URBAN ENVIRONMENT STUDY. ENVIRONMENTAL AND SOCIO-PSYCHOLOGICAL ASPECTS". – M., 2015

O. A. Usacheva

С 2000 г. более половины жителей земли – горожане, в связи с этим городская среда стала основной в жизни человека на планете. Россия, стремительно прошедшая через процесс урбанизации в XX в., не является исключением. Сегодня 75 % россиян живут в городах, постоянно подверженных природным и техногенным рискам. Этот факт стал стимулом для множества исследований гигиенистов, социальных работников, художников, проектировщиков и архитекторов, экологов и почвоведов, социологов, экономистов и психологов, и дал основание для составления рекомендаций по минимизации этих рисков и устройству жизни в урбанистической среде с учетом потребностей человека.

Руководство, подготовленное группой сотрудников МГУ им. М. В. Ломоносова, содержит более ста методик и методических разработок по широкому кругу проблем исследования и оценки городской среды, многие из которых были разработаны и апробированы в уникальном для России проекте «Экополис». Создание Руководства потребовало многолетних поисков, упорядочи-

вания, стандартизации исследовательских концепций, научных подходов и методик. Кроме методик в сборник вошли обзорные работы по исследованиям урбанизации. Рассматриваемая работа будет полезна широкому междисциплинарному кругу исследователей: от биологов до социологов.

Руководство состоит из десяти глав, включающих обзоры биологических (флористических и геоботанических, физиологических и фитодиагностические и др.) (Глава 1) и зоологических методов изучения городской среды (Глава 2), методов исследования городских почв (Глава 3) и городских экосистем в целом (Глава 5), исследовательских модулей городской среды (Глава 4), методик интегрирования данных по городской среде, включая организацию информационного пространства о состоянии окружающей среды в городе, способы выявления ценных объектов природы в городе, экономические аспекты охраны животных и растений в городе (Глава 6), исследований экологического значения автодорог (Глава 7), состояния здоровья человека в го-

роде (Глава 8), психологических и социологических аспектов восприятия городской среды (Глава 9), состояния экологического образования в городе (Глава 10). Две последних главы особенно заинтересуют ученых-гуманитариев. Кроме того отдельно предложен перечень других методик с указанием авторов, их развивающих, и в качестве приложения – материалы докладов экспертов биологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова по программе «Экополис» за 2011–2015 гг.

Интересна история постановки и создания смысловой основы для этого руководства. Начиная с 80-х годов прошлого века, зарождения программы «Экополис» на базе наукограда Пущино и проведения масштабных междисциплинарных исследований, первых результатов, конференций и многочисленных публикаций руководители проявили редкое научно-организационное умение, объединив на одном полигоне, в одно и то же время многие десятки самостоятельно существующих научных направлений и подходов. Обобщение методического разнообразия выполнило первую задачу, собрав в одном научном источнике более ста описаний лабораторных, камеральных работ и примеров их применения.

В напутствии к пилотному выпуску Руководства биологи, географы, социологи, гигиенисты, почвоведы, экономисты высказали уверенность в скором расширении традиционного научного и учебного инструмента – разнообразных, но стандартизованных методик исследования городской среды, с учетом полученных ими более пятидесяти заявок на новые методики. В подготовке к выпуску Руководства приняли участие более 160 авторов из 67 НИИ и вузов трех стран. Накопленный опыт и масштаб проведенных исследований в области городской экологии, позволил поставить вопрос о существовании урбобиома¹ – самостоятельно выделяемого типа региона в биосфере. Урбобиомы объединяют высокоурбанизированные территории на всех континентах и имеют неотъемлемые функции, главная из которых – создание среды основной жизни для людей.

Основой для рассматриваемого сборника послужили Международные конференции по программе «Экополис» и семинары, проходившие на биологическом факультете МГУ. Общая научная редакция осуществлена проф. Д. Н. Кавтарадзе. Задача Руководства –

объединить отдельные методики изучения городской среды в группы по академическим дисциплинам и на их основе предложить блоки (комплексы), модули изучения города с целью мотивировать научное сообщество к исследованиям, а административные органы к принятию решений, объединив опыт специалистов различных вузов, НИИ, НПО, получивших широкую практику в последние 25 лет.

На примерах некоторых междисциплинарных исследований рассмотрим содержание Руководства.

Разработанные «на стыке» естественных и гуманитарных (экономических, юридических) дисциплин, методики представлены в статьях О. Е. Медведевой с соавт., О. А. Савватеевой с соавт., В. Н. Сидоренко. Организации информационного пространства в области городской экологии посвящены статьи Н. И. Зеленцовой и И. К. Невечери, В. А. Никулина, Ф. И. Хакимова, А. Г. Ганжи, Л. Я. Герцберг и Е. В. Будиловой. Методические подходы к интегральной оценке состояния городской среды – анализируют Н. М. Мингазова и Р. И. Замалетдинов, экологически ориентированные локальные стратегии развития – И. А. Халий, значение краеведения для изучения городской природы – Ю. А. Насимович. К практическим аспектам городской экологии имеет отношение и оригинальный метод получения биотоплива из городских отходов Н. М. Щегольковой.

Отдельным разделом в руководстве выделены статьи, посвященные экологическому значению автодорог. Они разнообразны: от методов учёта животных, погибших при движении автотранспорта (Е. Г. Королёва) до изменения природно-ресурсного потенциала региона под воздействием автомобильного транспорта (Ю. В. Трофименко), экономической оценки ущерба, причиняемого природе при строительстве автодорог (О. Е. Медведева с соавт.) и значения общественных слушаний при осуществлении автотранспортных проектов (И. Б. Курденкова).

Проблемы биоразнообразия в городской среде не могут быть увязаны с социальными аспектами без экологического просвещения. Эта ключевая область представлена в руководстве публикациями М. П. Шилова с соавт., С. В. Багоцкого, И. Н. Рыжова. В работе В. А. Волкова с соавт. представлен опыт комплексного геоэкологического мониторинга, проводимого силами школьников.

Медики, признавая значимость особенностей среды для показателей здоровья населения,

¹ Кавтарадзе Д. Н. Урбанизация биосферы. Проблемы окружающей среды и природных ресурсов. Обзорная информация, выпуск № 7. М., 2005. 37 с.

в большинстве случаев не занимаются конкретным изучением этих механизмов. В Руководстве этот пробел заполнен работами специалистов по математической статистике (А. П. Левич с соавт.), антропологов (М. А. Негашева), микробиологов (А. А. Троценко с соавт.), иммунологов (Н. Г. Арцимович), социологов (Ф. И. Ингель с соавт.). Оригинальную простую (доступную даже школьникам) методику оценки качества жилища с экологических позиций разработали А. В. Колосков и А. Ф. Гордова.

Наконец, психологические работы по восприятию городской среды жителями представлены публикациями Д. А. Леонтьева, Г. В. Аكوпова с соавт., П. Н. Виноградова с соавт., С. Р. Гариповой, С. Э. Габидуиной, А. Ю. Вырва. При этом анализируют как природный, так и ар-

хитектурный аспекты образа города в их взаимодействии. В заключение составители помещают в Руководстве методологическую статью ветерана программы «Экополис» О. Н. Яницкого, посвященную методическим аспектам анализа «зеленого движения» как социального явления, и оригинальную социологическую методику изучения использования пространства жителями Москвы, разработанную П. М. Степанцовым и К. Ю. Пузановым.

Коллектив составителей продолжает рассмотрение новых заявок на размещение методик в Руководстве (eco-urb@mail.ru) и прямо отвечает задаче устойчивого развития городов, поставленной последней сессией ООН (2015 г.): «города должны заботиться об окружающих их экосистемах».

ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ

HUMANITARIAN SCIENCE

УДК 004.8:101.8
ББК 87.256.615.2

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНАЯ (ОБРАЗНАЯ) ТЕОРИЯ ЯЗЫКА В «ЛОГИКО-ФИЛОСОФСКОМ ТРАКТАТЕ» Л. ВИТГЕНШТЕЙНА

Н. И. Стешенко, М. С. Литвинов

Аннотация. В статье рассматривается изобразительная теория языка с точки зрения общей теории отражения. Центральным понятием общей теории отображения является понятие «картина» («Das Bild»). «Мы создаем для себя картины фактов» [ЛФТ 2.1]; Изображение является картиной, если элементы изображения структурно совпадают с объектами факта. Центральное понятие есть понятие формы: форма изображения и форма действительности. «Всякая картина является и логической картиной. (Напротив, не всякая картина является, например, пространственной.) [ЛФТ 2.182]. Также рассматривается предложения языка как специфическая картина действительности.

Ключевые слова: изобразительная теория языка, изобразительная теория предложения, картина, форма изображения, форма действительности, предложение.

PICTORIAL THEORY OF LANGUAGE IN WITTEGENSTEIN'S TRACTATUS LOGICO-PHILOSOPHICUS

N. I. Steshenko, M. S. Litvinov

Abstract. The article describes the pictorial language theory in terms of a general theory of reflection. The central concept of the general theory of representation is the notion of "painting" ("Das Bild"). "We picture facts to ourselves" [TLP 2.1]. The representation is a picture if the elements of the picture are structurally congruent with objects of fact. The central concept is the notion of form: a form of representation and a form of reality. "Every picture is at the same time a logical one. (On the other hand, not every picture is, for example, a spatial one)" [TLP 2.182]. A language proposition as a specific picture of reality is also considered.

Keywords: the picture theory of the language, the picture theory of the proposition, painting, form of representation, a form of reality, the proposition.

В статье рассматривается изобразительная теория языка с точки зрения общей теории отражения. С этой же точки зрения рассматриваются и предложение. Мы не анализируем логические и семантические детали концепции предложения Витгенштейна: они многократно рассматривались в отечественной и мировой литературе.

Рукопись трактата была написана в 1916–1918 гг. и относится к раннему периоду творчества австрийского философа Л. Витгенштейна. Впервые была опубликована в 1921 г. в Герма-

нии на немецком языке, но осталась не замеченной специалистами. В 1922 г. была переведена на английский и издана в Лондоне параллельными немецко-английскими текстами. Отметим, что сама рукопись была озаглавлена Витгенштейном «Предложение» («Der Satz»). Название «Логико-философский трактат» придумал Дж. Мур (Tractatus Logico-philosophicus).

Далее, при ссылках и комментариях, мы будем иметь дело с Логико-философским трактатом Витгенштейна в переводе с немецкого

М. С. Козловой и Ю. А. Асеева [2].

Как известно трактат написан в виде кратких иерархически занумерованных утверждений, часто называемых афоризмами. Сами ссылки на Логико-философский трактат, – в случае его цитирования, – будем делать общепринятым в международной литературе способом: [ЛФТ номер афоризма], например [ЛФТ 3.41], т. е. *Логико-философский трактат* афоризм 3.41.

Имеется огромная по объему комментаторская и исследовательская литература по Трактату Витгенштейна. В этой литературе поразному интерпретировались основные идеи Трактата: от их полного признания, возможно с элементами полемики, до однозначно полемически неприемлемых толкований текста Трактата. Несмотря на эти крайние позиции в понимании текста Трактата имеется согласие относительно того, что обращение Витгенштейна к логико-философскому анализу языка, по меньшей мере, оправдано. Для этого, в качестве демонстрации, приведем две цитаты: одну – фон Вригта – ученика Витгенштейна, который высоко ценил Трактат и успешно разрабатывал некоторые идеи Витгенштейна в собственном творчестве, – и цитату из Густава Бергмана, который весьма критично относился не только к Логико-философскому трактату, но и ко всему философскому наследию Витгенштейна в целом.

Фон Вригт отмечал: «Трактат» Витгенштейна можно рассматривать как синтез теории «значения истинности» и идей о языке как образе реальности. Из этого синтеза рождается еще одна, третья по счету, основная идея книги - теория о том, что не может быть сказано, а может быть только показано» [3, с. 15].

Бергман Г. полагал, что основные положения Трактата, характеризуются следующими положениями: «(1) Не существует никаких философских утверждений. Те, что считают таковыми, не истинны и не ложны, но бессмысленны. (2) Увидеть эту бессмыслицу нам мешает язык. (3) Чтобы разрушить эту иллюзию... надо прямо обратиться к невыразимому, которое язык показывает, но не может высказать...(1) и (3) я отвергаю» [1, с. 311]. Таким образом, при характеристике Логико-философского трактата оба автора упоминают язык.

Сам Витгенштейн в предисловии к Трактату также уделял огромное внимание языку: «В книге обсуждаются философские проблемы и показано, как я надеюсь, что постановка этих проблем зиждется на непонимании логики нашего языка. Смысл книги в целом можно сформулировать приблизительно так: то, что вообще

может быть сказано, может быть сказано ясно, о том же, что сказать невозможно, следует молчать. Итак, замысел книги – провести границу мышления, или, скорее, не мышления, а выражения мысли ... Такая граница поэтому может быть проведена только в языке, а то, что лежит за ней, оказывается просто бессмыслицей» [2, с. 2].

Мы не будем обсуждать, какие философские проблемы имел в виду Витгенштейн, и что он понимает под мышлением. Здесь лишь отметим, что философские утверждения выражаются в повседневном языке, который существенным образом отличается от специализированных языков типа языка химии, физики, математики, логики и др.

Что же говорит о повседневном языке сам Витгенштейн? Ограничимся отдельными положениями, высказанными Витгенштейном в «Предисловии автора» к Трактату: «...повседневный язык – часть человеческого устройства, и он не менее сложен, чем это устройство. Люди не в состоянии непосредственно извлечь из него логику языка. Язык переодевает мысль. Причем настолько, что внешняя форма одежды не позволяет судить о форме облаченной в нее мысли ... Молчаливо принимаемые соглашения, служащие пониманию повседневного языка, чрезмерно сложные» [ЛФТ 4.002].

Приведем пример, частично демонстрирующий утверждение Витгенштейна – «Язык переодевает мысль». Рассмотрим два предложения повседневного языка: «Вася и Петя отличники» и «Вася и Петя соседи». Эти предложения неразличимы в терминах грамматических категорий (сложное подлежащее + сказуемое), но логическая структура мысли, выраженная первым и вторым предложением совершенно различные. Первое предложение с логической точки зрения есть конъюнкция (представляется в языке союзом и) двух суждений: «Вася есть отличник» и «Петя есть отличник». Витгенштейн в своем Трактате использовал и анализировал логическую символику Фреге, Рассела и Уайтхеда. Если бы мы записывали эти два суждения («Вася есть отличник» и «Петя есть отличник») в символах языка логики Фреге, Рассела и Уайтхеда, то они оказались бы конъюнкцией двух одноместных предикатов. Тогда как предложения «Вася и Петя соседи» есть не два суждения, а одно суждение, и при символизации оказываются реляционной формулой, т. е. двухместным предикатом. Иначе говоря, «...быть отличником» выражает свойство, а «...соседи...» – отношение.

Но тогда каким должен быть язык, чтобы

адекватно описывать реальность, если из повседневного языка «люди не в состоянии непосредственно извлечь ... логику языка».

Собственно, что такое язык в понимании Витгенштейна? «Целокупность предложений – язык» [ЛФТ 4.001]. Иначе говоря, язык состоит из предложений. Чтобы исследовать функции языка надо их изучить на уровне предложения. Напомним, что рукопись Трактата называлась «Предложение» («Der Satz»). Конечно язык и совокупность предложений языка – не одно и то же, но Витгенштейна интересует, прежде всего, природа предложения.

Исследователи Трактата неоднократно утверждали, что изучение особенностей предложения осуществляется Витгенштейном на основе общей теории отображения. И это достаточно устоявшаяся точка зрения. Так, Кюнг отмечает: «Свои взгляды на функции языка Витгенштейн разрабатывал в рамках предельно общей теории отображения...» [5, с. 80]. То же самое имеет в виду Кенни: «...Витгенштейн ищет объяснение природы предложение посредством общей теории отображения (general theory of representation)» [7, с. 44].

Центральным понятием общей теории отображения является понятие «картина» («Das Bild»). Поэтому в литературе, в которой анализируют Трактат, встречаются названия «Картинная (образная) теория языка (предложения)». Обсуждения этой общей теории отображения представлено в основном в афоризмах 2.1 – 2.225. «Мы создаем для себя картины фактов» [ЛФТ 2.1]; «Картина представляет определенную ситуацию в логическом пространстве, представляет существование и не-существование со-бытий» [ЛФТ 2.11]; «Картина – модель действительности» [ЛФТ 2.12].

Важно обратить внимание, что в этих афоризмах используются, введенные Витгенштейном в предшествующих афоризмах (мы их не рассматривали), онтологические понятия: факт (Tatsache), ситуация (Sachlage), со-бытие (Sachverhalt). Значение этих онтологических понятий связано с предложением. Предполагается, что сами предложения допускают логическую обработку, по меньшей мере, на основе языка логики высказываний и таблиц истинности, так как «картина представляет определенную ситуацию в логическом пространстве» [ЛФТ 2.11].

Факт – это то, что представлено (описано, о чем информируется) в сложном предложении (например, «На улице идет дождь и на улице холодно»), если оно истинно, то речь идет о комплексном факте. Напомним, что с грамматиче-

ской точки зрения сложные предложения строятся из простых при помощи некоторых сочинительных союзов. *Событие* – это то, что соответствует простому предложению («На улице идет дождь»), если оно истинно. *Ситуация* – положение вещей. Термин Sachverhalt (со-бытие) был переведен на русский язык в Логико-философском трактате 1958 г. издания как «атомарный факт». «Со-бытие – связь объектов (предметов, вещей)» [ЛФТ 2.01]. Объекты соответствуют именам в предложении. Например, в атомарном, т. е. простом предложении «Витя смотрит на Ваню» объекты обозначаются именами «Витя», «Ваня». Иначе говоря, объекты это люди, имеющие имя Витя и Ваня.

Заметим, что убедительного для всех исследователей Трактата описания онтологического значения терминов Tatsache, Sachlage, Sachverhalt в литературе нет. Детальные описания проблем в понимании значений этих и других терминов в Логико-философском трактате дано в примечаниях и комментариях [4]. Однако важно отметить, что эта онтология принимается Витгенштейном как для предложения, так и для общей теории отображения.

Предположим, что за столом сидят три человека в фиксированном пространственном порядке, на определенном расстоянии друг от друга, т.е. это некоторый факт. Мы можем создать различные изображения этого факта: нарисовать рисунок карандашом или создать картину красками, сделать скульптурное изображение, описать этот факт предложением, сфотографировать. Будут ли эти изображения картинами указанного факта. Предположим, что на нашем рисунке вместо трех человек имеется только два человека (на фотографии одну фигуру заретушировали) или на рисунке изображены три человека, но они расположены в другом порядке по сравнению с имеющимся порядком в факте.

Витгенштейн отмечает, чтобы изображение было картиной факта требуется изобразительное родство: «Изобразительное родство состоит в соотношении элементов картины и вещей» [ЛФТ 2.1514]. Другими словами, число объектов в факте (три человека) и число элементов картины должны совпадать. «Объекты представлены в картине элементами картины» [ЛФТ 2.131]. Но этого недостаточно, чтобы изображение считалось картиной факта: «Определенное соотношение элементов в картине – представление о том, что так соотносятся друг с другом вещи...» [ЛФТ 2.15]. Иначе, в картине факта также должен соблюдаться порядок объектов, входящих в факт. Отношение между элементами, связь

элементов картины Витгенштейн называет ее структурой: «...Назовем эту связь элементов картины ее структурой...» [ЛФТ 2.15]. В таком случае Витгенштейн говорит: «Картина – факт» [ЛФТ 2.141].

Но у Витгенштейна понятие картины характеризуется гораздо шире, чем то, которое только что было описано: картина факта, актуальная картина, в которой изображается данный фрагмент действительности. Рассмотрим дополнительные характеристики картины.

Каждой картине присуща форма изображения (Form der Abbildung) [ЛФТ 2.15]. «Форма изображения – возможность того, что вещи соотносятся между собой так же, как элементы картины» [ЛФТ 2.151]. Обратим внимание, что речь идет о возможности. Если возвратиться к нашему примеру, то элементы картины (их три) мы можем расположить шестью способами. Пронумеруем эти элементы (три человека). Тогда будем иметь следующие различные порядки 123, 132, 213, 231, 312, 321. Если бы нас интересовал только порядок элементов, то мы могли бы получить шесть изображений, фактически речь идет о пространственном изображении, поскольку учитывается лишь порядок элементов в пространстве (трехмерное) или на плоскости (двухмерное).

Опишем более детальную характеристику изображения, чтобы оно являлось картиной изображаемого. «Чтобы быть картиной, факт должен иметь нечто общее с изображаемым» [ЛФТ 2.16].

Всего скорее, речь идет об изоморфизме (совпадении) отношений между объектами факта и элементами изображения, и если такой изоморфизм имеется, то изображение является картиной. Но если бы мы выбрали из шести возможных изображений, указанных выше, такое, в котором порядок расположения людей в изображении не соответствует факту, то, что можно сказать о таком изображении. Такое изображение мы бы назвали неверной, ложной картиной, или, что изображение соответствует возможному факту. В мире могла реализоваться и другая возможность: ведь нет никаких логических, физических, социальных запретов, чтобы люди могли расположиться в другом порядке, и тогда это была бы картина другого факта. «Изображение, дабы оно вообще было картиной изображаемого, должно быть в чем-то тождественным ему» [ЛФТ 2.161].

Конечно, «быть в чем-то тождественным» подразумевает многое. Представим себе, что мы имеем игрушечную детскую коляску, которая

изображает реальную детскую коляску. Этот пример не принадлежит Витгенштейну. Если в игрушечной детской коляске имеются такие же части, как в реальной, и они расположены точно так же, как в реальной, то изображение (игрушечная коляска) является картиной, так как части изображения и части изображаемого имеют тождество структур. Дополнительно предположим, что изображение и изображаемое во всем совпадают по окраске своих частей, тогда эта детская коляска тоже картина. Ну а если структурное соответствие между игрушкой и действительной коляской имеется, но по окраске они не совпадают, изображение будет называться картиной, поскольку согласно афоризму 2.161 требуется тождество между изображением и изображаемым не во всем, а «...в чем-то...». Не сложно продолжить список тождественных совпадений между игрушечной и реальной коляской: совпадения размеров (метрическое совпадение), совпадение материалов, из которых они сделаны и возможны другие тождественные совпадения. Все это значит, что картина может с той или иной степенью детальности отображать изображаемое.

Категориально, понятийно пример с коляской, и множество других подобных примеров обобщается Витгенштейном в следующих афоризмах. «То, что в картине должно быть общим с действительностью, дабы оно могло по-своему – верно или неверно – изобразить ее, есть присущая ей форма изображения» [ЛФТ 2.17]. «Картина может изображать любую действительность, форму которой она имеет. Пространственная картина – все пространственное, цветовая – все цветовое и т. д.» [ЛФТ 2.171]. Ясно, что пространство может быть двухмерным или трехмерным. «Картина изображает свой предмет изображения извне (ее форма изображения – это ее точка зрения), и потому она изображает его либо верно, либо неверно» [ЛФТ 2.173].

Центральное понятие есть понятия формы: форма изображения и форма действительности. Эти формы должны совпадать. Форма не одна: пространственная, структурная, метрическая (соблюдения расстояния), цветовая и др.

Не каждая картина может быть трехмерной или цветной. Но какая форма должна быть присуща изображению, чтобы его можно было назвать вообще картиной; иначе насколько может быть абстрактной картина. Другими словами, эта форма должна быть присуща любой картине. Иногда эту общую форму для любой возможной картины исследователи Трактата называют базисной формой [5, с. 81].

Такая форма называется Витгенштейном логической формой. Основные характеристики логической формы приводятся в следующих афоризмах. «То, что во всякой картине, при любой ее форме, должно быть общим с действительностью, дабы она вообще могла – верно или неверно – изображать ее суть логическая форма, то есть форма действительности» [ЛФТ 2.18]. «Если формой изображения служит логическая форма, то картина называется логической картиной» [ЛФТ 2.181]. «Всякая картина является и логической картиной. (Напротив, не всякая картина является, например, пространственной.)» [ЛФТ 2.182]. «Логическая картина способна изображать мир» [ЛФТ 2.19]. «Общим с изображаемым в такой картине является логическая форма изображения» [ЛФТ 2.2].

Обнаружить логическую форму не так просто, например, в живописной картине, форма скрывается за множеством деталей картины. Логическая форма наиболее отчетливо, наиболее ясно проявляется в предложениях языка, проанализированных с помощью логики.

В общей теории изображения начиная с афоризма [ЛФТ 2.201] и заканчивая афоризмом [ЛФТ 2.225] анализируется отношение между картиной и действительностью, и объясняются такие свойства картины, как быть истинной (верной) или ложной (неверной).

Далее мы переходим от общей теории изображения и общего понятия картины к определенному виду картины, а именно предложению языка как весьма специфической картине, особой разновидности изображения действительности.

Но как картина того или иного факта может быть преобразована в предложение? Достаточно наглядно это описал Я. Хинтикка: «Ее суть (изобразительной теории предложения – *Н. Стешенко, М. Литвинов*) можно объяснить не прямым указанием на то, как предложение могут быть интерпретированы в качестве изображения, а обсуждением того, как изображение может иметь содержание предложения. Предположим, что я пытаюсь донести вам сообщение «Людвиг ударил Карла», показывая картинку, где изображены персонажи «на месте преступления»... Многие детали являются несущественными. Прежде всего, нужно распознать в деталях в качестве антагонистов Людвиг и Карла. Но для того, чтобы до вас дошла эта информация, не нужно множества частных. Это может быть сделано приписыванием имен «Людвиг» и «Карл» двум фигурам в изображении и, вероятно, заменой этих фигур их именами. Подобным

же образом, единственная дополнительная деталь, которая вам нужна, заключается в осознании того, что здесь изображен удар. Это также можно сделать, помещая слово «ударяет» между двумя фигурами, опуская все остальное как несущественное. Таким образом, все изображение может быть преобразовано в предложение «Людвиг ударяет Карла» без потери всех тех особенностей изображения, которые нужны для передачи намеренного сообщения. В этом смысле изображение и предложение работают на паре. Вы можете рассматривать предложение как изображение или же изображение как предложение» [6, с. 36–37].

Таким образом, любая картина (это можно обосновать) может быть преобразована в предложение или в набор предложений, если структура картины сложная. Логический анализ предложения позволяет выделить в нем логическую форму.

Витгенштейн считал, что логическая форма это не только форма предложений, но и форма фактов, т. е. онтологическая форма. Сегодня логическую форму относят только к предложениям. Например, предложения: «Людвиг смотрит на Карла», «Карл смотрит на Людвиг», имеют одну и ту же логическую форму: «xRy», где x и y переменные, а R есть символическая запись отношения «смотрит на». Но что такое форма факта, т. е. онтологическая форма («форма действительности»), которая рассматривалась Витгенштейном как аспект, сторона логической формы. Здесь надо обратиться к онтологии Витгенштейна. Поскольку мы рассматриваем простые предложения, то нас интересует логическая форма событий.

«В со-бытии объекты определенным образом соотносятся друг с другом» [ЛФТ 2.031]; «Способ взаимосвязи объектов в со-бытии суть структура со-бытия» [ЛФТ 2.032]; «Форма – возможность структуры» [ЛФТ 2.033]; «Если даны все объекты, то тем самым даны и все возможные со-бытия» [ЛФТ 2.0124];

Таким образом, онтологическая форма события есть возможность структуры данного события. Но что такое возможность структуры? Это всевозможные комбинации (конфигурации) объектов входящих в со-бытие. Пусть в со-бытие имеется два объекта «a» и «c», а «г» способ взаимосвязи объектов. Тогда возможные структуры двухэлементного события такие: «a г a», «a г c», «c г a», «c г c», т. е. имеется набор четырех возможных конкретных со-бытий. Они и являются формой события (онтологической формой), состоящего из двух элементов, с некоторой связью

между ними. Строго говоря, кавычки не нужны, но для наглядности мы их использовали. Таким образом, синтаксической логической форме вида «xRy» соответствует возможный набор событий «a г а», «а г с», «с г а», «с г с». Заметим, что при такой онтологической форме допускается, что x может равняться y, если это не так, тогда онтологическая форма ограничится двумя наборами событий: «а г с», «с г а». Например, если символ R в «xRy» представляет отношение «старше по возрасту», то один и тот же Карл не может быть старше самого себя.

Эти объекты «а» и «с» – простые: «Объект прост» [ЛФТ 2.02]. Они обозначаются именами в составе предложения: «Имя обозначает объект. Объект – его значение...» [ЛФТ 3. 21]. «Имя в предложении представляет объект» [ЛФТ 3.22].

Рассмотрим предложение как картину с точки зрения общей теории отражения. Пусть в предложении «Карл смотрит на Людвига» имя Карл представляет объект «а», имя Людвиг представляет объект «с», способ взаимосвязи объектов «г» выражен в предложении отношением «смотрит на». Предложение «Карл смотрит на Людвига» картина актуального (существующего) со-бытия «а г с», так как порядок имен в предложении соответствует порядку поименованных объектов в со-бытии. Таким образом, это истинная картина.

Но при рассмотрении простого предложения как специфической картины со-бытия появляется много дополнительных деталей, которые обсуждались, но в другом контексте, до Витгенштейна, прежде всего Г. Фреге и Б. Расселом. Известно, что Фреге считал, что каждое имя и предложение имеет две семантические характеристики: значение и смысл. Рассел полагал, что фреговское различие между смыслом и значением весьма путано и создал теорию дескрипций [5, с. 64–74]. Витгенштейн по-своему трактует понятие значение и смысла и отличается в своих семантических воззрениях, как от Фреге, так и от Рассела. Достаточно ясное и краткое изложение специфики понимания Витгенштейном понятий значения и смысла дано в работе Гвидо Кюнга [5, с. 83–87, 106–111].

Мы остановимся лишь на одной дополнительной детали при описании предложения как картины, детали, которая отсутствует в Трактате при разговоре о картине с позиции предельно общей теории отображения. Эта деталь есть мысль. Но сначала напомним, что с точки зрения этой общей теории отображения структура картины должна совпадать со структурой существующего или не существующего со-бытия, т.е. возможного со-бытия.

Энтони Кенни весьма верно замечает: «Мысль появляется в Трактате главным образом как связь между предложениями и со-бытиями (states of affairs» [7, с. 48]. Витгенштейн дает такое определение мысли: «Мысль – логическая картина факта» [ЛФТ 3]. Логическая, скорее потому, что она имеет логическую форму [ЛФТ 2.181; 2.182], что она должна быть совместимой с законами логики. Но где находится картина факта, в сознании или в предложении? Но «В предложении мысль выражается чувственно воспринимаемым способом» [ЛФТ 3.1], т.е. предложение это не мысль, а выражение мысли в языке.

«Со-бытие мыслимо» означает: «Мы в состоянии представить себе ту или иную картину» [ЛФТ 3.001]. Где находится представление в сознании или картине? Картина есть, скорее, выражение мысли, а не сама мысль. «Мысль содержит возможность той ситуации, которая мыслиться ею. Что мыслимо, то возможно» [ЛФТ 3.02]. Но что значит «мысль содержит возможность ситуации» – неясно.

Из работы Э. Кенни мы приведем фрагменты переписки между Витгенштейном и Расселом, в которой Рассел пытается выяснить, что включается в мысль: «Так как картина есть комбинация элементов, возникает вопрос: что является элементами логической картины и мысли? Этот вопрос был поставлен Витгенштейну Расселом в 1919 г... Рассел спросил “Что является составными частями, компонентами мысли и каково их отношение к элементам изображенного факта”. Витгенштейн ответил “Я не знаю какие составные части мысли, но я знаю что они должны быть такими составными частями, которые соответствуют словам языка ... Это ложно быть предметом психологического интереса”. Рассел настаивал “Состоит ли мысль из слов?”. “Нет, но психические составные части имеют тот же сорт отношения к реальности, что и слова. Что это за психические составные части, я не знаю”» [7, с. 47–48]. Однако, отсюда («я не знаю») нельзя сделать вывод, что Витгенштейн придерживается психологического или логического бихевиоризма.

Определение мысли, указанное в афоризме [ЛФТ 3], позволяет сделать одно важное ограничение в изобразительных возможностях языка: «Изображать в языке нечто «противоречащее логике» столь же невозможно, как и изображать в пространственных координатах фигуру, противоречащую законам пространства, или же указывать координаты несуществующей точки» [ЛФТ 3.032]. То есть в языковых картинах невозможно нарушить законы логики, в пространственных

картинах невозможно обойти законы геометрии пространства.

Витгенштейн называет написанное или высказанное (озвученное) предложение «знаком – предложением» [ЛФТ 3.12]. Характеристика предложения как знака-предложения позволила Витгенштейну ввести в сферу анализа множество дополнительных аспектов предложения. Это соотношение между именем и предложением, различие между знаком и символом, смыслом и значением предложения и др. Анализ как упомянутых, так и других особенностей предложения мы опускаем: концепция предложения, сформулированная в Трактате, многократно обсуждалась как в отечественной, так и зарубежной литературе. Нас же интересуют только изобразительные аспекты предложения.

Изобразительная (картинная) теория языка является убедительно обоснованной, когда она применяется к простым предложениям, но как ее распространить на сложные предложения, если «...люди не в состоянии непосредственно извлечь из него (повседневного языка) логику языка...» [ЛФТ 4.002]. Для этого надо использовать символизм, который был к тому времени разработан Расселом и Уайтхедом. Известно, что этот символизм покоится на логических связках конъюнкции (союз и), отрицании (неверно, что) и других пропозициональных связках, а также кванторах существования и всеобщности (некоторые и все). Логические связки имеют и другие названия: истинностные функции, логические константы. Заметим, что сложные предложения строятся из простых предложений при помощи логических связок. Логика с кванторами (кванторная логика) позволяет явно представлять в языке свойства и отношения между объектами (вещами, предметами). Число пропозициональных связок можно свести к двум: конъюнкции и отрицанию. А при помощи их посредством определения вводится одна логическая связка – штриха Шеффера: [ЛФТ 6], [ЛФТ 6.001], [ЛФТ 6.002]. Можно также обойтись одним квантором, используя процедуру определения. Таким образом, получаются минимальные логически средства для конструирования сложных предложений из простых. Все это позволяет, как полагал Витгенштейн, распространить изобразительную концепцию из простых предложений на сложные.

Сошлемся на ясный комментарий Я. Хинтички: «... Витгенштейн мог взять изобразительную идею в качестве вполне понятной для случая элементарных («атомарных») предложений. Но он должен был распространить ее на все истинностные функции элементарных предло-

жений, которые, как он полагал, исчерпывают наш язык. ...Конъюнкция имеет изобразительное значение. Конъюнкция изображений есть сложное изображение. Но как отрицание не-S «изображения» S может быть изображением? Легко, говорит Витгенштейн. Это то же самое изображение, что и S, но взятое в противоположном смысле... S и не-S подобны позитиву и негативу одного и того же снимка. На этом пути штрих Шеффера представляет последний пункт к аргументу Витгенштейна в пользу изобразительной теории» [6, с. 44].

Даже если допустить правоту Витгенштейна в переносе изобразительной теории с простых предложений на сложные, все же остается проблема кванторных предложений: «Существует объект, назовем его x, который обладает свойством A», «Для каждого объекта, назовем его x, имеет свойство A».

Квантор существования Витгенштейн рассматривал как максимальную дизъюнкцию, квантор общности – максимальная конъюнкция. Но, если мы будем считать, что квантор существования и дизъюнкция взаимозаменяемы, то это порождает неправдоподобное допущение, что все существующие объекты являются необходимыми [6, с. 40–41].

В итоге можно сделать вывод, что концепция Витгенштейна об изобразительной природе предложений оказалась весьма уязвимой для критики.

Библиографический список

1. Бергман, Г. Блеск и нищета Людвига Витгенштейна [Текст] / Густав Бергман // Людвиг Витгенштейн: человек и мыслитель. – М.: Культура, 1993.
2. Витгенштейн, Л. Логико-философский трактат [Текст] / Людвиг Витгенштейн. Философские работы. Часть 1. – М.: Гнозис, 1994.
3. Вригт, Г. Х. Людвиг Витгенштейн. Биографический очерк. [Текст] / Георг Хенрик фон Вригт // Людвиг Витгенштейн: человек и мыслитель. – М.: Культура, 1993.
4. Козлова, М. С. Примечания и комментарии. Логико-философский трактат [Текст] / М. С. Козлова // Людвиг Витгенштейн. Философские работы. Часть 1. – М.: Гнозис, 1994.
5. Кюннг, Г. Онтология и логический анализ языка [Текст] / Гвидо Кюннг. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. – 237 с.
6. Хинтиikka, Я. О Витгенштейне [Текст] / Яаакко Хинтиikka. – М.: Канон, 2013. – 271 с.
7. Kenny, A. Wittgenstein. Revised Edition [Text] / Anthony Kenny. – Blackwell Publishing Ltd, 2006. – 191 p.

УДК 316
ББК 87.2.

ТРАНСФОРМАЦИИ ИДЕНТИЧНОСТИ ЛИЧНОСТИ В ЭПОХУ МОДЕРНИЗАЦИИ

П. А. Поломошнов

Аннотация. В статье исследуется проблема социальной идентичности личности в модернизирующемся обществе. Эта проблема осознается теоретически в условиях рассогласования действительности с нашим представлением о ней, что означает разрыв естественной монистичности, целостности и самоидентичности субъекта. Автор рассматривает историю концептуализации темы социальной идентичности человека в западной и российской мысли. Особое внимание уделено характеристике современной модернизации общества.

Автор выделяет два типа идентичности: идентичность негативную или внешнюю, как отделение, обособление одной общности от другой, проведение границы, и позитивную идентичность или внутреннюю, как чувство соотнесения с той или иной общностью.

В ходе модернизации общества реальность этих характеристик меняется, одни устаревают и становятся «менее реальными», а на их место приходят другие. Изменяются как факторы, так и степень их влияния. Некоторые факторы выходят на первый план, становятся более явственными, действительными, реальными, а другие отмирают или становятся дополнительными, вспомогательными, вторичными. Изменяется само ядро идентичности. Так же меняется и внешняя негативная идентичность как потребность проведения границы. Автор прослеживает трансформации обоих выделенных аспектов.

Ключевые слова: личность, социальная идентичность, человек, модернизация, общество модерна.

TRANSFORMATIONS OF A HUMAN IDENTITY IN THE ERA OF MODERNIZATION

P. A. Polomoshnov

Abstract. The article examines the problem of social identity of an individual in a modernizing society. This problem is recognized in theory in a mismatch of reality with our understanding of it, which means the gap of natural monistic, integrity and self-identity of the subject. The author examines the history of conceptualization of social identity of human themes in the Western and Russian thinking. Particular attention is paid to the characteristics of modern society modernization.

The author distinguishes two types of identity: the negative or external identity, as the separation of one community from another, carrying out border and a positive or internal identity, as a sense of relating to one or another community.

In the course of modernization of the society the reality of these characteristics changes, some go out of date and become «less real», while others come in their place. Factors and the extent of their influence vary. Several factors come to the fore and become more distinct, actual, real, while others die or become additional, ancillary, secondary. The very core of identity changes. An outside negative identity changes as well as the necessity of laying the border. The author traces the transformation of both the selected aspects.

Keywords: identity, social identity, human, modernization of society, society of modern.

Проблема самоопределения человека возбуждает интерес на всем протяжении его существования как непосредственно связанная с его сущностью. Попытки найти ответ на вечный вопрос «кто я?» уходят корнями вглубь истории человеческой культуры. В современном дискурсе гуманитарных исследований эта проблема связывается с использованием понятия идентичности. Это концепт, имеющий широкий спектр ин-

терпретаций. Однако начать нужно с того, что проблема идентичности не тождественна проблеме определения субъективности и самосознания как такового.

Основная функция понятия идентичности – указать, выявить тот содержательный момент, который должен ответить на вопрос: «Кто я есть и чем я отличаюсь от других?» Вопрос осознается теоретически в условиях рассогласования дей-

ствительности с нашим представлением о ней, что в данном случае означает, с одной стороны, разрыв естественной монистичности, целостности и самоидентичности субъекта, что в свою очередь вызвано усложнением и расширением внутренней самости. Можно провести аналогию с «большим взрывом» и расширением Вселенной. Я становится больше и разнообразней: «проблема идентификации и идентичности всегда связана с проблемой возможности существования единого, последовательного Я человека, сочетающего различные Я-образы» [16, с. 14].

Такой вопрос возможен для уже обладающих самосознанием субъектов, поэтому проблема идентичности по определению не может быть исходной, она производная, что и отражается на ее роли в познавательном пространстве. Чаше конструкция идентичности становится не самостоятельной целью, а средством для исследования отдельных аспектов человеческого бытия. Понятие идентичности, помещенное в определенное смысловое поле, становится инструментом, функции которого зависят от сферы приложения, «... призмой, через которую рассматриваются, оцениваются и изучаются многие важные черты современной жизни» [1, с. 176]. Какие это будут черты – зависит от контекста. Не претендуя на исчерпывающую полноту, можно привести примеры контекстуализации.

Исходным является методологический аспект – конструирование смысла и структуры понятия идентичности, оказывающихся весьма многомерными, в качестве средства изучения наиболее существенных проблем современного человека. Это исследования, начинающиеся с середины XX века на Западе, подхваченные позднее отечественными авторами. Тематизация идентичности сначала совершалась применительно к субъектам, в роли которых может выступать формирующаяся личность как феномен психической и социальной жизни. Однако, человек как субъект культуры открывает различные варианты развертывания его сущности и вскоре происходит контекстуализация по самым разным измерениям социокультурной реальности, ситуациям и субъектам большего масштаба, начиная от малых социальных групп, заканчивая цивилизациями. Так, идентификация представлена в социологическом измерении как инструмент анализа структуры и форм социальных отношений.

Анализ политической реальности не обходится без обращения к концепту идентичности. Предметом в таком случае оказываются региональные, этнические, национальные, граждан-

ские идентичности. Ряд исследователей рассматривают идентичность как основной инструмент изучения этничности человека. Тематика, связанная с анализом этнической составляющей особую остроту приобретает в связи с кризисом в межнациональных отношениях в условиях социально-политической и экономической нестабильности и потому вполне ожидаемым оказывается использование теоретико-методологического аппарата идентичности для анализа процессов, происходящих в России в Новейшее время. Вопрос исторической судьбы России, трансформируясь в концепцию национальной идентичности становится предметом философских, культурологических, политических изысканий, с тем замыслом, чтобы создать или воссоздать проект консолидации общества на базе некоторых гражданских, национальных или транскультурных духовных ценностей.

На наш взгляд, особое значение приобретает контекстуализация идентичности в ее динамике. Это связано с принципиальной процессуальностью идентичности, которая в свою очередь связана с временным бытием человека. Некоторые исследователи полагают, что «Идентичность есть конечный результат процесса идентификации – самоотождествления, самоопределения» [11, с. 69]. Однако, конечность, наличность идентичности иллюзорна, она может быть лишь очерчена, определена аналитически как логический момент качественной определенности в отдельный момент времени. В действительности же она подвижна и изменчива, не имеет раз навсегда определенных границ, поэтому можно вести речь об образе, срезе идентичности. В связи с этим возможны различные углы обзора, например «процесс становления информационной деятельности во взаимосвязи с проблемой идентичности и отражение этой взаимосвязи в современной научной картине мира» [7, с. 8]. Предметом нашего внимания является идентичность в ее социальной природе, как момент социальной деятельности в аспекте динамики. Для понимания всей совокупности происходящих процессов нужно отыскать некий процесс, определяющий все остальные, не в смысле координирующего и поглощающего, а в смысле образующего импульс и проследить его влияние на остальные аспекты меняющейся реальности, в частности на трансформационную среду.

Динамическое понимание идентичности представлено в концепции Н. Н. Федотовой, которая утверждает «...процессуальный характер идентичности, отображающий континуум, полюсами которого выступают устойчивые, завер-

шенные идентичности с линейной динамикой и идентичности, незавершенные, меняющиеся, близкие к разрушенным, имеющие нелинейную динамику. Имеется смысловая и контекстуальная связь многочисленных состояний идентичности, расположенной на этом континууме, суть которой – в признании необходимости процессуального самоотождествления и различения» [19, с. 45].

Злободневность проблемы идентичности нарастает в условиях неустойчивости, глобальных социокультурных изменений, нестабильности, когда острее всего ощущается потребность самоидентификации. В таком виде, как мы его представляем в данной работе, вопрос возникает тогда, когда возникает ощущение неполноты, разорванности содержания Я. В масштабе общечеловеческой истории таким процессом, ставшим причиной, импульсом нестабильности, является модернизация.

В предельно общем виде явление социальной модернизации представляется как «совокупность экономических, демографических, психологических и политических изменений, претерпеваемых обществом традиционного типа в процессе его трансформации в общество современного типа» [13]. Модернизация как переломный процесс, вызывающий глобальные изменения в структуре общественных отношений всех порядков и создающий само глобальное измерение. Понятие модернизации общества или социальной модернизации также применяется в чрезвычайно широком диапазоне значений зависящих от того, что скрывается под названием «современного общества». Если подразумевать под ним исключительно общество настоящего, и уже одним этим более совершенное, чем общество прошлого, то существует риск концептуально обезличить понятие социальной модернизации, что с другой стороны, добавляет риторической привлекательности, например таким образом: «Модернизация – совокупность технологических, экономических, социальных, культурных, политических перемен, направленных на совершенствование общественной системы в целом» [4, с. 214]. Абсолютно правомерно указание на многогранность процесса модернизации, но при этом более аутентичным вариантом представляется конструктивно-генетическое воспроизведение схемы модернизации.

Современное общество становится специальным предметом общественных наук в классической социологии XIX в., следовательно, с учетом этих знаний нужно говорить о выделении его сущности, теоретического критерия. Само-

идентификация современного общества связана с противопоставлением его традиционному в классических социологических концепциях. Изучая развитие общества, Э. Дюркгейм выделял два основных типа социальных связей: механистическую солидарность и органическую солидарность. В традиционном обществе преобладает способ соединения индивидов на основе их сходства, изоморфизме действий. В современном обществе социальная солидарность основана на общественном разделении труда, где определяющую роль играет спецификация, различие. Соответственно, в обществе первого типа существует высокая степень детерминации поведения его членов неким образом, а в обществе второго типа свобода индивидов есть условие их участия в социальных отношениях. В этом смысле теоретический конструкт модернизации может быть представлен как переход от механического типа солидарности к органическому. Подобная дихотомия типов общественной связи наблюдается у Ф. Тенниса. В зависимости от типа взаимоотношений совокупность людей может представлять собой общность (*Gemeinschaft*) или общество (*Gesellschaft*). По его мнению, в современном обществе, естественные мотивы, такие как доверительность, привязанность, взаимная симпатия, составляющие основу общности заменяются формально-рациональными отношениями между людьми, связанными с расчетом, ориентацией на получение выгоды и коммерческого успеха.

Зависимость социальных отношений от мотивации социального действия становится центральной темой социологии М. Вебера. Модернизация, исходя из его теоретических построений [2], представляется как рационализация социального действия в наиболее значимых аспектах поведения. Изменение характера социальных отношений является следствием трансформации сознания субъекта социального действия, которая, в свою очередь, связана с внутренним преобразованием христианской этики в эпоху Реформации [3]. В хозяйственной сфере дух капитализма сменяет традиционалистские ментальные установки. В политической сфере рациональный тип легитимации власти (бюрократия) заменяет харизматическое и традиционное господство. Количество рациональных действий субъектов начинает преобладать над иррациональными, изменяя образ жизни людей Западной цивилизации. Модернизация общества свершается самими действующими субъектами.

Наиболее распространенным в научных кругах XX в. оказывается именно экономический смысл понятия модернизации, радикальным об-

разом связывающий понятие общества модерна с характером производственной системы. Американский социолог Н. Смелзер писал: «Мы употребляем термин «модернизация» для характеристики сложной совокупности перемен, происходящих почти в каждой части общества в процессе его индустриализации» [15, с. 620]. По мнению же М. А. Можейко, модернизация теперь – это «теоретическая модель семантических и аксиологических трансформаций сознания и культуры в контексте становления индустриального общества» [10, с. 639]. Данной позиции, по мнению Ю. И. Семенова [14, с. 200–201], придерживались, к примеру, У. Ростоу, Ш. Эйзенштадт, С. Блэк, считавшие индустриальное общество прогрессивной стадией развития человечества. Представление сферы производства в качестве базовой, контекстообразующей, задает вполне определенные рамки решения проблемы. Этот теоретический ход отсылает нас скорее к Марксу чем к Веберу, как первоисточнику. В общественно-исторической концепции К. Маркса акцент в анализе общественного развития делается на сфере производства, а модернизация может быть представлена как естественноисторический процесс изменения способа производства, переход от локальной связи земледельческой общины к системной всеобщей вещной связи, создающей капиталистические производственные отношения, характеризующиеся динамизмом и остротой классовых противоречий, глобальным мировым масштабом. «Буржуазия быстрым усовершенствованием всех орудий производства и бесконечным облегчением средств сообщения вовлекает в цивилизацию все, даже самые варварские нации» [9, с. 427–428]. Практически о том же говорится в социальной философии второй половины XX века, обратившей взоры на перспективы информационного и постиндустриального общества, где модернизация интерпретируется как переход от традиционного к индустриальному обществу, имеющий глубокий, системный характер и приводящий к конвергенции обществ. «Модернизация – это процесс, ведущий к однородности... Модернизация порождает тенденцию к сродству обществ» [20, с. 31]. Глобализирующий и супериоризирующий характер модернизации отмечал также и Ф. Фукуяма, подводящий черту под историей человечества после утверждения индустриально-либеральных механизмов общественного устройства.

Формационная теория, а за ней и парадигма индустриализма и постиндустриализма рассматривают развитие общества как некий единый образец, к которому с неизбежностью долж-

ны прийти все нации. Для Запада модернизация – фактически пройденный этап, поэтому понятие модернизации приобретает социально-практическое и политическое значение, как системная стратегия преодоления отсталости обществ отступающих от цивилизационного пути Запада, понятие модернизации как индустриализации становится фактически синонимом вестернизации. Показательным в этом плане является определение политической модернизации Д. Дэвида: «...процесс, решающее воздействие на который оказывает экономическая модернизация и в ходе которого традиционные или колониальные формы политической и государственной организации заменяются западными, включая современные политические партии» [6].

Особая роль отводилась политической системе – ликвидация отсталости, так называемая «запаздывающая» модернизация, становится делом управленцев, соответственно перед обществом ставится задача активизации элит. Однако данный благожелательный сценарий противоречит как исторической истине (множество примеров недействующей модернизации в странах Востока, Африки), так и теоретическим посылкам самой теории. Процесс модернизации, во-первых, объективный и изменение основ социальной системы здесь – результат саморазвития, реализации заложенного внутреннего потенциала, а во-вторых – конкретно-исторический, то есть обладает вышеописанными характеристиками и свойствами только для тех условий, в которых он формировался, то есть, для Запада. Индустриализм, взятый аксиологически универсально, не может представлять универсальную модель для культурно и экономически диверсифицированных обществ мира. Специфика преобразовательных процессов в обществах, не относящихся к образцу, отличающихся, не ассимилировавших его, требует либо изменения содержания теории, либо поиска альтернативы. Что и знаменует выход на авансцену концепций зависимости и мир системного подхода, которые, по мнению Ю. И. Семенова, рассматривают в первую очередь не вертикальные, межстадиальные связи и переходы как наиболее значимые, а горизонтальные и синхронные [14, с. 203–204]. Л. В. Никифорова [12] разделяет теории современного постиндустриального общества на две волны. По ее мнению, представители первой, к которой относятся такие ученые как К. Поланьи, Дж. Гэлбрэйт, Дж. Роулз, И. Валлерстайн разоблачают рациональность модерна как рыночной модели хозяйства, основанной на антиобщественной стратегии эгоизма, выявляют неспра-

ведливость как сущностное качество мировой капиталистической системы.

Представители второй волны, такие как Э. Тоффлер, Ф. Фукуяма, С. Хантингтон рассматривают постиндустриальное общество по сути как окончательный разрыв традиционных связей и отказ от общества. Так как принципы социальной поддержки с одной стороны и принципы либерализма и рынка с другой несовместимы, социальное неравенство оказывается для них закономерным итогом цивилизации. По сути, в социальном знании присутствует спор между двумя мировоззренческими, идеологическими стратегиями: построение постиндустриального общества как альтернативы индустриальному на базе внеэкономических, но общественных постматериальных стратегий самореализации человека, либо программа «продлонгации тенденции» и закрепление несправедливости как цивилизационной нормы в прогрессивном «постобщественном» обществе.

Конечно, понятие модернизации, сформировавшееся в классической западноевропейской традиции, описывающее социокультурные процессы как вписывание в единую линию рыночно-индустриального развития не является единственно возможным. М. А. Можейко предлагает следующую идею видоизменения модернизационной стратегии. «При всей восточной специфике и социалистических издержках правомерно говорить о возможности модернизации не как внешней, механической вестернизации и унификации, но как о глубинной трансформации массового создания на основе выработанных западной культурой социальных идеалов и рационализма при возможности сохранения специфики этно-национальных традиций. Современная концепция цивилизационного поворота как перехода от цивилизаций локального типа к глобальной цивилизации выдвигает идеал единого планетарного социоприродного комплекса, основанного именно на этно-культурном многообразии и полицентризме. В рамках этого подхода культурная гетерогенность мира, позволяющая и предполагающая конструктивный диалог и плодотворное взаимовлияние неповторимо уникальных этно-национальных традиций, фиксируется как основа не только цивилизационной стабильности человечества, но и его эволюционного культурного потенциала» [10, с. 641].

Как проект модернизации в классическом понимании сочетается с концепцией идентичности? В современной социально-философской мысли постановка проблемы идентичности в контексте модернизации совершена как в запад-

ной, так и в отечественной литературе. Структура идентичности полностью зависит от данной цели, то есть, мы не претендуем на всеохватывающий анализ феномена идентичности, а лишь ставим задачу сравнения идентичности традиционного и современного общества и их черт. Структура, предлагаемая здесь, содержит два аспекта: 1) идентичность негативная [5, с. 35–44] или внешняя, как отделение, обособление одной общности от другой, проведение границы; 2) позитивная идентичность или внутренняя, как чувство соотнесения с той или иной общностью, сопричастности, которая «базируется на историческом прошлом, опирается на настоящее, стремится к будущему» [11, с. 69], то есть самость как таковая.

Несмотря на многозначность внутренней идентичности, «в основе идентификации индивида или общности всегда лежат реальные объективные характеристики» [11, с. 69]. Но в ходе модернизации реальность этих характеристик меняется, одни устаревают и становятся «менее реальными», а на их место приходят другие. Изменяются как факторы, так и их соотношение в структуре, степень влиятельности, некоторые из них выходят на первый план, становятся более явственными, действительными, реальными, а какие-то отмирают или становятся дополнительными, вспомогательными, вторичными. Поэтому нельзя говорить о фиксированном наборе характеристик. Изменяется само ядро идентичности, то с чем происходит самоотождествление, характер ее усвоения. Так же меняется и внешняя негативная идентичность как потребность проведения границы. Необходимо проследить трансформации обоих выделенных аспектов.

Если анализировать содержательную сторону идентичности, то для традиционной характерны следующие черты: содержательность, духовность, равномерность, редуцированный характер – то есть, она основана на более простых механизмах идентификации – кровное родство, половая принадлежность, возраст, язык, территория проживания, раса. Это идентичность сродства, чаще всего естественного. «В традиционном обществе идентичность не была проблемой, поскольку она была задана квазинатуралистически – ее поддерживаемый традицией характер оставался практически неизменным» [17, с. 76]. Конечно, не вся традиционная идентичность редуционна. Самоидентификация личности традиционного типа связана с усвоением культуры, мировоззрения, ценностей, традиций, образа жизни, и в этом плане, она богата надприродным содержанием, но это мелкогрупповая, локальная иден-

тичность, которая усваивалась, автоматически, безальтернативно. Также выделим ретроспективность – самость определяется прошлым. Принадлежность и самосознание себя как члена общества означает сопричастность, тождество с прошлым, общность исторического пути. Внешняя идентификация является крайне важной в традиционном обществе, дихотомически разделяя мир на «свой» и «чужой».

Модерн предполагает радикальные изменения и углубления идентичности. Позиционируется укрупнение масштаба идентичности от мелких форм к крупным обезличенно-абстрактным, от идентичности себя как члена общности к идентичности члена общества. Национальная, гражданская идентичность гораздо более значима для эпохи модерна, что знаменует усиление гражданской консолидации и укрепления государства как политико-правовой системы. Однако, ядро модернизации – экономика – меняется, поэтому меняется и сам смысл социальной идентификации. Встраивание в культурную среду, самоидентификация как духовное родство взамен и в дополнение кровного превращается во встраивание в структуру обезличенных, абстрактных связей и отношений производства. Идентичность модерна абстрактная, универсальная, крупногрупповая, сложно структурированная, многомерная, диверсифицированная, космополитичная, транснациональная, материальная по преимуществу – экономическая.

Человек позиционирует себя, прежде всего, в русле производственных отношений, как «наиболее реального» социального фактора. Старое содержание трансформируется в новую форму – культурная, духовная составляющая: искусство, книги, музыка, идеи, превращаются в брендированный товар, услуги, которые так же выполняют функцию позиционирования человека в системе координат капитализма. «В современном, динамически развивающемся обществе с существенным уровнем социальной стратификации и утраченными или ставшими неэффективными традиционными способами самоидентификации массовая культура становится механизмом социализации и начинает выполнять ценностно-ориентационные функции, реализуемые, в частности, через социально маркированное потребление. Существующая в многообразии вариантов, эта культура фактически отражает вкусовую и эстетическую дифференциацию потребностей, а также сложную общественную иерархию и через потребление закрепляет эти отношения» [8, с. 45]. Идентичность больше не осознается как тождество со своим прошлым,

она принадлежит настоящему. Самость строится на том, кем является субъект здесь и сейчас. Появляется альтернатива и свобода идентификации, идентичность усваивается не автоматически. Как замечает З. Бауман, «„предназначенность“ сменилась “житейскими планами”, судьба – призванием, а “природа человека”, в какой он был рожден, – “идентичностью”, за которой необходимо следить и которую нужно поддерживать в соответствующей форме» [1, с. 178]. Далее автор настаивает на том, что «модернити заменяет предопределенность социального положения принудительным и обязательным самоопределением» [1, с. 181]. Негативная идентификация оказывается малозначимой в принципе.

Можно оценивать такую ситуацию двояко. С одной стороны, поиск роли и места становится сложным и нелинейным процессом, все менее зависимым от природных факторов и все более определяемых социокультурными факторами, природные становятся незначительными, вторичными, все чаще уступая место надприродным, то есть собственно человеческим. Характер усвоения идентичности делает необходимой свободу личности, устраняя подчинение целому как обязанность. При этом сама проблемная ситуация рассогласования идентичности становится возможной в условиях модерна, когда функциональный момент перевешивает традиционный. «Рефлексия на идентичность появляется с момента возникновения «кризиса идентичности» [7, с. 131]. Кризис идентичности знаменует уже вторая волна модернизации, непосредственно связанная с глобализацией, доведением проекта модернизации до своего предела. Социокультурные идентификационные факторы общества модерна первого порядка (национальные, гражданские, потребительские) так же подвергаются устареванию, уступая место необязательным, фрагментированным виртуальным, существующим и транслируемым в новой информационной среде. Это порождает проблемы идентификации личности и обществу, происходящие из еще более радикальных изменений структуры внутренней идентичности – неспособность осуществить процедуру самоидентификации, девиации идентичности.

Еще один симптом современности – противостояние разных моделей идентичности в рамках одного социокультурного пространства, сформированного глобализацией, являются интеграционные процессы, направленные на усиление взаимозависимости социокультурных субъектов разного масштаба и увеличения значимости общечеловеческих факторов. Развитие

противопоставления дает возможность нарисовать сценарий конфликта, свидетельства которого и можно наблюдать в современном мире (столкновение культур малых национальных, этнических групп и глобальной мировой культуры). Это вызовы, общий мотив которых – повышение неопределенности и нестабильности. Из-за неравномерности социального времени происходит наслоение эпох, параллельное протекание их в одном культурном пространстве и искажение социокультурной реальности, попавшей под одновременное влияние двух трех сил. Современность – это стык не двух эпох, старой и новой, а трех – традиций, модерна и постмодерна. И в таком случае проблема сочетания и соизмеримости разновидностей и уровней идентичности в глобализирующемся мире становится сверхактуальной.

По мнению Н. Н. Федотовой, «глобализация выступает не только как наиболее значимый для смены идентичности процесс, но также как контекст формирования новых идентичностей. ...Глобализация усиливает процессы фрагментации, многообразие возможностей, самоопределение в отсутствие авторитетов и стандартизированное квазирыночное поведение. Именно таковы рамки глобальной идентичности» [19, с. 38]. Таким образом, глобализация, как эпифеномен модернизации, создает условия для преодоления собственной тенденции унификации, в перспективе делая возможным полилог идентичностей. Тем самым создаются условия снятия ограничений как внутренней, так и внешней идентификации, поскольку наиболее продуктивной потенциально оказывается та стратегия, которая выводит локальные идентичности на глобальный уровень. «Дискурс глобализации, т. е. научные и повседневные, ненаучные представления о ней, – утверждает Н. Н. Федотова, – усиливают значимость локального, традиционного, исторического, религиозного при формировании глубинной идентичности людей, не препятствуя ее плюрализации в сфере их функциональной деятельности. Именно последняя является главным местом эффективного применения идей толерантности» [18, с. 90]. Этот сценарий не представляется автору безболезненным и простым, но является вполне реализуемым, при условии согласованного проведения продуманной политики идентичности.

Концепция идентичности в оптимистическом варианте рассматривается как своеобразная методология, пересматривающая одномерность социального действия. В целом данный интеллектуальный проект может помочь преодолеть

ограниченность гомогенности концепции модернизации, как в когнитивном плане, так и в цивилизационном, в качестве методологии выработки сценариев развития на базе новых контекстов культуры.

Библиографический список

1. Бауман, З. Индивидуализированное общество [Текст] / З. Бауман. – М.: Логос, 2005. – 390 с.
2. Вебер, М. Основные социологические понятия // Вебер М. Избранные произведения [Текст] / М. Вебер. – М.: Прогресс, 1990.
3. Вебер, М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения [Текст] / М. Вебер. – М.: Прогресс, 1990.
4. Волков, Ю. Г. Социология [Текст] / Ю. Г. Волков, И. В. Мостовая: Учебник для вузов / Под ред. проф. В. И. Добренькова. – М.: Гардарики, 1998. – 244 с.
5. Гудков, Л. Д. К проблеме негативной идентификации [Текст] / Л. Д. Гудков // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2000. – № 5 (49).
6. Дэвид, Д. Большой толковый социологический словарь. В 2-х т., Т. 2. М.: Аст. – 1999. – [Электронный ресурс] / Д. Дэвид, Дж. Джери. – Режим доступа: <http://voluntary.ru/dictionary/567> (дата обращения 12.10.2015).
7. Заковоротная, М. В. Идентичность человека. Социально-философские аспекты [Текст] / М. В. Заковоротная. – Ростов-н/Д: СКНЦ ВШ, 1999. – 200 с.
8. Костина, А. В. Культурология [Текст] / А. В. Костина. – 5-е изд. – М., КНОРУС, 2010. – 336 с.
9. Маркс, К. Манифест коммунистической партии [Текст] / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Соч. 2-е изд., Т 4. – М., 1955.
10. Можейко, М. А. Модернизации концепция // Новейший философский словарь [Текст] / М. А. Можейко: 3-е изд., исправл. – Минск: Книжный Дом, 2003. – 1280 с.
11. Мчедлова, М. М. Идентичность общероссийская // Российская цивилизация: Этнокультурные и духовные аспекты: Энциклопедический словарь [Текст] / Ред. кол.: Мчедлов М. П. и др.; Авт. кол.: Андреев А. Л. и др. – М.: Республика, 2001. – 544 с.
12. Никифорова, Л. В. Теории постиндустриального общества: наука или идеология? [Электронный ресурс] / Л. Н. Никифорова. – Режим доступа: www.terrahumana.ru/arhiv/06_01/06_01_04.pdf (дата обращения: 30.10.2014)
13. Поляков, Л. В. Модернизация соци-

альная // Новая философская энциклопедия [Электронный ресурс] / Л. В. Поляков. – Режим доступа: <http://iph.ras.ru/elib/1936.html> (дата обращения 10.01.2016).

14. Семенов, Ю. И. Философия истории [Текст] / Ю. И. Семенов. – М.: Современные тетради, 2003. – 776 с.

15. Смелзер, Н. Социология: пер. с англ. [Текст] / Н. Смелзер. – М.: Феникс, 1994. – 688 с.

16. Труфанова, Е. О. Человек в лабиринте идентичностей [Текст] / Е. О. Труфанова // Вопросы философии. – 2010. – № 2.

17. Федотова, Н.Н. Глобализация и изучение идентичности [Текст] / Н. Н. Федотова // Знание. Понимание. Умение. – 2011 – №1.

18. Федотова, Н. Н. Мультикультурализм и политика развития [Текст] / Н. Н. Федотова // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2006. – № 3–4.

19. Федотова, Н. Н. Теоретическая рефлексия динамики идентичности: формирование процессуальной теории. Специальность 22.00.01 – Теория, методология и история социологии Автореф. дис. докт. соц. наук [Текст] / Н. Н. Федотова. – М., 2013. – 50 с.

20. Huntington, S. P. The Change to Change: Modernization, Development and Politics [Text] / S. P. Huntington // Comparative Modernization. – New York. 1976.

УДК 930.26(470+571)

ББК 63.48(2)

ПАТОЛОГИЧЕСКИЕ ОТКЛОНЕНИЯ НА КОСТНЫХ ОСТАНКАХ ДЕТЕЙ ИЗ ПОДКУРГАННЫХ ЗАХОРОНЕНИЙ ЭПОХИ СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ С ТЕРРИТОРИИ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ И РЕСПУБЛИКИ КАЛМЫКИЯ²

Е. В. Перерва

Аннотация. В работе приводится анализ патологических состояний, выявленных на костных останках детей из погребений, датирующихся эпохой средней бронзы. В результате проведенного исследования удалось установить, что неполовозрелое население катакомбной культуры подвергались серьезному воздействию негативных факторов окружающей среды, которое, прежде всего, сказалось на высокой детской смертности. Для детской части населения эпохи средней бронзы были характерны систематические периоды голодания, что проявилось в развитии не кариозных патологий зубов и распространении алиментарных заболеваний: анемий и цинги. Кроме этого, проявление различного рода порозов и гиперостозов происходило, вероятно, в результате распространения диспепсических заболеваний, гельминтозов и авитаминозов. Также существует высокая вероятность распространения в детских сериях инфекций специфического и неспецифического характера.

Ключевые слова: палеопатология, дети, возраст, поротический гиперостоз, пороз, зубной камень, эмалевая недостаточность, воспалительные процессы, эпоха средней бронзы

PALEOPATHOLOGICAL ABNORMALITIES ON THE CHILDREN'S BONE REMAINS FROM BURIALS BENEATH BARROWS OF THE MIDDLE BRONZE AGE PERIOD IN THE LOWER VOLGA REGION AND THE REPUBLIC OF KALMYKIA

E. V. Pererva

Abstract. The paper provides an analysis of pathological abnormalities identified in the bone remains of children from burials dating back to the Middle Bronze Age. The result of the study showed that the immature children of the Catacomb culture were exposed to severe impact of negative environmental factors affecting high rates of infant mortality. The children of the Middle Bronze Age *systematically starved*. This provoked non-carious dental pathologies and nutritional disorders such as anemia and scurvy. In addition, the manifestation of various types of porosis and hyperostosis probably was caused by the spread of diarrheal

² Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № № 15-46-02056 p_поволжье_a.

diseases, helminthiasis and vitamin deficiencies. It is also highly probable that infections of specific and non-specific nature can be spread.

Keywords: paleopathology, children, age, parotic hyperostosis, porous, dental calculus, enamel hypoplasia, inflammation, the Middle Bronze Age.

Данное исследование посвящено изучению патологических состояний, выявленных на костях детей, извлеченных из погребений, датирующихся эпохой средней бронзы. Костные останки получены в результате археологических работ, проводившихся Волгоградскими и Калмыцкими археологами.

Материал и методика исследования. Всего изучено 50 индивидов, возраст которых не превышал 16 лет. Костный материал находился в различной степени сохранности: у 44 детей имелись фрагменты черепной коробки; у 33 человек, наряду с костями черепа были изучены останки посткраниального скелета.

В процессе анализа костных материалов использовались признаки, входящие в бланк фиксации патологических состояний на костях детей «*Scorbutic skeletons*», разработанный А. П. Бужиловой³. На костях черепа и костей посткраниального скелета фиксировался пороз и пористость костной ткани. Учитывались частоты встречаемости поротического гиперостоза глазниц (*cribra orbitalia*, далее по тексту – «СО») и костей свода черепа, отмечались признаки воспалительных процессов на костях посткраниального скелета в виде воспаления надкостницы. Анализируются патологические процессы, выявленные на внутренней поверхности костей свода черепа.

Производилась оценка возрастных особенностей исследуемой группы. Возраст детей определялся по состоянию зубной системы, в данном случае использовалась таблица степени развития и прорастания зубов разработанная Д. Убелакером [58], а также по рубрикации размеров диафизов длинных костей скелета и ключицы по схеме Д. Убелакера [58].

Возрастные особенности группы. Возрастные особенности серии характеризуются следующим образом. Наибольшее количество детей в эпоху средней бронзы, умирало в возрасте от 1-го года до 3 лет и с 4-х до 7 лет. На группы раннего и первого детства приходится 52 % от общей численности исследованных индивидов

по 13 человек в каждой серии. Различия в численном составе между остальными возрастными когортами незначительны: грудной возраст 8 индивидов, дети в возрасте 8–12 лет – 9 индивидов и самая малочисленная группа – это подростки всего 7 человек (табл. 1).

Преднамеренные прижизненные искусственные трансформации тела человека. На территории Нижнего Поволжья самые ранние находки преднамеренной искусственной деформации головы были зафиксированы на краниологических материалах катакомбной и единичных случаях – ямной культур. Частота встречаемости черепов со следами искусственной деформации в катакомбных могильниках следующая: от отсутствия их (могильники: Ольховка; Петрунино-II, Перегрузное-I и др.) и до 30–50 % (могильники: Орешкин-I, Авиловский-II, Абганерово-III, Котлубань и др.). В среднем по суммарной серии катакомбной культуры Нижнего Поволжья доля деформированных черепов составляет около 17,0 % [8].

В исследуемой выборке из 44 исследованных черепных коробок, только у 7 детей были зафиксированы признаки применения деформирующей конструкции, что составляет 16 % от суммарной выборки. В большинстве случаев наблюдается лобно-затылочная деформация башенного (высокого) типа (рис. 1).

Таким образом, в процентном соотношении показатели встречаемости деформированных черепов на материалах исследуемой выборки эпохи средней бронзы приближаются к цифрам характерным для взрослого населения данного времени Нижнего Поволжья.

О наличии обычая искусственной деформации у населения эпохи ранней и средней бронзы в своих работах писали Н. М. Глазкова, В. П. Чецов [7], Н. П. Маклецева [12], А. В. Шевченко [20], М. А. Балабанова [1; 2], А. А. Хохлов [19], А. А. Казарницкий [9], Е. В. Перерва [16] и многие другие.

На костных материалах катакомбной культуры исследователями отмечались такие способы деформации как затылочный и темено-затылочный (колыбельный), кольцевой (циркулярный), башенный, лобно-затылочный (подразумевающий использование специальных прессов с плоской поверхностью), конусовидный [7, 19, 2, 8, 16; 15].

³ Хотелось бы поблагодарить за возможность использовать в данном исследовании признаки из бланка, разработанного директором НИИ и Музея антропологии МГУ, член-корреспондентом РАН, доктором исторических наук А. П. Бужиловой.

Пальцевидные вдавления. Пальцевидные вдавления в норме на костях свода черепа определяются с 4–5 месячного возраста. В возрасте 10–15 лет они хорошо заметны в лобной, височной и весьма редко в затылочной и теменной области черепа. После 20 лет пальцевидные вдавления в норме отсутствуют или очень слабо видны на какой-либо кости свода черепа.

Повышение внутричерепного давления сказывается на истончении костей свода, что выражается в углублении пальцевидных вдавлений (*impressionses digitatae*) окаймляющих их мозговые гребни, расширении каналов диплоических вен и венозных выпускников, усилением борозд менингеальных сосудов. Проявление такого рода отклонений могут происходить при развитии синдрома внутричерепной гипертензии, внутричерепных опухолях, субэпидуральных гематомах, краниостенозе и гидроцефалии, паразитарных кист и абсцессов [18, с. 222; 37, р. 370; 22, р. 55; 50, р. 223].

Частота встречаемости пальцевидных вдавлений на детских материалах эпохи средней бронзы достаточно высока, в суммарной серии она достигает 39 %. Признаки повышенного внутричерепного давления выявлены во всех детских возрастных группах. Наивысшие значения, данные отклонения имеют в выборке второго детства и в подростковом возрасте. Также часто «*impressionses digitatae*» встречаются в группе раннего детства – 45 %.

***Cribræ orbitalia* и поротический гиперостоз.** Поротический гиперостоз (далее по тексту «ПГ») фиксируется макроскопически и проявляется на костной ткани в виде областей с множеством мелких отверстий или пороза на внешней поверхности. Являясь одной из наиболее часто встречаемых патологий, на палеоантропологических материалах поротический гиперостоз, в подавляющем большинстве случаев наблюдается на костях свода черепа, обычно на теменных костях и затылочной кости или в виде «*cribræ orbitalia*» на надглазничном своде орбит (рис. 2, 3, 4). Этиология поротического гиперостоза множественна и в научной литературе данной проблеме уделялось достаточно большое внимание. В подавляющем большинстве случаев возникновение данного состояния рассматривают в контексте оценки здоровья и особенностей питания древних человеческих популяций. Следует сказать, что поротический гиперостоз глазниц и костей свода черепа могут сопутствовать друг другу, так и встречаться по отдельности. В исследуемой группе было зафиксировано 5 случаев встречаемости *cribræ orbitalia* и поротического

гиперостоза костей свода черепа у одного и того же индивида. У этих индивидов наряду с вышеуказанными патологическими состояниями были отмечены и следы пороза на костях лицевого отдела черепа (клиновидная кость, верхняя и нижняя челюсть, твердое небо, височные кости). Всего же в исследуемой выборке эпохи средней бронзы было выявлено 12 «СО» и 6 наблюдений поротического гиперостоза костей свода черепа. Чаще всего «ПГ» встречается у детей в возрасте первого детства – 55 % и второго детства – 57 %. Два случая «ПГ» орбит и костей свода черепа были выявлены в группе детей раннего детства. Поротический гиперостоз не был зафиксирован в выборках детей грудного возраста и у подростков.

Пороз костей свода и лицевого отдела черепа. Следы пороза костей лицевого отдела черепа и нижней челюсти также достаточно часто фиксировались на останках детей из погребений эпохи средней бронзы (рис. 5, 6). Пороз различных областей лицевого отдела черепа был выявлен у 18 индивидов. Наибольшее распространение пороз получил в группах раннего детства – 45 % и второго детства – 86 %. Тем не менее, признаки разреженности костной ткани на костях лицевого отдела черепа и на нижней челюсти, фиксировался во всех возрастных группах.

Воспалительные процессы на черепе (субэпидуральные гематомы). Всего было выявлено 5 случаев поднадкостничных кровоизлияний на костях свода и лицевого отдела черепа.

Патологические дефекты на костях черепа со стороны эндокрана в исследуемой выборке можно разделить на две условные группы: периостит внутреннего кортикального слоя и белый налет (рис. 7); локальные гематомы в виде воспаления *durra matter* (субэпидуральные гематомы) (рис. 8).

Случаи фиксации подобного рода патологий выявлены практически во всех группах, за исключением серии детей в возрасте от 8 до 12 лет. Наивысшие показатели характерны для выборки детей первого детства 18 %.

Так у ребенка возрастом около 1 года из погребения 8 кургана 1 могильника Майоровский на внутренней поверхности лобной кости в области левого лобного бугра зафиксированы следы субэпидуральной гематомы в виде поднадкостничных кровоизлияний. Область патологии 12×12 мм. Вокруг дефекта отмечается деструкция кортикального слоя с переходом в слоистый периостит и белый налет. Следует отметить, что на внешней поверхности лобной кости

также отмечается деструкция надкостницы в области лобного бугра размером 10×12 мм. В области дефекта отмечается развитие гиперотоза с множеством питательных отверстий поверхность патологии неровная как и края (рис. 9–10).

Воспалительные процессы на костях посткраниального скелета. У 12 индивидов были выявлены признаки воспалительных процессов на костях посткраниального скелета. Подобного рода следы проявляются в виде развития периостита надкостницы. Самые высокие показатели воспалительных процессов на костях посткраниального скелета характерны для выборок детей раннего детства и второго детства. В группе неполовозрелых индивидов грудного возраста следов периоститов выявить не удалось.

В четырех случаях признаки воспалительных процессов сопутствуют различным патологическим отклонениям на черепной коробке: порозу костной ткани, поротическому гиперосозу или субэпидуральным гематомам.

У шести индивидов наблюдаются полиоссальные поражения костей периоститом, когда затрагиваются кости верхних и нижних конечностей, кости таза и туловища.

В подавляющем большинстве наблюдений периоститы выявляются в возрастных группах 1–3 года и 4–7 лет.

Чаще всего воспалительные процессы надкостницы фиксировались на большеберцовых костях у 9 индивидов, бедренных костях – 3 индивида и на локтевых костях, также у 3 индивидов.

Зубные патологии. Зубной камень (далее ЗК) – минерализованные отложения на коронках зубов. Причины и этиология заболевания до сих пор полностью не изучена. Хотя зубной камень достаточно часто отмечается при изучении палеоантропологического материала [25; 36]. По данным современных стоматологов минерализованные отложения образуются через несколько недель после появления зубного налета, локализуясь в районах зуба прилегающего к десне. Возникновение ЗК является фактором развития хронических гингивитов и периодонтитов, кариеса [10, с. 6–7]. Причиной возникновения минерализованных отложений является отсутствие гигиены рта, диета, базирующаяся на мягкой пище, скорость секреции слюны и ее состав [4]. Анализ встречаемости данного состояния в детской серии эпохи средней бронзы показал, что минерализованные отложения характерны для 41 % выборки (рис. 5, 11). Сравнение возрастных зависимостей выявило, что отложения зубного камня характерны только для определенных групп.

Минерализованные отложения появляются у детей катакомбного времени в возраст от 4 до 7 лет, фиксируясь более чем у половины индивидов. Частоты повышаются с возрастом, достигая своего пика в период второго детства и у подростков – 86 %. Цвет зубного камня обычно светло-желтый, по своей структуре твердый. Степень его развития в детских возрастных группах от 1 до 2 балла.

Эмалевая недостаточность (эмалевая гипоплазия далее ЭГ) – еще один широко распространенный маркер стресса, который встречается на зубах палеопопуляций. Макроскопически «ЭГ» характеризуется как множественные дефекты в структуре эмали зуба, обусловленные недостаточностью и утончением ее развития. Проявляется в различных формах – от маленьких до больших отверстий или чаще всего глубокими и множественными линиями отсутствия эмали [38, р. 44–45].

В настоящий момент есть несколько точек зрения относительно причин происхождения эмалевой недостаточности. Так, по мнению С. Вольфа однозначно ответить на вопрос об этиологии ЭГ практически не возможно [55, р. 22]. А. Гудман и Дж. Роуз предполагают, что определяющие факторы, при которых возникает эмалевая недостаточность – это стрессы, возникающие в результате воздействия внешней среды [34]. Ряд исследователей также высказали мнение, что длительные голодовки и болезни различной этиологии влияют на возникновение «ЭГ» [33; 53]. М. Блеки и Дж. Армелагос высказали гипотезу, которая объясняет возникновение эмалевой гипоплазии из-за стресса, происходящего в организме ребенка при переходе от грудного вскармливания к постоянной пище [24, р. 378].

Эмалевая гипоплазия в исследуемой выборке была зафиксирована у 12 индивидов, что составляет 27 % от общей выборки. Возрастные зависимости показывают, что неравномерность в развитии эмали начинает встречаться у детей раннего детства – 1 наблюдение. Частоты проявления эмалевой недостаточности растут с возрастом, достигая своего пика в группе подростков 71 %.

Основные результаты исследования.

Проведенное палеопатологическое исследование костных останков детей эпохи средней бронзы позволяет нам сделать следующие выводы.

По сравнению с детской серией эпохи ранней бронзы, выборка неполовозрелых индивидов катакомбного времени более репрезентативна, в ней представлены все возрастные группы детей.

Уровень детской смертности в катакомбное время на территории Южнорусских степей достаточно высок – 65 %. Этот показатель близок к максимальным значениям серий синхронного населения с других территорий, что означает существенное давление негативных факторов внешней среды на популяции в это время. Наивысшие показатели смертности в исследуемой серии приходится на такие возрастные интервалы как раннее детство и первое детство. Имея одинаковые значения в процентном соотношении в совокупности, эти возрастные когорты имеют 52 % от общей численности умерших детей в катакомбное время. В остальных возрастных группах численность умерших детей варьируются незначительно, минимально в подростковом возрасте и максимально у группы второго детства (табл. 1).

Что же касается анализа смертности детей в возрастных группах, то картина, выявленная у населения, оставившего подкурганное захоронения, в Южнорусских степях в эпоху бронзы, достаточно специфичная. Полных аналогий найти ей не удастся. Вероятнее всего, данная ситуация связана со специфическим комплексом негативных факторов, оказывающих влияние на неполнозрелых индивидов, например, таких как климатические и географические особенности региона, а также образ жизни нижеволжского населения в эпоху бронзы.

Наиболее часто встречаемыми отклонениями на костях и зубах детей эпохи средней бронзы были следы пороза костей свода и лицевого отдела черепа, а также отложения зубного камня на коронках молочных и постоянных зубов – 41 % (табл. 2).

Пороз костей черепа, в виде хорошо просматриваемых отверстий менее 1 мм в диаметре, локализующиеся в тонкой костной поверхности начиная с работы Д. Ортнера и М. Эриксен [46], целым рядом авторов отождествляется с таким заболеванием как цинга [47; 23; 43; 56; 28; 31; 35]. Д. Ортнер с соавторами установил, что макроскопические изменения на костных останках, которые можно отождествить с цингой проявляются в виде пороза больших крыльев сфеноида (клиновидная кость), свода глазниц, альвеолярных краев верхней и нижней челюсти [46, р. 215; 47, р. 330; 44, р. 208–209]. Этим патологиям могут сопутствовать пористость надорбитальной области глазниц, задней подглазничной части верхней челюсти, внутренней поверхности скуловых костей, внутренней поверхности альвеол, височной кости вокруг слухового отверстия, внутренней части коронарных отростков нижней

челюсти, а также периостит на диафизах костей и пороз ребер, метафизарной и эпифизарной части длинных костей скелета [42, р. 79; 23, р. 163–172; 51, р. 36–39]. Однозначно ответить на вопрос о присутствии цинги в детских группах эпохи средней бронзы еще достаточно сложно. В то же время отрицать такую возможность нельзя. Однако проблема заключается в том, что наряду с порозом костей свода черепа и лицевого отдела у детей катакомбного времени встречаются такие отклонения, как поротический гиперостоз костей свода черепа и глазниц (далее *cribra orbitalia*), что в свою очередь является признаком развития генетической или хронической анемии, перенесенной в детстве [29, р. 126]. Кроме этого в работе М. Цукерман и др. [57] указывается о сложности дифференциальной диагностики цинги и анемии, в детских сериях палеопопуляций, в связи со схожестью патологических состояний и маркеров. В некоторой мере данная ситуация характерна и для исследуемой нами выборки. Из 18 случаев пороза костей лицевого отдела черепа у 9 индивидов зафиксирована *cribra orbitalia*, а у 6 набор патологических отклонений добавляется поротическим гиперостозом костей свода черепа. В связи с этим, приведем перечень вероятных причин появления поротического гиперостоза у детского населения эпохи бронзы. Прежде всего, это могли быть разнообразные диспепсические заболевания [54, р. 115; 26, р. 405–410; 28, р. 131]. Болезни желудочно-кишечного тракта могут приводить к уменьшению витамина В12, к истощению организма в результате нехватки всего комплекса витаминов группы «В», витамина «С», «Е» и конечно же железа [54, р. 115; 30]. Некоторые исследователи связывают развитие гиперостоза глазниц и костей свода черепа с таким заболеванием как железодефицитная анемия [6; 45, р. 257–258]. Ряд ученых сходится во мнении, что поротический гиперостоз, являясь маркером железодефицитной анемии, наиболее характерен для детских серий и чаще проявляется именно в них [29, р. 129; 30, р. 323; 49, р. 206; 48, р. 168; 52, р. 347 и многие другие). Так, Н. Лоувелл указывает, что «*cribra orbitalia*» особенно ярко проявляется у новорожденных и детей в возрасте от 6 месяцев до 12 лет [41, р. 116]. Схожую направленность удалось проследить автору данной работы в выборках из некрополей Красноярского городища [14, с. 155; 15, с. 345]. Кроме того существует ряд эндемичных, передающихся по наследству заболеваний, которые также приводят к появлению на костных останках «СО» и «ПГ» костей свода черепа. Прежде всего, это талассемия (анемия Кули) которая

распространена в странах средиземноморья, Азии и Африки. [3, с. 371; 54, р. 112–113], серповидно-клеточная анемия [52, р. 348], мегалобластическая анемия (анемия пернициозная) возникающая в результате нехватки в организме витамина В12 и железа, основным источником которого является мясная пища. Данное заболевание часто встречается в популяциях, чей рацион основан на вегетарианской диете. Как указывает Ф. Волкер и др. данный тип анемии может возникнуть у младенцев, имеющих незначительных резерв витамина В12, в течение одного месяца, если у женщины кормящей молоком ребенка уровень данного микроэлемента снижается в организме [54, р. 114].

Таким образом, все вышеуказанные факторы могли повлиять на распространение патологических отклонений на костях свода и лицевого отдела черепа у детей эпохи средней бронзы могильников Нижнего Поволжья.

Оценивая высокую частоту встречаемости зубного камня у неполовозрелого населения эпохи средней бронзы, выскажем следующее мнение. Исследование, детских серий Нижнего Поволжья начиная с эпохи ранней бронзы и заканчивая позднесредневековым временем, демонстрирует устойчивую встречаемость данного отклонения в группах. Так, у детей ямной культуры минерализованные отложения начинают встречаться также в возрасте 4–7 лет, достигая своего пика у подростков. У городского населения золотой орды зубной камень встречается намного реже и в основном фиксируется у индивидов 12–16 лет. Такое наблюдение говорит о том, что период перехода от грудного питания к постоянной пищи у племен эпохи ранней и средней бронзы был одинаков. И у тех и у других он выпадал на возраст 3–4 года. Аналогии подобному вскармливанию младенцев и детей были описаны Т. Дюпрасом и др. при изучении останков из кладбища Келлис 2 Дахлехского оазиса из Египта римского времени. Ученые пришли к выводу, что египтяне в это время кормили детей грудью достаточно продолжительное время. Процесс отъема от груди был постепенный и начинался он приблизительно с 18 месяцев и заканчивался в 3 года. В это время ребенку в рацион добавляли яйца, козье молоко, смешанное с медом, молоко коровы [27, р. 204–205].

Вероятно, диета неполовозрелых индивидов эпохи средней бронзы состояла из мягких продуктов, богатых углеводами, возможно мучного – растительного, происхождения, не исключено, что рацион детей-катакомбников дополнялся изделиями, богатыми белками, такими как:

мясо, молоко, яйца. У данной когорты практически полностью отсутствовала гигиена ротовой полости, хотя такое отношение к состоянию зубов не провоцировало развитие кариеса в более зрелом возрасте, что подтверждается более ранним исследованием [15]. Тем не менее, изучение зубной системы взрослой выборки эпохи средней бронзы говорит о существовании в группе периодонтитов и прижизненной утраты.

Существование стрессов, которые приводили к возникновению заболеваний, связанных с нехваткой микроэлементов в организме неполовозрелых индивидов, и существенно осложняли жизнь детей эпохи средней бронзы, доказывает присутствие у них эмалевой гипоплазии. Недоразвитие эмалевого покрова в современной медицине различают на гипоплазию временных зубов и гипоплазию постоянных зубов. Последняя встречается чаще.

Эмалевая недостаточность молочных зубов обусловлена нарушениями в организме беременной женщины и наблюдается чаще у недоношенных детей с врожденной аллергией, перенесших родовую травму или родившихся в состоянии асфиксии. Гипоплазия постоянных зубов возникает у детей, перенесших различные заболевания в период минерализации и формирования постоянных зубов. К таким заболеваниям относятся рахит, острые инфекционные, диспепсия, врожденный сифилис, нарушения мозговой деятельности, гиповитаминозы А, С, Д, нефрозы [11, с. 157].

Также маркерами, являющимися индикаторами неблагоприятного воздействия внешней среды на детей эпохи средней бронзы являются признаки воспалительных процессов на костях черепа и посткраниального скелета. Всего было зафиксировано 5 наблюдений следов воспалительных процессов на костях свода черепа с внутренней стороны и 11 случаев периостальных реакций на костях посткраниального скелета. Анализ возрастных зависимостей в распространении этих патологических состояний скорее демонстрирует казуальный характер их проявления, так как признаки воспалений выявляются во всех возрастных группах, начиная с грудничков и кончая подростками.

Эндокраниальные патологии на костных останках детей, являющиеся результатом воспаления или кровоизлияния мозговых оболочек черепа, описаны во многих сериях различных исторических периодов и различной географической локализации [40, р. 581–586; 39, р. 82–97; 21, с. 276–299; 23, р. 163–172]. Этиология этих состояний множественна, и в настоящий момент уточняется в научной литературе. Так считается,

что основными причинами менингеальных реакций могут быть травмы, первичная или вторичная инфекция мозговой оболочки, опухоли, туберкулез, сифилис, недостаток витаминов А, С, и D также может быть фактором воспаления менингеальной оболочки мозга [39, р. 93]. Менингеальные болезни и геморрагии в литературе делят на воспалительные процессы, которые приводят к менингитам (бактериальным, вирусным, грибковым, менингиты вызванные простейшими), на неинфекционные причины воспалительных процессов т.н. «менингеозы» и геморрагические процессы, вызванные обычно травмой черепа или родовой травмой [21, с. 278–280].

Следов травматических повреждений следствием, которых могли явиться геморрагические процессы на внутренней поверхности костей свода черепа, в исследуемой выборке не обнаружено, что, скорее всего, исключает возможность возникновения воспалений из-за травм. Большая часть выявленных дефектов, таких как воспаление «durra matter», вероятно, имеют геморрагическое свойство. Вероятными причинами таких патологий может быть цинга, бактериальные или вирусные менингиты и т. д.

В 11 случаях, когда следы воспалительного процесса выявлялись на костях посткраниального скелета, они проявлялись в виде пороза, переходящего в воспаление надкостницы. В основном дефекты отмечаются на диафизах и метафизарных областях длинных костей конечностей.

В шести случаях периоститы на костях посткраниального скелета сопровождалась порозом костей свода и лицевого отдела черепа, а в трех случаях поротическим гиперостозом глазниц и свода черепа. В данных случаях скорее следует говорить о системных или хронических изменениях происходящих в организме детей, вероятно, вызванных недостатком микроэлементов.

В других шести случаях наблюдаются поражения отдельных костей скелета периоститом. У двух индивидов это полиоссальные формы патологических состояний, а четырех выявлены следы воспалений на крестце и больших берцовых костях.

Вероятными причинами периоститов костей посткраниального скелета могут быть как неспецифические, так и специфические инфекции. Кроме этого, на появление воспалительных процессов берцовых костей и других костей скелета могут быть травмы, сифилис, рахит (костные останки детей из погребения 3 и 4), переизбыток витамина «А», а также, наоборот, недостаток витамина «С», так как симметричные пора-

жения костей посткраниального скелета, а иногда и ребер является еще одним надежным маркером для фиксации эпидемий цинги у детей в древних популяциях. Тем не менее, все-таки нельзя исключать и возможную причину присутствия в группе специфических инфекций. Воспалительные процессы обычно вызываются такими агентами, как «treponeма» (тропическая гранулема, фрамбезия, сифилис), туберкулез, лепра, подвергающиеся дифференциальной диагностике [32, р. 32–33].

Таким образом, в результате проведенного исследования патологических состояний, зафиксированных на костных останках непопозрелых индивидов, датирующихся эпохой средней бронзы и происходящих из подкурганых захоронений Южнорусских степей можно предположить, что дети катакомбной культуры подвергались серьезному воздействию негативных факторов окружающей среды. Прежде всего, это сказалось на высокой детской смертности в таких возрастных группах, как раннее и первое детство. Возможно, для катакомбного населения Юга России были характерны систематические периоды голодания, что проявилось в развитии не кариозных патологий зубов и распространении алиментарных заболеваний: анемий и цинги.

Кроме этого причинами широкого проявления различного рода порозов и гиперостозов могут быть диспепсические болезни, гельминтоз, авитаминоз.

Еще одно обстоятельство, которое могло приводить к смерти детей эпохи средней бронзы, – это распространение инфекций специфического и неспецифического характера. Выявленные признаки воспалительных процессов на костях черепа со стороны эндокрана и на костях посткраниального скелета характерны для всех возрастных групп, что свидетельствует о системности воздействия стресса. Вероятно, плохая санитарная обстановка, низкая культура ухода за детьми, отсутствие условий для личной гигиены способствовали появлению инфекций и эпидемий.

Библиографический список

1. Балабанова, М. А. О древних макрокефалах Восточной Европы [Текст] / М. А. Балабанова // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. – М.: Изд-во ИА РАН, 2004. Вып. 3.
2. Балабанова, М. А. Катакомбная культура Волго-Донского междуречья по антропологическим данным [Текст] / М. А. Балабанова // Материалы III Международной Нижневолжской

археологической конференции. – Астрахань, 2010.

3. *Билич, Г. Л.* Большой толковый медицинский словарь. [Текст] Г. Л. Билич / Т. 1–2. 2001.

4. *Боровский, Е. В.* Биология полости рта [Текст] Е. В. Боровский, В. К. Леонтьев. – М.: Медицина, 1991. – 301 с.

5. *Бужилова, А. П.* Палеопатология в биоархеологических реконструкциях [Текст] / А. П. Бужилова // Историческая экология человека. Методика биологических исследований. – М., 1998.

6. *Бужилова, А. П.* Homo sapiens: История болезни [Текст] / А. П. Бужилова. Ин-т археологии РАН. – М.: 2005.

7. *Глазкова, Н. М.* Палеоантропологические материалы Нижневолжского отряда Сталинградской экспедиции [Текст] / Н. М. Глазкова, В. П. Чтецов // МИА. – 1960. – № 78.

8. *Добровольская, М. В.* Искусственная деформация головы у носителей традиций среднедонской катакомбной археологической культуры (по материалам первого Власовского могильника) [Текст] / М. В. Добровольская // Искусственная деформация головы человека в прошлом Евразии // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. – М.: ИА РАНБ 2006.

9. *Казарницкий, А. А.* К вопросу о палеоантропологии Северо-Западного Прикаспия в эпоху бронзы [Текст] / А. А. Казарницкий // Микроэволюционные процессы в человеческих популяциях. – СПб., 2009.

10. *Леус П.А.* Отложения на зубах. Роль зубного налета в физиологии и патологии полости рта: а: учеб.-метод. пособие [Текст] / П.А. Леус. – Минск: БГМУ, 2007. – 32 с.

11. *Макеева, И. М.* и др. Болезни зубов и полости рта: учебник [Текст] / И. М. Макеева. – М.: ГЭЦЕФЗ-Медиаб 2012. – 248 с.

12. *Маклецова, Н. П.* Рентгенологическое изучение искусственно деформированных черепов древних эпох из Средней Азии и Поволжья [Текст] / Н. П. Маклецова // Проблемы этнической антропологии и морфологии человека. – Л., 1974.

13. *Перерва, Е. В.* Маркеры стресса как индикаторы адаптации (по материалам золотоордынского могильника Маячный Бугор) [Текст] / Е. В. Перерва // Микроэволюционные процессы в человеческих популяциях. – СПб.: МАЭ РАН, 2009.

14. *Перерва, Е. В.* Вакуровский могильник Красноярского городища эпохи Золотой Орды (археология и антропология). [Текст] / Е. В. Пе-

рерва [и др.]. – Волгоград: ФГОУ ВПО Волгоград. Академия гос. службы, 2010. – 208 с.

15. *Перерва, Е. В.* Палеопатологические особенности населения Нижнего Поволжья из подкурганых захоронений эпохи ранней бронзы [Текст] / Е. В. Перерва // Известия ВГПУ 2013.

16. *Перерва, Е. В.* Коллекция искусственно деформированных черепов научно-учебного кабинета-музея Антропологии Волгоградского государственного университета. Палеоантропология: научное издание. [Текст] / Е. В. Перерва, М. А. Балабанова, Е. Г. Зубарева – Волгоград: Изд-во ФГБОУ ВПО Волгоградский филиала РАНХиГС, 2013. – 116 с.

17. *Рохлин, Д. Г.* Болезни древних людей (кости людей различных эпох нормальные и патологические изменения) [Текст] / Д. Г. Рохлин. – М.; Л.: Наука, 1960. – 302 с.

18. *Руцкий, А. В.* Рентгено-диагностический атлас: атлас. Ч.1. Болезни опорно-двигательного аппарата [Текст] / А. В. Руцкий, А. Н. Михайлов. – Минск, Высшэйш. шк. 1987, 288 с.

19. *Хохлов, А. А.* Основные проблемы палеоантропологии ямной культуры [Текст] / А. А. Хохлов // Проблемы изучения ямной культурно-исторической области. – Оренбург, 2006.

20. *Шевченко, А. В.* Антропология населения южнорусских степей в эпоху бронзы [Текст] / А. В. Шевченко // Антропология современного и древнего населения европейской части СССР. – Л.: 1986.

21. *Шульц, М.* Морфология и классификация следов менингеальных реакций на древних черепках (проблемы диагностики на примере средневековых популяций Киева) [Текст] / М. Шульц, А.Д. Козак // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. Сб. ст. – М., Вып. 6.: 2008.

22. *Biewer, U.* Medizinische und zahnmedizinische Untersuchungen der spät-römischen Bestattungen aus den Grabungen am Abteiplatz St. Matthias und der Schöndorfer Straße zu Trier [Текст] / U. Biewer // Dissertation zur Erlangung des Grades eines Doktors der Zahnheilkunde 2007, 127 с.

23. *Brickley, M., Ives R.* Skeletal Manifestations of Infantile Scurvy [Текст] / M. Brickley, R. Ives // American Journal of Physical Anthropology, 2006, Vol.129.

24. *Blakey, M. L., Armelagos G.J.* 1985. Deciduous enamel defects in prehistoric Americans from Dickson Mounds: prenatal and postnatal stress. [Текст] / M. L. Blakey G. J. Armelagos // Am J Phys Anthropol 66.

25. *Brothwell, D. R.* Digging up Bones [Текст] / D. R. Brothwell – London: Trustees of British Museum, 1995.
26. *Carlson, D., Armelagos G.J., D. Van Gerven* Factors Influencing the Etiology of Cribra Orbitalia in Prehistoric Numibia [Текст] / D. Carlson. G.J. Armelagos, D. Van Gerven // *Journal of Human Evolution*, vol. 3, 1974.
27. *Dupras, T. L.* Infant Feeding and Weaning Practieces in Roman Egypt [Текст] / T. L. Dupras et al // *American Journal of Physical Anthropology*, № 115, 2001.
28. *Everett, K. K.* Subadult Health and Mortality at Gordontown: The Possible Effects of Weaning and Agriculture [Текст] / K.K. Everett // *Tennessee Archaeology*, Vol. 7, Fall 2013, № 1.
29. *Facchini, F.* Cribra orbitalia and cribra crani in Roman Skeletal Remains from the Ravenna Area and Rimini (I-IV Centure AD) [Текст] / F. Facchini et al. // *International Journal of Osteoarchaeology*, Vol. 7, 1997.
30. *Fairgrieve, S. I.* Cribra Orbitalia in Two Temporally Disjunct Population Samples From the Dakhleh Oasis, Egypt [Текст] / S. I. Fairgrieve, J. E. Molto // *American Journal of Phisical Anthropology*. 2000. №. 111.
31. *Geber Jonny, Murphy Eileen* Scurvy in the Great Irics Famine: Evidence of Vitamin C Deficiency From a Mid-19th Centure Skeletal Population [Текст] / J.Geber, Eil. Murphy // *American Journal of Physical Anthropology*. – 2012. – № 148.
32. *Goodman, A. H.* Indications of Stress from Bone and Teeth [Текст] / A. H. Goodman, G. J. et al. // *Paleopathology at the origins of agriculture*. Eds. Cohen M. N. and Armelagos G. L. Orlando, 1984.
33. *Goodman, A. H.* 1988. Childhood stress and decreased longevity in a prehistoric population. [Текст] / A. H. Goodman, G. J. Armelagos // *Am Anthropol* 90.
34. *Goodman, A. H.* Dental enamel hypoplasia as indicators of nutritional status [Текст] / A. H. Goodman, C. J. Rose – In: Kelley MA, Larsen CS, editors. *Advances in dental anthropology*. – New York: Wiley Liss. 1991.
35. *Halcrow, S. E.* First bioarchaeological evidence of probable scurvy in Southeast Asia: Multifactorial etiologies of vitamin C deficiency in tropical environment[Текст] / S. E. Halcrow // *International Journal of Paleopathology* 5 (2014).
36. *Hillson, S.* Teeth. Cambridge manuals in Archaeology. [Текст] / S. Hillson. – Cambridge: Cambr. Univ. Press, 1985. 368 p.
37. *Jankauskas, R.* History of human tuberculosis in Lithuania: possibilities and limitations of paleosteological evidences [Текст] / R. Jankauskas. // *Bull. Et Mem. De la Societe d Anthropologie de Paris*, n.s., t. 10, 1998.
38. *Larsen, C. S.* Bioarchaeology: interpreting behavior from the human skeleton [Текст] / C. S. Larsen – Cambridge University Press, 1997.
39. *Lewis, M. E.* Endocranial Lesions in Non-adult Skeletons: Understanding their Aetiology [Текст] / M.E. Lewis // *International Journal of Osteoarchaeology*, Vol. 14, 2004.
40. *Lewis, M. E., Roberts Ch.* Crowing Pains: the Interpretation of Stress Indicator // *International Journal of Osteoarchaeology*, Vol. 7, 1997.
41. *Lovell, N.* Anaemia in the Ancient Indus Valley [Текст] / N. Lovell // *International Journal of Osteoarchaeology*, Vol. 7, 1997.
42. *Maat, G.J.R.* Scurvy in Adults and Youngsters: the Dutch Experience. A Review of the History and Pathology of a Disregarded Disease [Текст] / G.J.R. Maat // *International Journal of Osteoarchaeology*. – 2004. – № 14.
43. *Mahoney Swales, D. and Nystrom, P.* (2009) Skeletal Manifestation of Non-Adult Scurvy from Early Medieval Northumbria: The Black Gate Cemetery, Newcastle-upon-Tyne. [Текст] / D. Mahoney and P. Nystrom. – In Lewis, M, E. and Clegg, M. (eds.) *Proceedings of the 9th Annual Conference of the British Association for Biological Anthropology and Osteoarchaeology*, University of Reading. BAR International Series 1918.
44. *Melikian, M.* An Examination of Skulls from Two British Sites for Possible Evidence of Scurvy [Текст] / M. Melikian, T. Waldron // *International Journal of Osteoarchaeology*, Vol. 7, 2003.
45. *Ortner, D. J.* Identification of Pathological Conditions in Humah Skeletal Remains [Текст] / D. J. Ortner, W.G.J. Putschar – Washington,: Smithsonian Institution Press, 1981.
46. *Ortner, D. J.* Bone Changes in the Human Skull Probably Rusulting from Scurvy in Infancy and Childhood Poland [Текст] / D. J. Ortner, M. F. Ericksen // *International Journal of Osteoarhaeology*. 1997. Vol. 7.
47. *Ortner, D. J.* Probably Evidence of Scurvy in Subadults From Archeological Sites in Peru. Poland [Текст] / D. J. Ortner et al. // *American Journal of Physical Anthropology*. 1999. Vol. 108.
48. *Pietrusewsky, M.* Intensification of Agriculture at Ban Chiang: Is There Evidence from the Skeletons? [Текст] / M. Pietrusewsky M. T. Dougla // *Asian Perspectives*, Vol. 40 No. 2, 2002.
49. *Piontek, J.* Frequency of Cribra Orbitalia in the Subadult Medieval Population from Gruczno, Poland [Текст] / J. Piontek, T. Kozlowski // *International Journal of Osteoarchaeology*, Vol. 12, 2002.
50. *Pospíšilová, B.* Paleopathological Find-

ings of Dry Skulls with Plagiocephaly [Текст] / В. Pospíšilová, O. Procházková // ACTA MEDICA (Hradec Králové) 2006; 49(4).

51. *Stuart-Macadam, P.* Porotic hyperostosis: Changing interpretations // Human Paleopathology. [Текст] / P. Stuart-Macadam /Current Sytheses and Future Options. Edited by Donald J. Ortner and Arthur C. Aufderheide/ A Symposium held at the International congress Anthropological and Ethnological Sciences Zagreb, Yugoslavia, 24-31 July 1988. – W-L.: Smithsonian Institution Press, 1988.

52. The Cambridge Encyclopedia of Human Paleopathology by Arthur C. Aufderheide & Conrado Rodriguez-Martin. United Kingdom, Cambridge University Press, 1998.

53. *Temple, D. H.* A comparative study of stress episode prevalence and duration among Jomon period foragers from Hokkaido. [Текст] / D. H. Temple et al. // Am J Phys Anthropol, 2013, 152.

54. *Walker, Ph. L.* The Cause of Porotic Hyperostosis and Cribra Orbitalia: A Reappraisal of the Iron-Deficiency-Anemia Hypothesis [Текст] / Ph.L. Walker et al. // American Journal of Physical An-

thropology 2009, № 139.

55. *Wolfe, Chr.* Enamel Hypoplasia and Early Mortality: Interpreting Developmental Stress at Neales Landing, West Virginia (46Wd39) [Текст] / Chr. Wolfe // A thesis submitted in partial fulfillment of the requirements for the Bachelor of Arts Degree. Department of Anthropology. Dickinson College. May 2014.

56. *Van der Merwe, A. E.* Adult Scurvy in Skeletal Remains of Late 19th Century Mineworkers from Kimberley, South Africa [Текст] / A. E. Van der Merve et al // International Journal of Osteoarchaeology (2010), 20 (3).

57. *Zuckerman, M. K.* Anemia or scurvy: A pilot study on differential diagnosis of porous and hyperostotic lesions using differential cranial vault thickness in subadult humans [Текст] / M. K. Zuckerman et al. // International Journal of Paleopathology 5 (2014).

58. *Ubelaker D. H.* Human skeleton; Anthropometry; Archaeology; Paleopathology; Methodology. [Текст] / D. H. Ubelaker Aldine Pub. Co. (Chicago), 1978.

ТАБЛИЦЫ

Таблица 1

Возрастные особенности неполодозрелой серии эпохи средней бронзы

Возрастные когорты	Суммарная серия	
	n	%
Грудной возраст (до 1 года)	8	16 %
Раннее детство (1–3 года)	13	26 %
Первое детство (4–7 лет)	13	26 %
Второе детство (8–12 лет)	9	18 %
Подростковый возраст (12–16 лет)	7	14 %

Таблица 2

Признаки некоторых патологических состояний на черепе и костях посткраниального скелета

Название патологий/аномалий	S	N	%
Деформация черепа	44	7	16 %
Метопический шов	44	1	2 %
Дополнительные кости в швах черепа	44	5	11 %
Остеомы	44	1	2 %
Пальцевидные вдавлен	44	17	39 %
Зубной камень	44	18	41 %
Эмалевая гипоплазия	44	12	27 %
Пороз костей свода и лицевого отдела черепа ⁴	44	18	41 %
Cribra orbitalia	44	12	27 %
Поротический гиперостоз костей свода черепа	44	6	14 %
Периостит на костях посткраниального скелета	33	1	36 %

⁴ Подразумевается набор признаков из бланка «*Scorbuticskeletons*», разработанный А. П. Бужиловой в 1997 г.

Таблица 3

Возрастные зависимости в проявлении некоторых патологических состояний в детской серии эпохи средней бронзы

Название патологий, аномалий/Возраста	Грудной возраст	Раннее детство	Первое детство	Второе детство	Подростковый возраст
	N/%	N/%	N/%	N/%	N/%
Деформация черепа	1/13%	1/9%	3/27%	1/14%	1/17%
Метопический шов	0/13%	0/0%	0/0%	1/14%	0/0%
Дополнительные кости в швах черепа	0/13%	0/0%	2/18%	2/29%	1/14%
Остеомы	0/13%	0/0%	0/0%	0/0%	1/14%
Пальцевидные вдавлен	1/13%	5/45%	3/27%	4/57%	4/57%
Зубной камень	0/0%	0/0%	6/55%	6/86%	6/86%
Эмалевая гипоплазия	0/0%	1/9%	3/27%	3/43%	5/71%
Пороз костей свода и лицевого отдела черепа	1/13%	5/45%	4/36%	6/86%	1/1%
Striba orbitalia (гиперостоз орбит)	0/0%	2/18%	6/55%	4/57%	0/0%
Поротический гиперостоз костей свода черепа	0/0%	2/18%	1/9%	3/43%	0/0%
Под надкостничные кровоизлияния	1/13%	1/9%	2/18%	0/0%	1/14%
Периостит на костях посткраниального скелета	0/0%	4/50%	4/27%	3/43%	1/20%

РИСУНКИ

Рис. 1. Деформированная черепная коробка ребенка возрастом около 1 года, из погребения 3 кургана 1 могильника Майоровский

Рис. 2. Поротический гиперостоз теменной кости ребенка 1,5–2 лет из погребения 12 кургана 1 могильника Малые Дербеты II, раскопки 2007 года

Рис. 3. Поротический гиперостоз на затылочной и теменных костях ребенка 8–8,5 лет из погребения 3 одиночного кургана близ хутора Водяновский

Рис. 4. «Striba orbitalia» – поротический гиперостоз глазниц ребенка 7–8 лет из погребения 7 одиночного кургана близ хутора Водяновский

Рис. 5. Пороз коронаидного отростка нижней челюсти ребенка 8–8,5 лет из погребения 3 одиночного кургана близ хутора Водяновский

Рис. 6. Пороз задней поверхности верхней челюсти ребенка 8–8,5 лет из погребения 3 одиночного кургана близ хутора Водяновский

Рис. 7. Следы воспалительного процесса на внутренней поверхности теменной кости ребенка 1–2 лет из погребения 1 кургана 11 могильника Малые Дербеты II, раскопки 2007 года

Рис. 8. Эпидуральная гематома на внутренней поверхности черепа ребенка 10–11 лет из погребения 3 кургана 1 могильника Малые Дербеты II, раскопки 2007 года

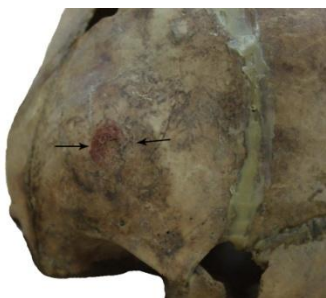

Рис. 9. Дефект на лобной кости коробка ребенка возрастом около 1 года, из погребения 3 кургана 1 могильника Майоровский (вид с боку)

Рис. 10. Дефект на лобной кости коробка ребенка возрастом около 1 года, из погребения 3 кургана 1 могильника Майоровский (вид спереди)

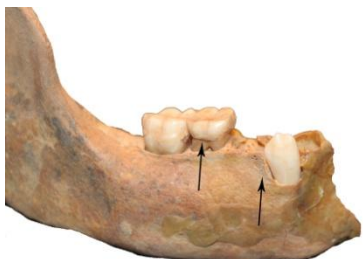

Рис. 11. Зубной камень на молочных молярах и пороз альвеолярного края нижней челюсти ребенка 7–8 лет из погребения 7 одиночного кургана близ хутора Водяновский

Рис. 12. Горизонтальные линии эмалевой недостаточности (гипоплазии) на зубах нижней челюсти подростка 14–16 лет из погребения 2 камера 2 кургана 13 могильника Ергенинский I

УДК 130.2
ББК 71

ПРОБЛЕМА УСТОЙЧИВОСТИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗМОВ В СВЕТЕ ТИПОЛОГИИ КУЛЬТУР

И. М. Лаврухина

Аннотация. В статье анализируются механизмы устойчивого существования общественных структур в разных типах общества. Предложена типология культур по принципу ценностных ориентаций в деятельности людей. В этой связи выделены трансцендентный и трансценденталистский типы культур. Анализируются их особенности и статус человека в них. Обоснована большая понятность и эффективность в регуляции поведения человека субординационных отношений трансцендентной культуры, чем координационных связей трансценденталистской культуры. Предлагается интерпретация различных политических ценностей и этических понятий в связи с выделенной типологией культур. Делается вывод о сущности демократии как реалии западной культуры и невозможности внесения ее «сверху» в другую культуру. Экспорт демократии в незападные условия успешно подрывает формы социального порядка местной культуры. Анализируются предпосылки и трудности формирования гражданского общества в России.

Ключевые слова: власть, демократия, демократические ценности, свобода, гражданское общество, российское гражданское общество, культура, трансцендентная культура, трансценденталистская культура.

PROBLEM OF STABILITY OF PUBLIC ORGANISMS IN THE LIGHT OF A TYPOLOGY OF CULTURES

I. M. Lavrukhina

Abstract. The article analyzes mechanisms of sustainable existence of public structures in different types of society. The typology of cultures is based on the set of values typical for human activity. In this regard, transcendental and transcendentalist types of cultures are identified with the further analysis of their distinguishing features, the position of the man. It is justified that the regulation of human behavior is clearer and more effective in terms of the subordinated relations of transcendental culture in comparison with the coordination of transcendentalist culture. The interpretation of various political values and ethical concepts is on the basis of the typology of cultures. The results show that democracy as the reality of Western culture cannot be attained in any other culture. Export of democracy to non-western conditions successfully destroy the forms of a social order of the local culture. Prerequisites and difficulties of formation of civil society in Russia are analyzed.

Keywords: power, democracy, democratic values, freedom, civil society, Russian civil society, culture, transcendental culture, transscendentalistky culture.

Главная функция социальной системы – это обеспечение своего устойчивого существования, выживание в трудных условиях, а затем развитие. Развитие социальных систем всегда находится в неравновесном и переходном состоянии, и при благоприятных внутренних и внешних условиях в них возникают новые элементы с новыми функциями, которые обеспечивают дополнительную устойчивость. При ухудшении или усложнении условий существования управляющий центр социальной системы может уже и целенаправленно формировать некоторые элементы с заданными целями. Так, например, при

благоприятных условиях, созданных самим обществом, может возникнуть и развиваться гражданское общество. Однако оно может формироваться и самим государством посредством принятия необходимых законов, норм и процедур, их строгого соблюдения, а также формированием соответствующих демократических государственных структур.

Снятие управляющих воздействий и ограничений на поведение элементов приводит к росту хаотичности протекания процессов в системе, нарастанием энтропийных тенденций, и, в конечном счете, к разрушению всей системы.

В итоге жесткое директивное государственное управление необратимо снижает стабильность и устойчивость общественных организаций. Но и полностью открытое и свободное устройство государства, когда существуют различные социальные группы, плюрализм политических групп и мнений, также не способствуют эффективному управлению общества. Вторая ситуация не менее естественна, чем первая. Как говорил Кант, чисто демократическое управление, когда все против одного, мало чем отличается от деспотии, к тому же сопровождается анархией и потерей ориентиров в развитии. Как писал Гегель, в гражданском обществе каждый для себя – цель...

Представляется, что «золотая середина» между жестким целенаправленным управлением и хаотичной неопределенностью развития и является истиной. Процессы самореализации и самоуправления должны «подправляться» политическим центром. «Напрашивается введение стратегии развития механизмов управления, обеспечивающей "спадающую директивность"...» [3].

Мы предлагаем рассмотреть вопрос об устойчивости общества в связи с делением культур на трансцендентные и трансценденталистские [2, с. 32–38].

Трансцендентно ориентированная культура за своими пределами полагает Бога – начало более совершенное и свободное. Человек в своей деятельности ориентирован на цель, изначально более высокую и свободную, что позволяет и ему проявить свои мощные творческие способности.

Трансценденталистская культура считает себя самодостаточной реальностью, за пределами которой все отрицается. Утрата сверхъестественных ориентиров, как показал Макиавелли, переориентирует целеполагание человека на него самого, а средства – на цель. Не ведомый уже никакой высшей силой, человек творит, не разбирая добра и зла.

Для трансцендизма характерна субъект-объектная субординация отношений, для трансцендентализма – субъект-субъектная. Трансцендентальная культура объектно не ориентирована. Она запечатлевает себя в основном не в материальных продуктах, а в социальных институтах, организациях. Последние регулируют человеческое поведение, присваивая себе статус должного. Человеку кажется, что он реализует свое «Я», но, на самом деле, он выполняет свою роль в пределах организации.

Для трансцендентного типа культуры главной ценностью является власть. Власть ори-

ентирует субъекта на объект, наделенный властью, в результате чего конституируется иерархия. В сознании субъекта объект выступает как носитель цели действия или качества, ценность которых наполняет действие смыслом.

Субъект-субъектные координационные связи трансценденталистской культуры менее понятны субъекту деятельности, а потому и менее эффективны с точки зрения регуляции, чем субъект-объектные субординационные отношения трансцендентной культуры.

Смена субъект-объектной зависимости отношениями, выстроенными по типу субъект-субъектных взаимосвязей, привела к переинтерпретации основных этических понятий.

Так, моральное состояние вины более ощутимо при наличии объекта, которому субъект нанес какой-то реальный ущерб. Необъективированная вина как нарушение некоторых моральных запретов переживается менее эмоционально.

Можно рассмотреть такие чувства, как любовь, дружба, милосердие. На Западе постулируется любовь к ближнему, но под ближним понимается лишь тот, кто действительно связан с субъектом. Описание любви как таковой явно свидетельствует, что объект испарился, а остался лишь субъект и его внутренний опыт. А на Востоке любовь скорее понимается как долг, действующая и ориентированная на объект любовь, которая конституирует, формализует жизнь.

Возможны различные прочтения отношений «добра» и «зла». В субъект-объектном варианте разграничение добра и зла происходит на основе абсолютного и объективного авторитета, а потому добро и зло носят универсальный характер. В безобъектном варианте отчетливо задействованы человеческие «Я», ими определяется правота (читай шире, ценность), как следствие возникает антиномия добра и зла. Добро и зло релятивизируются. Власть превращается в средство реализации победителями своего социального проекта, а потому необходимо утверждение «правильности» одной из нормативных систем.

К чему может привести релятивизация и субъективизация ценностей показывает политическая атмосфера XX–XXI вв. Югославский кризис, война США в Ираке, события на арабском Востоке – ее показательные процессы. Очевидно, что общества и культуры, которые вырабатывают определенные ценности, различаются. В недрах христианского прошлого созрели некоторые ценности, имеющие внутренне обязательный характер. Они определялись историческими обстоятельствами и уровнем развития социальной организации, но в постхристианской культуре

они приобретают характер «презумции универсальной обязательности». Эти ценности стали носить предельно абстрактный, внерефлексивный, бессознательный характер, совершенно «эмансипировавшись» от своего христианского прошлого.

Западная мысль, сыгравшая в свое время авангардную роль в отношении общественного сознания в целом, теперь санкционирует свои центральные идеи в качестве обязательных для всего человечества, навязывая их другим. В данном случае западные ценности претендуют на статус обязывающих универсалий и имеют тенденцию к экспансии за пределы родной культуры. Но как могут быть универсальными, даже естественными для человека моральные и политические ценности, если распространяются они с Запада на Восток?

Таковы, например, демократические стандарты. Основные понятия демократии: свободные выборы, сама свобода, – существенным образом западной мыслью не определены, по крайней мере, специалистами. Понятие демократии не описывает социально-политическую реальность современного Запада, а просто обозначает ее и при этом прямо наделяется ценностью. Почему азиатские страны должны ей следовать, если они никогда ничего подобного не знали? Миру заведомо навязываются требования, которые по своей сути очень неопределенны (не поддаются определению). Но с их помощью интересным образом формируются общечеловеческие понятия Добра и Зла. То, что сходно с собственной формой жизни – Добро, что существенно от нее отклоняется – Зло.

То же в отношении самоочевидности свободы. На Западе она ассоциируется с порядком, ведет к нему. Экспортируемая в незападные условия, она успешно подрывает формы социального порядка, адекватные местной культуре.

Так, демократия – это реалия западной культуры, и ее нельзя требовать от кого угодно. Внесение элементов демократии в другую культуру должно быть соотнесено с возможностями этой культуры и осуществляться адекватными ей организационными средствами. А жизнь в целом должна определяться подтвердившими свою жизненность нормами, институтами и просто привычками.

В свете вышесказанного становится понятным необходимость внесения в политическое мышление мысли об эффективности культурно-политического релятивизма. Это напрямую касается и положения о крайней необходимости гражданского общества для России и о возмож-

ностях его быстрого развития в нашей стране, по крайней мере, в современных условиях.

Для возникновения гражданского общества необходимы определенные условия, к которым, прежде всего, следует отнести развитый институт частной собственности, разнообразную социальную структуру, отражающую разнообразие интересов различных групп и слоев, высокий уровень внутренней свободы личности, умения включаться в тот или иной институт гражданского общества.

Ситуация с гражданским обществом в России и в прошлом, и сегодня тождественна ситуации неравновесного состояния системы в определении путей ее дальнейшего развития. Чтобы сделать обоснованный вывод о необходимости гражданского общества в современной России, рассмотрим процессы его образования и развития его отношений с государством.

Если на Западе основные параметры гражданского общества формировались в процессе модернизации общества естественным путем и в течение продолжительного времени (с XV по конец XVIII в.), то у нас своего периода отечественной реформации не было. В России развитие гражданского общества осуществлялась форсированно «в процессе "догоняющей" модернизации, которая стала ответом властвующей элиты на качественные экономические и политические трансформации в Европе, потенциально таившие в себе угрозы геостратегического характера... Историческое содержание российского императива модернизации я бы сформулировал как нарушение равновесия между экономическими, социально институциональными и политическими подсистемами жизнедеятельности общества при возникновении новых эффективных стимулов к его развитию, с одной стороны; с другой – сознательные усилия по осовремениванию патримониального государства, пытающегося осуществлять такую “стратегию” преобразований, которая сохранила бы права и привилегии монополизировавших власть групп традиционалистского типа (сначала самодержавия, а затем партийного аппарата и государственной номенклатуры)» [1].

«Приживание» гражданского общества на российской почве тормозилось огромными размерами страны, устойчивостью доиндустриальной стратификационной структуры, инертностью моноцентричного и патримониального по характеру государства, патриархальным, коллективистским общественным сознанием, религиозной окрашенностью политических ценностей.

Помимо этого становление гражданского

общества в России не являлось поступательным, а представляло собой «волновой» процесс с частыми возвратными движениями. После 1917 г. носители идей гражданского общества либо эмигрировали, либо были репрессированы. Гражданские отношения после революции практически формировались заново, но не самостоятельно, а как «побочный продукт» развивающегося индустриального общества. В 1970–1980 гг. развитие гражданского общества развивалось уже самостоятельно, но не зависящему от партии и государства сценарию в силу «политической импотенции» политической верхушки.

Становление гражданского общества сегодня также весьма противоречиво. Оно по-прежнему контролируется сверху, а качественного обновления, повышения этического и интеллектуального уровня политической элиты не произошло. Сам процесс становления крайне идеологизирован. В народный фронт «вступают» трудовыми коллективами, причем решение принимается простым большинством голосов при открытом голосовании. Так искусственно поддерживается авторитет правящей партии.

Пока не оформилась политическая сила, способная возглавить процесс модернизации. Средний класс представлен «буржуазией» в первом поколении с низким культурно-образовательным уровнем, не определившийся в исторических перспективах, ориентированный на хищническое потребление общенациональных ресурсов.

Серьезной проблемой является и то, что в

стране не сформировалось однородное экономическое и социально-политическое пространство. Проявляющиеся ростки массовой политизации лишь увеличивают нагрузку на еще инертные политические институты власти.

Таким образом, осовременивание раннеиндустриальной социально-экономической структуры, усвоение массовым сознанием норм демократии, формирование национально ориентированной экономической и политической элиты, перевод развития гражданского общества в режим саморазвития – все это еще неблизкие цели, которые будут реализовываться в противоречивом процессе проб и ошибок.

Библиографический список

1. *Володин, А. Г.* Гражданское общество и модернизация в России (Истоки и современная проблематика) [Электронный ресурс] / А. Г. Володин. – Режим доступа: <http://www.civisbook.ru/files/File/Volodin-2000-3.pdf> (дата обращения 09.02.2016).
2. *Лаврухина, И. М.* Типология культур при обсуждении проблемы трансцендентного / И. М. Лаврухина // Соловьевские исследования. – 2009. – № 23.
3. *Райков, А.* Устойчивость государственного управления и открытость информационной сферы [Электронный ресурс] / А. Райков. – Режим доступа: <http://emag.iis.ru/arc/infosoc/emag.nsf/BPA/c0e9a77deab64f6bc32575c20044795f> (дата обращения 12.01.2016).

СЛОВО – МОЛОДОМУ УЧЕНОМУ

THE WORD FROM YOUNG SCIENTISTS

УДК 316.3+32+34
ББК 60.561.9

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДЕИДЕОЛОГИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Е. С. Романов

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению ряда социальных и культурных проблем, одним из источников которых стала деидеологизация российского общества после распада СССР. Также в качестве причины возникновения проблемы указывается такое явление как информационное воздействие или информационная война. Проблема рассмотрена с точки зрения государственного управления. Основным методом изучения в статье – социологическое исследование; предложены управленческие и правовые инициативы.

Ключевые слова: национальная идея, культура, социология, патриотизм, гуманитарная сфера, деидеологизация.

SOCIO-CULTURAL ISSUES OF DE-IDEOLOGIZATION OF RUSSIAN SOCIETY

E. S. Romanov

Abstract. The article is devoted to social and cultural problems, caused by the deideologization of Russian society after the collapse of the USSR. The phenomenon of information influence and information warfare is defined as the cause of the problem. The problem is considered from the point of view of public administration. The main method of study is a sociological survey.

Keywords: the national idea, culture, sociology, patriotism, the humanitarian realm, deideologization.

Тема национальной идеи в России за третий десяток лет не исчерпала своей актуальности. В официальном лексиконе данный термин практически не употребляется, но чаще является атрибутом тоталитарного прошлого России. Однако учитывая сложившуюся внешнюю и внутреннюю политическую обстановку, вопрос о национальной и государственной идеологии, который снят с повестки дня в правительстве и в среде элиты общества, в России приобретает небывалую актуальность, общество всё больше осознаёт необходимость нахождения национальной идеи.

Целью настоящей работы является рассмотрение социокультурных проблем, возникших в результате деидеологизации российского общества.

Гипотеза определения проблемы такова: проблема состоит в отсутствии национальной идеологии, отвечающей интересам большинства населения России. Противоречие может определяться следующим образом: политика государства в соответствии с Конституцией РФ направлена на поддержку факта отсутствия национальной идеологии. Необходимо чтобы в РФ существовала консолидирующая национальная идеология для обеспечения безопасности, суверенитета, развития страны в целом, но при этом есть принятая в 1993 г. Конституция, которая противоречит ценностям российского мира.

После распада СССР и деидеологизации общества в России, а также странах СНГ во многих сферах жизни возникли острые проблемы. Государство не смогло вести корректную, еди-

ную, осознанную и системную политику. Проблемы затронули все без исключения сферы. Для формирования консолидирующей национальной идеологии необходимы условия эффективного развития, в особенности в гуманитарной сфере. Гуманитарная сфера затрагивает, прежде всего, сферу культуры, образования и науки, а также патриотизма.

В условиях глобализации поддержка государством гуманитарной сферы должна являться первоочередной задачей. Однако в силу отсутствия единого подхода и недостатков в стратегическом планировании, а также финансирования данных отраслей по принципу «остаточного характера», гуманитарная сфера оказалась самой «незащищённой». В данных условиях стоит отметить, что одними из наиболее острых проблем на пути формирования идеологической основы постсоветского общества является проблема «неконкурентоспособности» и невостребованности российской культуры на международном рынке, а также заполненность внутреннего рынка продуктами западной культуры. В похожем положении стоит и сфера патриотизма, которая должна зиждиться на культурных ценностях.

Иллюстрацией данных фактов может служить проведённый Центром научной политиче-

ской мысли и идеологии в 2013 г. экспертный опрос. Целью данного опроса было выявление группой экспертов самых острых проблем, которые препятствуют развитию России и которые необходимо, прежде всего, решать путём последовательной и продуманной государственной политики. Было опрошено 196 экспертов, среди которых докторов наук – 22 %, кандидатов наук – 54 %, профессоров – 15,3 %, и почти 14 % доцентов. На вопрос «Насколько изменилась ситуация в областях (внешнеполитическая, гуманитарная, региональная, экономическая, социальная, внутривнутриполитическая) жизнедеятельности государства и общества за последние 10 лет?» эксперты сошлись во мнении, что почти во всех областях ситуация ухудшилась. Но гуманитарная сфера получила наименьшее количество положительных экспертных оценок, а также резко обострилась в отличие от других сфер (см. рис. 1). В данной сфере жизнедеятельности государства и общества существует ряд проблем, требующих привлечения управленческих ресурсов: наиболее важна работа по повышению нравственности населения; воспитанию патриотизма и повышению качественного идейно-духовного состояния общества (см. рис. 2). Идейно-духовное и нравственное состояние напрямую зависит, в том числе, и от культуры страны.

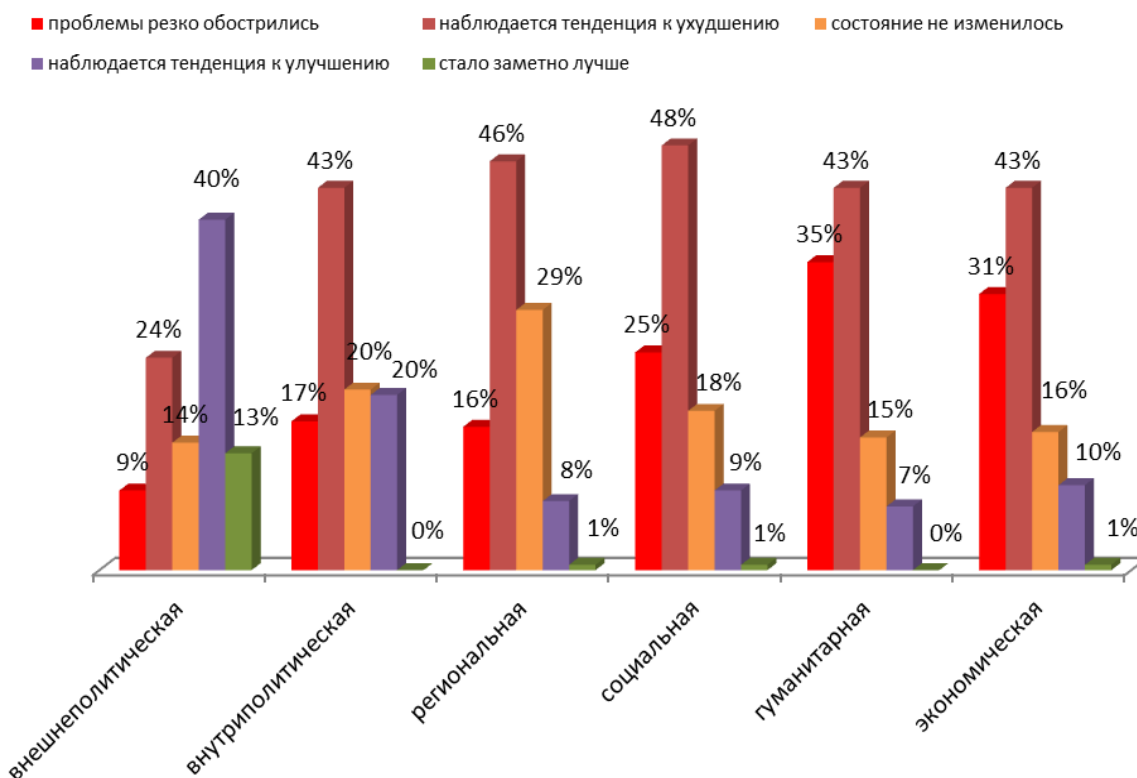

Рис. 1. Как изменилась ситуация в перечисленных областях жизнедеятельности общества и государства за последние 10 лет? [6]

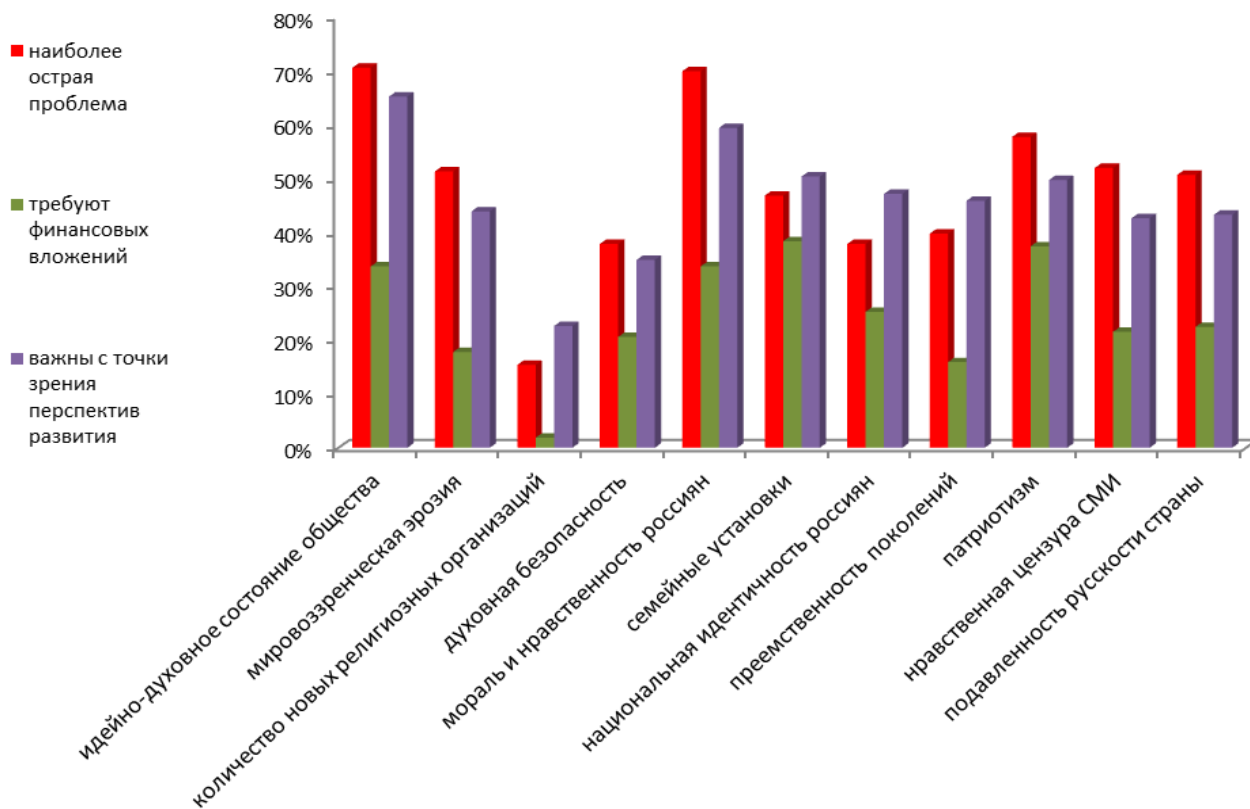

Рис. 2. Гуманитарные проблемы [6]

Культура для национальной идеи выполняет важную задачу: делает возможным обратную связь с внешней средой при защите исторической памяти. Культура – это формы эстетической, поведенческой и интеллектуальной сторон жизни общества, которые исторически сложились. При этом культура является одним из факторов управления страной. «Золотой век» российской культуры приходится на 1750–1913 гг., когда проводилась активная политика в этой сфере. В то время «продукты» национальной культуры экспортируются за рубеж. С 1923 по 1988 г. культурная политика государства направлена на смещение к пролетарскому типу, который опирается на идеологию марксизма. При этом появляется принцип финансирования по принципу остаточного характера (95 к 5 в пользу естественного и технического знаний), культура является частью агитации и пропаганды. С развитием рыночной экономики и нача-

лом деидеологизации советского общества произошла трансформация ценностей, появилось расслоение общества. Утрата культурных ценностей была связана и усугублена глобальными тенденциями, массовая культура насаждает культ потребления, СМИ получили монополию на продуцирование истины, как часть «мягкой силы» она является эффективным механизмом массового манипулирования сознанием. При этом государственной политике в нынешних условиях крайне сложно регулировать влияние «мягкой силы» [8, с. 144].

Государство, передавая финансирование культуры в частные руки, а не финансируя напрямую в качестве государственного заказа, рискует распространением ложных культурных ценностей. Доля расходов федерального бюджета в период с 2005 по 2014 гг. на отрасль культуры не превышает даже 10 % от расходов на всю социально-культурную сферу (см. рис. 3).

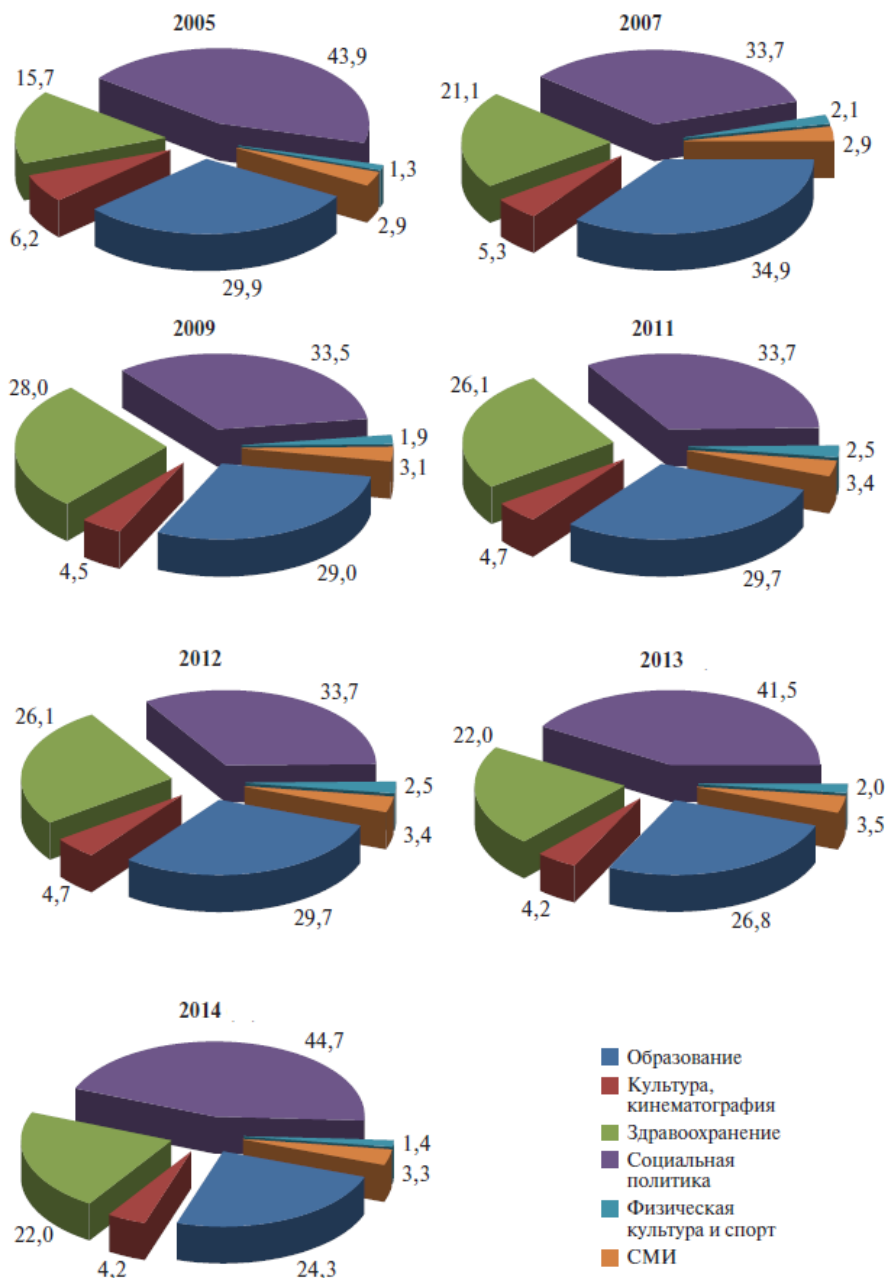

Рис. 3. Структура расходов федерального бюджета по социально-культурным отраслям (%) [7, с. 20–21]

С позиции культуры как регулятора социальных отношений, а значит и как фактора идеологической консолидации, можно отметить, что роль её снизилась. Сегодня в российском обществе, которое всё же имеет мощный духовный потенциал, наблюдается культурный кризис, приведший к нравственному упадку. Такой факт приводит к росту негативных социальных последствий (росту насилия и преступности, ожесточенности по отношению к окружающим), а также деконсолидации общества, невозможности создания идеологической основы. Упадок культуры как консолидирующего

инструмента прослеживается во всех сферах российского общества: в русском языке, в семейной сфере, религии, СМИ, политической культуре, в сфере коммуникаций и отношений между различными группами социума [4, с. 35–36]. В результате проведения социологического опроса в 2014 г. (было опрошено 422 респондента) большинство жителей России высказали мнение, что наиболее заметно упала роль культуры в таких сферах как общественные отношения и среди средств массовой информации. Причём эти два аспекта намного «опередили» остальные (см. рис. 4).

Рис. 4. Результаты социологического опроса

Источник: Социологический опрос был проведён среди жителей России (Москва, Севастополь, Симферополь, Евпатория, Ялта). Количество респондентов – 422 человека. Сроки: апрель – июнь 2015 года. Анкеты распространялись через сеть Интернет. Ответы были получены в электронной форме

Среди причин снижения роли культуры можно выделить такие как: высокая степень расслоения общества в результате невысокого уровня развития экономики, следствием чего также является недостаточная материально-техническая поддержка культуры, объектов культурного наследия, развития творческих начал молодёжи. Отсутствие кардинальных сдвигов в развитии патриотического просвещения молодёжи и воспитания, системы контроля над информационным потоком (цензура) из зарубежных стран и системы защиты от информационных воздействий также являются причинами, причём большинство респондентов выделяют именно данные факты в качестве решающих.

Также стоит отдельно выделить, в рамках рассмотрения культурных проблем создания единой идеологии, роль таких деструктивных идеологических объединений и групп как субкультуры. В результате глобализационных процессов появились различные субкультуры и контркультуры, которые существуют в разных социальных группах: возрастных, расовых, профессиональных, этнических, религиозных.

Больше остальных социальных групп молодёжь подвержена стихийному заимствованию чужих культурных ценностей, многие исследователи объясняют данный процесс как «культурную диффузию» [4, с. 49].

Многие формы субкультур привели к возникновению контркультур (преступные шайки, правые и левые экстремисты, сатанинские культы), которые противоречат ценностям российского общества. Отвергается этика труда, новые ощущения ищутся в экстриме, наркотиках и т.п. [1, с. 123–124]. Ряд учёных называют подобный

факт девиантным поведением. В стране возрастает уровень молодёжной преступности: по статистическим данным каждый пятый молодой человек (от 14 до 30 лет) совершил преступление или правонарушение, что связано с особенностями молодёжных субкультур России. Например, примерно 9 % от всей численности молодёжных группировок – токсикоманы и наркоманы [5].

Социокультурные проблемы для консолидации общества на идеологической основе лежат также у истоков внешнеэкономического и внешнеполитического влияния. В частности, большое влияние на культурные аспекты имеет информационная война. Информационная война сегодня – это психологическое воздействие на различные сферы жизни государства и общества в целом. Сегодня существует угроза того, что происходят целенаправленные действия для того, чтобы расшатать моральные и духовные ценности человека, чтобы поменять политическую идеологию или навязать свои идеи. Информационная война проигрывается нашим обществом. Оно часто не осознает, что находится под действием манипулятивных внешних факторов. Через «мягкую» силу страны и личности, заинтересованные в выработке общественного мнения, навязывании идеологии, ценностей и идеалов, готовят «захват» нашей страны. Именно эта причина показывает важность и актуальность данной темы. Основными признаками такой войны являются: навязывание чуждых ценностей; использование различных средств передачи информации (СМИ, почта, печатные издания); дезинформация; объектом служит индивидуальное или массовое сознание [3, с. 104]. Ярким примером современно-

сти является использование методов формирования общественного мнения, манипулирование сознанием через СМИ в связи с ситуацией в Украине. Россия имеет ряд врагов в информационных войнах, основными являются страны Запада – Великобритания, США. Действуя в своем информационном поле на территории России западные политики, западные СМИ, прозападные НКО, агенты и аналитики, журналисты, активисты, получают финансирование из других стран. Проблемой является практическая неготовность общества сопротивляться воздействию прозападных СМИ, непонимание и отсутствие желания анализировать поступающую информацию. Факт того, что общественности внушаются западные ценности, потребительские идеалы, индивидуализм, а в такие понятия как семья, любовь, альтруизм и другие – всячески принижаются, показывает негативные тенденции для российского общества. Манипулирование сознанием может привести к определенным негативным результатам для общества. Однако проследить связь между подачей информации и результатом этого очень непросто.

Одним из структурных элементов национальной идеологии является патриотическая составляющая. Целью системы патриотического воспитания в этом случае является создание культурно-патриотической среды, которая соответствует национальной идеологии. Патриотизм выступает как важное выражение духовного «здоровья» нации, когда национальные процессы должны протекать путём возрождения собственных культурных образцов, а не внешне заимствованных и навязанных. Любая национальная идеология должна обладать набором атрибутов, которые делают её эффективной и жизнеспособной. Главным атрибутом является интегрирующая черта: мобилизационная национальная идеология объединяет общество, отодвигая на задний план социокультурные проблемы. Одним из подходов к пониманию патриотизма является культурно и идеологически созидательный подход, который призван формировать патриотические ценности через многообразие его сфер и направлений деятельности: нравственного, историко-культурного, эстетического и других. Данный подход рассматривает патриотизм в качестве деятельности и служения во благо Отечеству. Понятие патриотизма не является абстрактным явлением, оно основывается на конкретных аспектах: понимание роли и места своей страны на мировой арене, интернационализме и национальном самосознании, знании истории своей страны, готовности возвышать интересы общества и государства над свои-

ми собственными, способности уважать и знать традиции других народов и наций, осознании собственной значимости в своей жизни, жизни государства и общества [2].

Однако в таком, на первый взгляд, понятном явлении как патриотизм в российском обществе нет однозначного подхода. Постсоветское общество расколото в плане отношения к патриотическим ценностям: часть исповедует традиционные ценности православия, другая часть – социалистические ценности. Это две основные группы, если не считать либерализм и национализм как подходы к пониманию патриотизма. При этом ставится вопрос о консолидации общества с различным отношением к патриотическим ценностям. Это и есть проблема патриотизма на пути консолидации общества на идеологической основе. Данный вопрос требует трудоёмкого и системного управленческого подхода. Национальная идеология должна быть преемственной в том числе, это значит, что она может строиться только на основе пережитого исторического опыта: период православной монархии и советского социализма. Только на основе диалога и признания важности двух вышеуказанных исторических эпох возможно преодоление идеологических разногласий постсоветского общества.

Выделяя социокультурные проблемы Российской Федерации как «преемницы» Советского Союза, возникшие в результате деидеологизации, следует отметить следующие моменты: на сегодняшний день государством ведётся недостаточно обоснованная и структурная политика в области культуры. При этом, культурные «продукты» нашей страны не являются конкурентоспособными (распространёнными) по сравнению с западными, что выливается в угрозу потери культурной самобытности общества. Это ведёт к нравственному упадку в обществе, что в результате оборачивается проблемами в других сферах жизнедеятельности государства и населения: высокая степень расслоения, отсутствие кардинальных изменений в патриотическом воспитании, слабая контролируемость информационно-культурного внешнего воздействия. Это привело к возникновению различного рода субкультур, контркультур, радикальных движений. Также существует проблема по причине разногласий в понимании патриотизма в социалистическом и православном характерах. При этом созидательный эффект патриотизма должен быть построен на основе преемственности, то есть с учётом многовековой истории России.

В качестве управленческих инициатив для решения части проблемы можно предложить не-

которые мероприятия:

- разработка и принятие Федеральных законов «О защите нравственности в СМИ» и «О защите нравственности, психического здоровья и психологического состояния потребителей продукции СМИ», подразумевающего, в том числе, внесение изменений в другие нормативные акты;
- в рамках этого законопроекта должно быть предусмотрено ограничение свободы массовой информации. Ввод государственного регулирования оборота массовой информации, которая оказывает негативное воздействие на психическое здоровье, нравственность и психологическое состояние общества (потребителей). Установление надзора со стороны общества и государства за деятельностью СМИ, размещающих подобную массовую информацию, в том числе, в сети Интернет.

Библиографический список

1. *Гилинский, Я. С.* Девиантология. – 2-е изд. испр. и доп. – СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2007. – 528 с.
2. *Иванова, С. Ю.* Актуализация патриотической составляющей в национальной идее в современной России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.superinf.ru/view_helpstud.php?id=3714 (Дата обращения: 05.03.16).
3. *Кара-Мурза, С. Г.* Манипуляция сознанием. – М., 2000. – 200 с.

4. *Кравченко, А. И.* Культурология: учебное пособие / А. И. Кравченко. – М.: Академ. проект, 2001. – 145 с.

5. *Луков, В.А.* Молодежные субкультуры в современной России / В.А. Луков // Пси-фактор. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://psyfactor.org/lib/subkult.htm> (Дата обращения: 04.03.16).

6. Результаты экспертного опроса «Проблемная повестка России», декабрь 2013, ЦНПМИ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rusrand.ru/forecast/osnovnye-problemy-sovremennoj-rossii> (Дата обращения: 05.03.16).

7. *Романова, В. В.* Показатели бюджетных расходов по отраслям социально-культурной сферы (консолидированный бюджет Российской Федерации и бюджеты государственных внебюджетных фондов, федеральный бюджет) / Романова В. В., Рудник Б. Л., Мацкевич А. В.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 86 с.

8. *Якунин, В. И.* Новые технологии борьбы с российской государственностью: монография / Якунин В. И., Багдасарян В. Э., Сулакшин С. С. 3-е изд. исправл. и дополн. – М.: Научный эксперт, 2013. – 472 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://rusrand.ru/files/13/07/22/130722030135_Nov_tehnologii_3-new.pdf (Дата обращения: 06.03.16).

УДК 342.5:342.553

ББК 66.3(2Рос),123+66.3(0),123

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ И МУНИЦИПАЛЬНАЯ ВЛАСТЬ:
ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ**

А. Г. Молодоженов

Аннотация. В статье рассматривается отечественный и зарубежный опыт взаимодействия государственной власти и местного самоуправления. Обозначены основные проблемы, с которыми сталкивается местное самоуправление при взаимодействии с органами государственной власти. В поисках решения данной проблемы рассмотрен зарубежный опыт. Для примера выбрана модель пересекающейся власти, как наиболее демократичная и децентрализованная, которая наиболее адекватна политической системе современной России.

Ключевые слова: власть, орган местного самоуправления, орган государственной власти, вопросы местного значения.

**STATE AND MUNICIPAL AUTHORITY:
DOMESTIC AND FOREIGN EXPERIENCE OF INTERACTION**

A. G. Molodozhenov

Abstract. The article deals with the domestic and foreign experience of interaction between the bodies of the state authority and local self-government. This paper provides the main problems which the bodies of local self-government face while dealing with the state authorities. Foreign experience has been examined in

order to find a solution to this problem. The model of crossed authority is chosen as an example. It is considered to be the most democratic and decentralized and the most appropriate for the political system of modern Russia.

Keywords. Authority, the body of local self-government, public authority, local issues.

Среди ряда проблем, касающихся становления и развития местного самоуправления в России, можно выделить одну и отнести к основным – это проблема взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления. Необходимо отметить, что местное самоуправление представляет собой относительно самостоятельный институт власти согласно Конституции Российской Федерации, которая устанавливает, что местное самоуправление в пределах своих полномочий самостоятельно и органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти.

Конституция РФ признает и гарантирует местное самоуправление, провозглашает его право на муниципальную собственность, включая собственность на землю и другие природные ресурсы, самостоятельное решение вопросов местного значения, самостоятельное формирование, утверждение и исполнение местного бюджета.

От взаимодействия местного самоуправления и органов государственной власти зависит эффективность управления государственными и общественными делами, а также становление гражданского общества, в котором местное самоуправление играет ключевую роль. Гражданское общество – первооснова политической системы, им обуславливается и определяется государство.

Проводя реформу местного самоуправления, правительство может использовать зарубежные модели взаимодействия государственной власти и местного самоуправления, поскольку наш исторический опыт довольно беден положительными примерами в этой области. За рубежом, напротив, используются довольно эффективные модели такого взаимодействия, которые складывались на протяжении десятков (а в некоторых странах и сотен) лет. Данные модели, по мнению В. А. Переходова, проверены временем и приносят конкретные положительные результаты на практике. Их исследование и разумное применение в Российской Федерации необходимы для успешной реализации административной реформы и реформы местного самоуправления [5].

В настоящее время в Российской Федерации органы власти разделены на три уровня: федеральный, региональный и местный, что определено децентрализацией власти с учетом широкого спектра и решаемых задач и величиной территории Российской Федерации. Каждый из пе-

речисленных уровней власти выполняет свои определенные задачи, отнесенные к области полномочий. Федеральный уровень власти решает вопросы обеспечения единой государственности: права и свободы человека, единое экономическое, финансовое и правовое пространство, внешняя политика и внешнеэкономические отношения, оборона и безопасность, обеспечение единства и территориальной целостности. Региональный уровень обеспечивает решение задач государственной власти, применительно к условиям субъекта. Местное самоуправление в этой системе занимает важное место, что обусловлено перечнем решаемых задач, которые напрямую обеспечивают жизнедеятельность и ежедневные потребности населения. Т. Ф. Ефремова, российский лингвист и лексикограф, дает следующее определение самоуправления: «Форма организации работы, при которой самостоятельно решаются вопросы внутреннего управления» [1].

Рассмотрев вопросы местного значения, решаемые местным самоуправлением на примере города-героя Волгограда, согласно уставу, можно увидеть широкий спектр задач, который охватывает следующие аспекты: составление, рассмотрение и исполнение бюджета Волгограда; установление, изменение и отмена местных налогов и сборов; владение, пользование и распоряжение имуществом, находящимся в муниципальной собственности; организация в границах городского округа электро-, тепло-, газо- и водоснабжения населения, водоотведения, снабжения населения топливом в пределах полномочий; дорожная деятельность в отношении автомобильных дорог; организация охраны общественного порядка. Представленный перечень позволяет сделать вывод, что это все является общими интересами жителей города и эффективней всего такие вопросы должны реализовываться на месте.

Проанализировав вопросы местного значения, можно сделать вывод, что в значительной степени взаимоотношения органов местного самоуправления с органами государственной власти основываются на субсидиарном принципе взаимодействий, согласно которому задачи должны решаться на низком уровне, на котором их решение возможно и эффективно. На этом же принципе основывается и право возложения отдельных государственных полномочий на органы

местного самоуправления. Впервые порядок наделения полномочиями регламентировал Федеральный закон № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», в котором также прописан перечень вопросов местного значения, тем самым разделив предметы ведения местного самоуправления на две группы: «собственные» полномочия местного самоуправления и отдельные государственные полномочия [4, с. 348]. В Волгоградской области принят ряд законов, касающихся возложения отдельных государственных полномочий на органы местного самоуправления.

Данные отношения, рассматривая в контексте взаимодействия органов местного самоуправления с органами государственной власти, можно определить, как «взаимодействие по инициативе сверху» путем принятия законов.

Исходя из зарубежного опыта, взаимодействие органов государственной власти и местного самоуправления выстраиваются на следующих основных моделях: модель относительной автономии, предоставляющая органам местного самоуправления независимость, при этом, не снижая значимости государственной власти; модель агентств, которая характеризует местное самоуправление, проводящего политику центра; модель взаимодействия, основанная на сотрудничестве и взаимозависимости [5, с. 22–23].

Проанализировав зарубежный опыт [2, 3], представленный в работах доктора политических наук Колесникова В. А., особенно федеративных государств, можно сделать вывод о возможности взаимодействия органов местного самоуправления с органами государственной власти, основанного на принципе «взаимодействие по инициативе снизу», как на уровне законодательной инициативы, так и на уровне комиссионных межправительственных отношениях. В рамках данной комиссии органы местного самоуправления, могут более четко формулировать и доводить до государственных органов власти текущие проблемы, а органы государственной власти в свою очередь могут выработать скоординированную работу с органами местного самоуправления, построив при этом обратную связь. Примером выступает созданный в США специальный орган – Комиссия по межправительственным отношениям, в которую входит равное число представителей от федеральной власти, от властей штатов и от местных властей. Без достижения согласия в этой комиссии решения по распределению финансовых средств по уровням власти не принимаются. Такой форме взаимодействия характерна модель взаимодействия,

которая основывается на понимании со стороны государственной власти важности местного самоуправления и необходимости построения конструктивного диалога с учетом интересов муниципальных образований, для развития социально-экономических отношений, становлении гражданского общества и правового государства.

Рассмотрев принципы компетенции местного самоуправления в России и его взаимодействия с органами государственной власти, возникает ряд проблем, некоторые из которых можно назвать наиболее значимыми.

В центр дискуссии можно вынести проблему уточнения вопросов местного значения, так как некоторые могут входить в компетенцию государственных органов власти. Например, организация и осуществление мероприятий по территориальной и гражданской обороне, защите населения и территории поселения от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера; создание, содержание и организация деятельности аварийно-спасательных служб и (или) аварийно-спасательных формирований на территории поселения; содействие в развитии сельскохозяйственного производства, создание условий для развития малого и среднего предпринимательства и т. д. Очевидно, что эти вопросы имеют государственное значение и могут быть отнесены к разряду вопросов совместного ведения органов государственной власти и местного самоуправления.

Не менее значимыми проблемами выступают межбюджетные споры и вопросы, касающиеся обеспечения финансово-экономической самостоятельности муниципальных образований.

Вновь обратившись к опыту США и многообразным моделям взаимодействия уровней власти, стоит отметить одну модель как наиболее демократичную и децентрализованную. Этой моделью является модель пересекающейся власти, в основе которой лежит практически независимость федеральных органов власти, региональных органов власти и местного самоуправления. В случае пересечения интересов между уровнями власти они действуют сообща, при отсутствии пересечения они действуют независимо друг от друга. Данная модель взаимодействия в большей степени подходит Российской Федерации. В настоящее время уже создана значительная нормативная база и устоявшаяся система взаимодействия государственной и муниципальной власти, но необходимость ее оптимизации очевидна.

Библиографический список

1. *Ефремова, Т. Ф.* Новый словарь русско-

го языка [Текст] / Толково-словообразовательный. В 2-х т. – М.: Русский язык, 2000. – Т. 1: А-О. VII, 1213 с. Т. 2: П-Я. 1084 с.

2. Колесников, В. А. Принципы и особенности государственного управления и муниципального самоуправления в Германии: [Текст] учебное пособие / В. А. Колесников. – Волгоград: Изд-во ФГОУ ВПО ВАГС, 2010. – 172 с.

3. Колесников, В. А. Принципы и особенности государственного управления и муниципального самоуправления во Франции: учебное

пособие [Текст] / В. А. Колесников. – Волгоград: Изд-во ФГОУ ВПО ВАГС, 2011. – 112 с.

4. Местное самоуправление: энциклопедия [Текст] / [З. А. Алиева и др.]; под общ. ред. В. Б. Зотова; Рос. муницип. акад. – Ростов н/Д: Феникс, 2010. – 908 с.

5. Переходов, В. А. Зарубежные модели взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления: сравнительный анализ [Текст] / В. А. Переходов // Вестник ПАГС. – 2012. – № 32.

УДК 342.843:342.553

ББК 66.042.1

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

А. Г. Ишкнелидзе

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению основных подходов исследования избирательного процесса в Российской Федерации. Выделены особенности избирательного процесса на уровне местного самоуправления. Рассмотрены стадии избирательного процесса и систематизированы нормативно-правовые акты, регулирующие эти стадии. Раскрыта специфика исследовательских подходов избирательных процессов в современной России. Сравнительный анализ методологии исследования избирательных процессов позволил раскрыть слабые звенья современных социальных практик формирования политических институтов России.

Ключевые слова: избирательный процесс, стадии избирательного процесса, методологические подходы, местное самоуправление.

THE MAIN STUDY APPROACHES OF ELECTORAL PROCESS

A. G. Ishknelidze

Abstract. This article focuses on the main study approaches of the electoral process in the Russian Federation. It emphasizes the features of the electoral process at the local governance level. This paper examines the stages of the electoral process and systematizes legal acts regulating these stages. It reveals the specificity of research methods in terms of the electoral processes in modern Russia. The comparative analysis of the electoral processes demonstrates the weaknesses of current social practices which establish Russian political institutions.

Keywords: electoral process, stages of the electoral process, methodological approaches, local self-government.

После того, как Конституция РФ 1993 года вступила в силу, отечественная избирательная система стала стремительно развиваться, увеличив тем самым внимание к вопросам демократии. Закрепленные Конституцией РФ основные направления демократизации российского государства и общества, основы построения правового и социального государства должны находить свое практическое выражение в усилении политической активности общества. Важно повысить участие граждан во всех государственных и об-

щественных делах, в обеспечении принципов народовластия, в расширении и качественном углублении всех форм демократии, в развитии институтов федеральных, региональных и местных выборов и референдумов, в совершенствовании избирательной системы.

Проводимые в нашей стране политические и правовые реформы, процесс развития государственной власти на демократических принципах не снижают интереса к такому общественно-правовому явлению, как избирательный процесс.

В настоящее время в федеральном законодательстве и законодательстве субъектов Российской Федерации отсутствует нормативное определение такого понятия как «избирательный процесс». Данное обстоятельство привело к возникновению множества споров.

Рассмотрев мнения различных авторов об определении понятия избирательного процесса можно выделить следующие подходы.

1. Первый подход можно определить как процессуальный, в рамках которого многие ученые понимают избирательный процесс как строго последовательную политическую деятельность участников данного процесса по организации и проведению выборов, которая регулируется законом и другими нормативно-правовыми актами и состоит из совокупности стадий, гарантирующих полноту и легитимацию выборов.

Так, например, Е. Н. Хрусталева под избирательным процессом понимает регламентированную социальными нормами и нормативно-правовыми актами деятельность участников избирательного процесса, включающую в себя взаимосвязанные и построенные в логической последовательности стадии, которая базируется на принципах демократизации российского избирательного права и направлена на осуществление легитимации выборов [11, с. 2].

Также избирательный процесс рассматривается как нормативно урегулированная деятельность политических субъектов (такие как органы, партии и иные объединения избирателей и их групп) по организации и проведению выборов государственных органов и органов местного самоуправления [5, с. 39].

В свою очередь, Ю. А. Веденеев, в своей работе [4, с. 47] сравнивает избирательный процесс с понятием «избирательная кампания». Под избирательной кампанией принято понимать деятельность по организации и проведению выборов, которая осуществляется в срок со дня опубликования решения о назначении выборов уполномоченными органами до дня предоставления избирательной комиссией отчета о распределении средств бюджета, выделенных на подготовку и проведение выборов [10, п. 19 ст. 2]. Некоторые авторы, в свою очередь, рассматривают избирательную кампанию только как часть избирательного процесса.

2. Второй подход основывается на мнении С. А. Авакьяна, который рассматривает избирательный процесс в виде реально существующей системы правоотношений по подготовке и проведению выборов депутатов и выборных должностных лиц государственной власти и местного самоуправления в Российской Федерации [1, с. 9]. Автор признает, что последовательность соблюдения стадий подготовки и проведения выборов

может быть нарушена. Данный подход можно определить как системный.

3. Третий подход – нормативный – выражен С. А. Беловым, который под избирательным процессом понимает систему процедурных норм, регулиующую порядок организации и проведения выборов органов государственной власти и органов местного самоуправления Российской Федерации [3, с. 60]. Таким образом, избирательный процесс представляется как часть избирательной системы, тем самым подчеркивается процедурный характер большинства норм избирательного законодательства.

4. Еще одна точка зрения базируется на принятии комплексной природы избирательного процесса. Так, А. В. Зиновьев рассматривает избирательный процесс в виде совокупности процессуальных государственно-правовых норм, которые регулируют порядок организации и проведения выборов в органы государственной власти и в органы местного самоуправления [6, с. 78]. С. Д. Князев, в свою очередь, также определяет избирательный процесс как систему организационно-взаимосвязанных отношений, отражающих последовательность подготовки и проведения выборов. В данном случае, избирательный процесс выступает естественным условием осуществления участниками избирательных кампаний принадлежащих им электоральных правомочий и обеспечивает соответствие процедур организации и проведения выборов целям и задачам демократического и справедливого формирования представительных основ народовластия [7, с. 3]. Для отражения внутренней структуры избирательного процесса, автор различает три основных компонента: субъектный (участники), технологический (сроки, документация) и институциональный (стадии процесса).

Соглашаясь с мнениями авторов С. Д. Князева и А. В. Зиновьева в целом, хочу заметить, что наиболее перспективным понятием избирательного процесса представляется их синтезируемое изложение. Таким образом, избирательный процесс можно понимать как систему взаимосвязанных организационных отношений, которые отражают порядок подготовки, организации и проведения выборов в органы государственной власти и в органы местного самоуправления.

Рассмотрев особенности избирательного процесса на уровне местного самоуправления можно выделить некоторые его черты: во-первых, это множественность субъектов, где главными являются граждане, активное участие которых определяет результат выборов. Во-вторых, избирательный процесс на уровне местного самоуправления имеет своей целью реализацию материальных норм избирательного муниципального права, закрепляющего принципы

избирательного права, права и обязанности граждан и иных субъектов избирательного процесса. В-третьих, избирательный процесс на уровне местного самоуправления представляет собой процессуальную деятельность, которая регулируется нормами права и гарантируется государством.

Результатом избирательного процесса на местном уровне выступает формирование органов местного самоуправления.

Избирательный процесс, как в целом, так и на уровне местного самоуправления, является совокупностью взаимосвязанных и последовательных стадий, включающих избирательные процедуры и действия, направленные на достижение общей цели и обеспечивающие выполнение волеизъявления граждан.

Стадии избирательного процесса на уровне местного самоуправления определяются правовыми нормами.

Избирательный процесс на уровне местного самоуправления содержит упорядоченную совокупность стадий, соблюдение, охрана и защита которых гарантируется конституциями, иными законами и актами, деятельностью соответствующих органов государственной власти и органов местного самоуправления.

В научной литературе отсутствует единое мнение по поводу количества стадий и их наименования. Некоторые ученые, объединяя отдельные стадии процесса, выделяют три этапа: подготовительные стадии (назначение выборов; учет избирателей; образование избирательных кругов и избирательных участков; формирование избирательных комиссий); стадии по проведению избирательной кампании (выдвижение и регистрация кандидатов; проведение предвыборной агитации и информирования избирателей; финансирование избирательной кампании); заключительные стадии (проведение голосования, подсчет голосов, подведение итогов голосования и результатов выборов, их публикация и регистрация избранных депутатов и должностных лиц; разрешение избирательных споров).

Другую точку зрения касательно количества, названия и последовательности стадий избирательного процесса выражает В. В. Маклаков. Он выделяет следующие стадии: назначение выборов; установление избирательных округов; установление избирательных участков; создание избирательных органов; регистрация избирателей; выдвижение кандидатов; агитационная кампания; голосование; подсчет голосов и установление итогов голосования; возможный второй тур голосования и/или новые выборы; окончательное определение и опубликование результатов выборов [8, с. 41].

Р. В. Енгибарян считает, что избиратель-

ный процесс состоит из таких стадий, как: назначение выборов; определение избирательных кругов и организация избирательных участков; формирование избирательных органов (комиссий); регистрация избирателей; выдвижение и регистрация кандидатов; предвыборная агитационная кампания; голосование; подсчет голосов и определение результатов голосования, итогов выборов [5, с. 56].

По мнению В. А. Ахлюстина, в число основных стадий избирательного процесса входит: назначение выборов; регистрация избирателей и составление списков избирателей; образование избирательных округов и избирательных участков; формирование избирательных комиссий; выдвижение кандидатов; сбор подписей избирателей (внесение избирательного залога); регистрация кандидатов; предвыборная агитация; проведение голосования; определение итогов голосования и результатов выборов; опубликование итогов голосования и результатов выборов; выдача депутатского мандата и документа, удостоверяющего избрание лица на выборную должность [2, с. 8].

Следует отметить, что приведенные точки зрения имеют отличия, но они носят несущественный характер.

Таким образом, рассмотрев и проанализировав федеральный и региональный избирательный процесс можно прийти к выводу, что в наиболее приемлемый перечень основных стадий избирательного процесса входит:

- назначение выборов;
- формирование организационно-технологической базы выборов (образование избирательных округов и избирательных участков; формирование избирательных комиссий);
- выдвижение и регистрация кандидатов;
- агитация при проведении выборов;
- голосование, подведение итогов голосования, установление результатов и их опубликование.

Одной из важнейших стадий избирательного процесса является порядок назначения выборов уполномоченными должностными лицами или органами, а также порядок ротации состава депутатов представительных органов государственной власти. Данная стадия начинается с официального опубликования решения о назначении даты выборов. Сроки назначения выборов определяются согласно уровню их проведения.

Следующая важнейшая стадия избирательного процесса представляет собой формирование организационно-технологической основы выборов. Эта стадия предусматривает составление списков избирателей; образование избирательных округов и избирательных участков; а также формирование избирательных комиссий.

Порядок составления списков избирателей регламентируется Законом о гарантиях, федеральными законами, законами субъектов Российской Федерации, уставами муниципальных образований. В зависимости от уровня управления для проведения выборов на определенной территории образуются избирательные округа. Существует два вида избирательных округов: одномандатные (один депутат, одно должностное лицо) и многомандатные (несколько депутатов, голосование за каждого проводится персонально). При создании избирательных округов принимается во внимание административно-территориальное устройство территории проведения выборов. Избирательный округ должен охватывать всю территорию проведения выборов, при этом не допускается образование избирательного округа из не граничащих между собой территорий.

Проведение голосования, а также подведение его итогов производятся на образованных избирательных участках. Образование избирательных участков производится в соответствии с законом и максимально соответствует требованиям по обеспечению удобства правого изъяснения воли граждан, территориальной доступности участков для избирателей, а также своевременному информированию граждан о местах нахождения избирательных участков.

Формирование избирательных комиссий, а также отдельных их видов является важнейшей составляющей организационно-правового обеспечения выборов. В настоящее время в Российской Федерации действуют такие виды избирательных комиссий как: Центральная избирательная комиссия Российской Федерации, избирательные комиссии субъектов Российской Федерации, окружные избирательные комиссии, территориальные (районные, городские и другие) избирательные комиссии, участковые избирательные комиссии [10, ст. 21].

Окружные (если речь идет о выборах представительных органов), территориальные и участковые комиссии образуются при проведении федеральных и региональных выборов. Что же касается муниципальных выборов, то объем действий по формированию избирательных комиссий по выборам органов местного самоуправления зависит от вида выборов (общие, повторные, дополнительные, досрочные, в порядке ротации) и особенностей правового статуса (сроков полномочий) избирательных комиссий, согласно региональным законам и уставам муниципальных образований. В случае назначения очередных выборов органов местного самоуправления обязательным условием выступает формирование всей системы избирательных комиссий, непосредственно участвующих в их организации и проведении.

Еще одной значимой стадией избирательного процесса является выдвижение и регистрация кандидатов. Данная стадия представляет собой начало реализации пассивного избирательного права российских граждан. Соблюдение баланса интересов каждого из избирателей и общества в целом, а также создание предпосылок для гармоничного согласования выборных механизмов воспроизводства представительной государственной и муниципальной власти с потребностями и интересами гражданского общества являются важнейшим элементом в процессе выдвижения кандидатов.

Выдвижение кандидатов происходит в соответствии со следующими этапами: инициатива выдвижения; уведомление о выдвижении соответствующей избирательной комиссии; сбор подписей избирателей в поддержку выдвижения кандидата (списка кандидатов) или внесение избирательного залога; представление документов о выдвижении в избирательную комиссию для регистрации кандидата (списка кандидатов).

Обязательным элементом регистрации кандидатов является проведение процедуры проверки достоверности подписей избирателей в поддержку выдвижения. Кандидат может быть зарегистрирован только по одному избирательному округу. Данное правило не используется при условии выдвижения кандидата на одновременно проводимых различных выборах, а также при регистрации кандидата, выдвинутого избирательным объединением, избирательным блоком одновременно на одних и тех же выборах в одномандатном избирательном округе и в списке кандидатов.

Предвыборную агитацию можно охарактеризовать как «кульминацию» избирательного процесса. Под предвыборной агитацией принято понимать деятельность граждан Российской Федерации и иных участников избирательного процесса, которая имеет целью побудить или побуждает избирателей к участию в выборах, а также к голосованию за тех или иных кандидатов или против них [10, ст. 2].

Определение сроков проведения, условий участия граждан и иных субъектов избирательного процесса в предвыборной агитации, установление ограничений и запретов в осуществлении агитационной деятельности, а также ответственности за нарушение предусмотренного порядка проведения предвыборной агитации являются важнейшими составляющими правового регулирования предвыборной агитации.

Предвыборная агитация начинается с момента регистрации кандидата (списка кандидатов) и заканчивается за день до голосования [10, ст. 38]. В случае, когда необходимо проведение повторного голосования, предвыборная агитация

может быть возобновлена в день официальной публикации решения о назначении повторного голосования и прекращена в ноль часов за сутки до дня повторного голосования. Предвыборная агитация может осуществляться через средства массовой информации, путем проведения массовых мероприятий, выпуска и распространения агитационных печатных материалов, в иных установленных законом формах.

Наиболее ответственной стадией избирательного процесса является голосование. Условия и виды голосования, а также требования, которые предъявляются к деятельности избирательных комиссий по обеспечению волеизъявления избирателей, подробно описываются в действующем Законе о гарантиях. Каждый из видов голосования, который проводится в Российской Федерации, обладает своими специфическими особенностями и отличается кругом участвующих субъектов, характером осуществляемых действий. Но все они имеют целью создание приемлемых организационно-правовых предпосылок для осуществления права граждан избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления.

Голосование в помещении избирательного участка в день голосования представляет собой наиболее распространенную форму волеизъявления избирателей, вследствие чего оно нередко характеризуется в качестве «обычного» голосования. Голосование вне избирательного участка (вне помещения для голосования) нацелено на обеспечение в день выборов волеизъявления избирателей не способных самостоятельно по уважительным причинам (по состоянию здоровья, инвалидности и другим причинам) явиться в помещение для голосования. В тех случаях, когда при проведении выборов предусматривается мажоритарная избирательная система абсолютного или квалифицированного большинства проводится повторное голосование.

Подсчет голосов избирателей производится сразу после завершения времени голосования без перерывов и длится до установления итогов голосования, которые должны быть переданы всем членам участковой избирательной комиссии, а также наблюдателям [10, ст. 36].

Уполномоченная избирательная комиссия, посредством суммирования данных об итогах голосования, содержащихся в первых экземплярах протоколов нижестоящих комиссий, определяет результаты выборов. В зависимости от полученных цифр и в соответствии с избирательным законодательством избирательная комиссия

может принять одно из следующих решений:

- об избрании кандидата или распределении депутатских мандатов между кандидатами из списка кандидатов, выдвинутых избирательными объединениями (блоками), за которые подано необходимое число голосов избирателей;
- о признании выборов несостоявшимися;
- о признании выборов недействительными;
- о проведении повторного голосования.

Кандидат признается избранным при получении большинства голосов избирателей, принявших участие в голосовании. В случае признания выборов избирательной комиссией недействительными проводятся повторные выборы.

Библиографический список

1. Авакьян, С. А. Конституционное право России: учебный курс: в 2-х т. Том 2 [Текст] / С. А. Авакьян. – М., 2005. – 696 с.
2. Ахлюстин, В. А. Избирательный процесс в Российской Федерации: дис. канд. юрид. наук [Текст] / В. А. Ахлюстин. – СПб., 2002.
3. Белов, С. А. Избирательная система как правовой институт [Текст] / С. А. Белов. – СПб.: Изд. Дом С-Петербур. гос. ун-та, 2005. – 120 с.
4. Веденеев, Ю. А. Избирательное право: учебник [Текст] / Д. Б. Катков, Е. В. Корчиго. – М.: Юриспруденция, 2001. – 288 с.
5. Енгибарян, Р. В. Конституционное право [Текст] / Р. В. Енгибарян, Э. В. Тадевосян. – М.: Юристь, 2000. – 492 с.
6. Зиновьев, А. В. Конституционное право России: проблемы теории и практики [Текст] / А. В. Зиновьев. – СПб., 2000. – 153 с.
7. Князев, С. Д. Избирательный процесс: понятие, особенности и структура [Текст] / С. Д. Князев // Правоведение. – 1999. – № 3.
8. Конституционное (государственное) право: справочник / Под ред. В. И. Лафитского. – М.: Юристь, 1995. – 53 с.
9. Конституция Российской Федерации [Текст]. – М.: Известия, 1993. – 63 с.
10. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации / [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ / http://www.consultant.ru/document/Cons_doc_LAW_37119/ (дата обращения 17.02.2016)
11. Хрусталева, Е. Н. Избирательный процесс в России: понятие и стадии [Текст] / Е. Н. Хрусталева // Правоведение. – 1998. – № 2.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- АЛЕКСАНДРОВА** – магистрант факультета ГМУ Волгоградского филиала
Анастасия Александровна РАНХиГС
контактная информация: Cool.kaa999@yandex.ru
- БЕЛИКОВА** – кандидат социологических наук, доцент кафедры
Екатерина Олеговна русского языка и документалистики Волгоградского государственного университета
контактная информация: katena.belikova.81@mail.ru
- ГАЛАКТИОНОВА** – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры
Нелли Анатольевна русского и иностранных языков «Тюменского высшего военного инженерного командного училища имени маршала инженерных войск А. И. Прошлякова» (ТВВИКУ), Тюмень
контактная информация: nelli.galaktionova@yandex.ru
- ИВАНОВА** – доктор экономических наук, профессор кафедры
Татьяна Борисовна корпоративного управления Волгоградского филиала РАНХиГС
контактная информация: nika20021960@bk.ru
- ИШХНЕЛИДЗЕ** – магистрант кафедры государственного управления и
Анжелика Гивиевна политологии Волгоградского филиала РАНХиГС
контактная информация: anjeLika0193@yandex.ru
- КОВШИКОВА** – кандидат философских наук, доцент кафедры
Елена Владимировна корпоративного управления Волгоградского филиала РАНХиГС
контактная информация: kelenav1@yandex.ru
- ЛАВРУХИНА** – доктор философских наук, профессор
Ирина Михайловна Азово-Черноморский институт – филиал ФГБОУ ВО «Донской государственной аграрный университет» в г. Зернограде
контактная информация: Lavruhina_i@inbox.ru
- ЛИТВИНОВ** – магистр направления подготовки «Философия», ЮФУ,
Максим Сергеевич Института Философии и социально-политических наук
контактная информация: samoletp11@ya.ru
- МОЛОДОЖЕНОВ** – магистрант кафедры государственного управления и
Александр Геннадьевич политологии Волгоградского филиала РАНХиГС
контактная информация: a_molodojenov@mail.ru

- МОРОЗОВ** – доктор политических наук, доцент, профессор кафедры
Илья Леонидович государственного управления и политологии
Волгоградского филиала РАНХиГС
- ОГАРКОВ** – кандидат экономических наук, доцент, зав. кафедрой
Александр Александрович корпоративного управления Волгоградского филиала
РАНХиГС
контактная информация: volgnauka@yandex.ru
- ПЕРЕРВА** – кандидат исторических наук, начальник научно-
Евгений Владимирович организационного отдела, Волгоградский филиал
РАНХиГС
контактная информация: perervafox@mail.ru
- ПОЛОМОШНОВ** – доктор философских наук, профессор
Андрей Федорович заведующий кафедрой философии и истории Донского
государственного аграрного университета
контактная информация: paf1@mail.ru
- ПОЛОМОШНОВ** – кандидат философских наук, доцент кафедры
Платон Андреевич философии и культурологии Ростовского
государственного экономического университета
контактная информация: _platon_@list.ru
- РОМАНОВ** – студент 1 курса магистратуры, кафедры
Егор Сергеевич государственного и муниципального управления,
Институт экономики и управления (СП) ФГУАО ВО
«КФУ им. В. И. Вернадского», г. Симферополь
контактная информация: egor.sparta@mail.ru
- СЕМИКИН** – кандидат географических наук, доцент кафедры учета,
Дмитрий Викторович анализа и аудита Волгоградского филиала РАНХиГС
контактная информация: semikindv@yandex.ru
- СЕМИКИНА** – кандидат филологических наук, доцент кафедры
Юлия Геннадьевна лингвистики и межкультурной коммуникации
Волгоградского филиала РАНХиГС
контактная информация: semikinajulia@yandex.ru
- СТЕШЕНКО** – доцент кафедры философии и методологии науки Ин-
Николай Иванович ститута Философии и социально-политических наук,
кандидат философских наук, ЮФУ, кафедры филосо-
фии и методологии науки Института Философии и со-
циально-политических наук
контактная информация: steshenkon@list.ru
- УСАЧЕВА** – кандидат социологических наук, научный сотрудник
Ольга Александровна Института социологии РАН, Москва
контактная информация: OlgaAUsacheva@yandex.ru

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал публикует статьи, рецензии, научные сообщения; выходит 4 раза в год (ежеквартально), материалы для публикации в очередном номере принимаются до 25 числа второго месяца каждого квартала. Публикация осуществляется **бесплатно**, номер журнала можно получить в научном отделе ВФ РАНХиГС (Волгоград, ул. Гагарина 8, ауд. 303), иногородним авторам будет выслан по указанному Вами адресу.

Материалы представляются на электронном носителе в виде двух файлов.

В первом файле на русском и английском языках данные об авторе: Ф.И.О. полностью, ученую степень и ученое звание, должность, контактную информацию (место работы/учебы, полный почтовый адрес, контактный телефон, e-mail). Информация о результатах проверки на плагиат, а также о том, что рукопись не была опубликована ранее и не будет направлена в другое издание.

Во втором файле материал для публикации. Требования к **рукописям**:

1. Объем не должен превышать 1 п.л. (40 тыс. знаков с пробелами), шрифт Times New Roman размером 14, через 1,5 интервала, поля по 2 см с каждой стороны, нумерация страницы по центру внизу.

2. Представленный материал должен включать следующие элементы издательского оформления: индексы УДК и ББК (на русском языке); заглавие, инициалы и фамилия, аннотация (50–100 слов), ключевые слова (5–8) на русском и английском языках.

3. Текст статьи (рецензии, сообщения) и список литературы на русском языке. Список литературы располагается после текста статьи, предваряется словом **Библиографический список**, оформляется в алфавитном порядке и нумеруется. Ссылки на использованные источники приводятся внутри текста после цитаты в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника цитирования и страницы, например [5, с. 12].

4. Для обособленных фрагментов текста можно использовать шрифт Arial и др. Для табличного, вспомогательного текста допускается использование шрифта меньшего размера. Рисунки (чёрно-белые, цветные) внедрены в текст, журнал публикуется в черно-белом варианте.

Рукописи рецензируются членами редколлегии и приглашенными специалистами. По результатам рецензирования рукопись может быть возвращена на доработку с краткими замечаниями редакции. Редакция не разглашает имена рецензентов, не знакомит авторов с текстом рецензии, не вступает в содержательную полемику с авторами. Для российских авторов (аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук) необходимо дополнительно представить рекомендацию, подписанную научным руководителем и заверенную печатью учреждения (подлинник или сканированный вариант). **Все материалы проходят проверку по программе «Антиплагиат». Компьютерный перевод на английский язык не принимается!**

Статьи печатаются на русском или английском языках. Журнал размещается в базе РИНЦ и учитывается при подсчете индекса цитирования. Адрес для пересылки статей и последующей переписки: vestnik-vags@yandex.ru

Более подробная информация о требованиях, рекомендациях для подготовки научных публикаций в журнал расположена по адресу:

http://vlgr.ranepa.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=2671

Научное издание

**НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК
ВОЛГОГРАДСКОГО ФИЛИАЛА РАНХиГС**
Серия: политология и социология. 2016. № 1.

*Точка зрения редакции и членов редколлегии
не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикуемых статей*

Редакторы *Н. В. Никитина, М. И. Мульганова*
Компьютерная верстка *Г. В. Подшиваловой*

Свидетельство ПИ №ФС77-58708 от 28.07.2014

Подписано в печать 26.05.2016. Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Уч.-изд. л. 8,61. Физ. п. л. 10.
Тираж 1000 (1–100) экз. Цена свободная.

Волгоградский филиал ФГБОУ ВО РАНХиГС
400131, Волгоград, ул. Гагарина, 8.
vestnik_1@vags.ru
Издательство Волгоградского филиала ФГБОУ ВО РАНХиГС
400078, Волгоград, ул. Герцена, 10